

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 3 (13)

2021

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғыл. докт. **Б.Ә. Байтанаев**, Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиков, ТР ҒА корр.-мүшесі, тарих ғыл. докт., А.Х. Халиков ат. Археология институты (Қазань, Ресей) (төраға); **А. Оутрам**, археология докт., проф., Эксетер университеті (Эксетер, Ұлыбритания); **А.А. Тишкин**, тарих ғыл. докт., проф., Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей); **В.Б. Панковский** – тарих ғыл. канд., Археология институты (Киев, Украина); **В.Ф. Зайберт**, тарих ғыл. докт., проф., әл Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан); **Ж.Қ. Таймағамбетов**, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Нұр-Сұлтан, Қазақстан); **З. Самашев**, тарих ғыл. докт., проф., «Берел» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі (Нұр-Сұлтан, Қазақстан); **И.Л. Қызласов**, тарих ғыл. докт., Археология институты (Москва, Ресей); **М. Фрачетти**, археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ); **М.Е. Елеуов**, тарих ғыл. докт., проф., әл Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан); **Н. Бороффка**, археология докт., проф., Неміс археология институты (Берлин, Германия); **Н.Ю. Смирнов**, тарих ғыл. канд., Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей); **П.М. Кольцов**, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Городовиков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей); **Р. Йовита**, PhD докторы, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ); **Р.Х. Сулейманов**, тарих ғыл. докт., профессор, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан); **С.Е. Әжіғали**, тарих ғыл. докт., профессор, Ш.Ш. Уалиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан); **Т. Уильямс**, археология докт., проф., Лондон университеттік колледжі (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан); **Ә.М. Манапова**, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан); **Д.А. Воякин**, тарих ғыл. канд., Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан); **Е. Ақымбек**, PhD, Ө.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан); **Ж. Кұрманқұлов**, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан); **Ж.Р. Утубаев**, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан); **М.К. Хабдулина**, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан); **Т.Б. Мамиров**, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан); **Ғ.А. Базарбаева**, тарих ғыл. канд., Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Техникалық редакторы

З.М. Толенова, тарих ғыл. канд., доцент, Ө.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.com

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің 2021–2022 жылдарға арналған ЖТН № OR11465466 бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын жоба шеңберінде жүзеге асырылады.

Құрылтайшы: Ө.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

© Ө.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2021

© «Қазақстан археологиясы» журналы, 2021

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 3 (13)

2021

Главный редактор

Академик НАН РК, докт. ист. наук **Б.А. Байтанаев**, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

А.Г. Ситдиков, чл.-корр. НАН РТ, докт. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия) (председатель); **А. Оутрам**, доктор археологии, проф., Университет Эксетер (Эксетер, Великобритания); **А.А. Тишкин**, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); **В.Б. Панковский**, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина); **В.Ф. Зайберт**, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан); **Ж.К. Таймагамбетов**, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Нур-Султан, Казахстан); **З. Самашев**, докт. ист. наук, проф., Государственный историко-культурный заповедник «Берел» (Нур-Султан, Казахстан); **И.Л. Кызласов**, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия); **М. Фрачетти**, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США); **М.Е. Елеуов**, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан); **Н. Бороффка**, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия); **Н.Ю. Смирнов**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия); **П.М. Кольцов**, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия); **Р. Йовита**, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); **Р.Х. Сулейманов**, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан); **С.Е. Ажигали**, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан); **Т. Уильямс**, докт. археологии, проф., Университетский колледж Лондона (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.А. Бисембаев, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **А.М. Манапова**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **Д.А. Воякин**, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан); **Е. Акымбек**, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **Ж. Курманкулов**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **Ж.Р. Утубаев**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **М.К. Хабдулина**, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Казахстан); **Т.Б. Мамиров**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); **Г.А. Базарбаева**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Технический редактор

З.М. Толенова, канд. ист. наук, доцент, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeekz.com

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021–2022 гг., ИРН проекта № OR11465466

Учредитель: Институт археологии им. А.Х. Маргулана

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021

© Журнал «Археология Казахстана», 2021

**Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
A.Kh. Margulan Archeology Institute**

**ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ
KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY**

№ 3 (13)

2021

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Dr. of Hist. Sciences
Bauryzhan A. Baitanayev, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Dr. of Hist. Sciences, A.Kh. Khalikov Archaeology Institute (Kazan, Russia) (chairman); **Alan Outram**, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK); **Alexey A. Tishkin**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia); **Igor L. Kyzlasov**, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology (Moscow, Russia); **Madiyar Ye. Yeleuov**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan); **Michael D. Frachetti**, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA); **Nikolaus N.O. Boroffka**, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany); **Nikolay Yu. Smirnov**, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture (Saint Petersburg, Russia); **Petr M. Koltsov**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia); **Rady P. Ioviță**, PhD, New York University (New York, USA); **Rustam Kh. Suleymanov**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); **Serik E. Ajigali**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan); **Tim Williams**, Dr. of Archaeology, Prof., London University College (London, UK); **Valentin B. Pankowski**, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology (Kyiv, Ukraine); **Victor F. Zaibert**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan); **Zainolla Samashev**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., State historical and cultural museum-reserve "Berel" (Nur-Sultan, Kazakhstan); **Zhaken K. Taimagambetov**, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Arman A. Bisembayev**, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Dmitriy A. Voyakin**, Cand. of hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan); **Maral K. Khabdulina**, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan); **Talgat B. Mamirov**, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Yeraly Sh. Akymbek**, PhD, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Zhanbolat R. Utubayev**, Cand. of hist. sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Zholdasbek Kurmankulov**, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); **Galiya A. Bazarbayeva**, Cand. of Hist. Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editor:

Zirabuby M. Tolenova, Cand. of Hist. Sciences, Ass. Prof., A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.com

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011

was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2021–2022, project IRN OR11465466

Founder: A.Kh. Margulan Archeology Institute
© A.Kh. Margulan Archeology Institute, 2021
© Journal "Kazakhstan Archeology", 2021

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Кызласов И.Л. (Москва, Россия)

История открытия и изучения первого манихейского храма
в Сибири. Часть 1 9

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Қуандық С.Р., Мамедов А.М. (Алматы, Қазақстан)

Коллекция каменных изделий с археологического комплекса
Каздыарал 1 в Западном Казахстане
(предварительное сообщение) 26

Варфоломеев В.В., Кайыржан А.К. (Караганды, Қазақстан)

Поселение Саурамбай по результатам
разведочного обследования 38

Евдокимов В.В. (Караганды, Қазақстан),

Сеитов А.М. (Костанай, Қазақстан)

Савроматские погребения могильника Перелески II
в Верхнем Притоболье 49

Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Гумирова О.Н. (Алматы, Қазақстан)

Петроглифы западных отрогов гор Архарлы 66

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Лошакова Т.Н. (Алматы, Қазақстан)

Проблемы консервации обугленного дерева
(на примере находки с поселения Токсанбай) 98

*Шагирбаев М.С. (Алматы, Қазақстан), Ержигитова А.А. (Шымкент,
Қазақстан), Казизов Е.С., Сорокин Д.В. (Алматы, Қазақстан)*

К изучению особенностей ведения хозяйства
населением городища Культобе: по данным
археозоологического анализа (2020–2021 гг.) 108

Саргизова Г.Б. (Алматы, Қазақстан)

Күлтөбе қалашығының сүйек және мүйіз артефактілеріне
трасологиялық талдау (алдын ала мәліметтер) 134

Самашев З. (Жамбыл а., Қазақстан),

Жүнісханов А.С. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

Сяньби кезеңі бойынша соны радиокөміртектік зерттеулер 146

ХАБАРЛАР – ХРОНИКА

Төлегенов А.К. (Алматы, Қазақстан)

Ғалым, археолог, әріптес, дос әрі ұстазға... 154

Крупко И. (Алматы, Қазақстан)

Хранитель древности: памяти Арнабая Нуржанова 161

Қысқартулар тізімі – Список сокращений 170

Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов 171

CONTENT

QUESTIONS OF ARCHAEOLOGY

- I. Kyzlasov** (*Moscow, Russia*)
 History of discovery and study of the first Manichaean temple
 in Siberia. Part 1 (in Russian) 9

FIELD STUDIES

- S. Kuandyk, A. Mamedov** (*Almaty, Kazakhstan*)
 Collections of stone products from the Kazdyaral 1
 archaeological complex in Western Kazakhstan
 (preliminary message) (in Russian) 26
- V. Varfolomeev, A. Kaiyrzhan** (*Karagandy, Kazakhstan*)
 Saurambay settlement according to the results of the exploration
 survey (in Russian) 38
- V. Evdokimov** (*Karagandy, Kazakhstan*),
A. Seitov (*Kostanay, Kazakhstan*)
 Sauromatian burials of Pereleski II burial ground
 in the Upper Tobol river region (in Russian) 49
- A. Goryachev, S. Galimzhanov, O. Gumirova** (*Almaty, Kazakhstan*)
 Petroglyphs of the western spurs of the Arkharly mountains
 (in Russian) 66

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- K. Altynbekov, L. Charlina, T. Loshakova** (*Almaty, Kazakhstan*)
 Problems of charred wood preservation
 (using the example of a find from the settlement of Toksanbai)
 (in Russian) 98
- M. Shagirbayev** (*Almaty, Kazakhstan*), **A. Erzhigitova** (*Shymkent, Kazakhstan*),
E. Kazizov, D. Sorokin (*Almaty, Kazakhstan*)
 Studying of the peculiarities of the farming of the population
 of the medieval Kultobe site: according to archaeozoological
 analysis (2020–2021) (in Russian) 108
- G. Sargizova** (*Almaty, Kazakhstan*)
 A use-wear analysis of bone and antler artifacts from Kultobe
 (preliminary data) (in Kazakh) 134
- Z. Samashev** (*Zhambyl v., Kazakhstan*),
A. Zhuniskhanov (*Nur-Sultan, Kazakhstan*)
 New radiocarbon dates on the Xianbei period (in Kazakh) 146

CHRONICLE

- A. Tolegenov** (*Almaty, Kazakhstan*)
 To a scientist, an archaeologist, a colleague, a friend, a teacher...
 (in Kazakh) 154
- I. Krupko** (*Almaty, Kazakhstan*)
 The keeper of antiquity: in memory of Arnabai Nurzhanov
 (in Russian) 161
- List of Abbreviations** 170
- Submissions** 171

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОГО МАНИХЕЙСКОГО ХРАМА В СИБИРИ. Часть 1*

© 2021 г. Кызласов Игорь Леонидович¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Аннотация. В этом номере публикуется первая часть статьи, продолжение – в следующем выпуске. 50 лет назад в Хакасии Л.Р. Кызласовым был найден и археологически изучен первый манихейский храм, положивший начало многолетним раскопкам подобных культовых сооружений. Ученик С.В. Киселёва, он в 1945–1949 гг. получил, казалось бы, классическое кочевниковедческое образование, направленное на изучение курганов: экспедиции в Хакасии, Туве, Казахстане, дипломная работа «Алтай в V–X вв.». Однако участие в раскопках гуннского дворца под Абаканом в 1946 г. побудило студента изучить публикации послевоенных раскопок монументальных зданий в Пенджикенте и Кармир-блуре. Самостоятельно полученные книжные знания позволили Кызласову, единственный раз работавшему в Средней Азии, в 1953–1954 гг. впервые в нашей науке отыскать и раскопать на городище Ак-Бешим буддийский храм и несторианскую церковь. Методика работ также была новой – соединяла опыт изучения курганов и сырцовых зданий. С тех пор исследователь многие годы находил и копал крепости и города древних уйгуров, хакасов, монголов на Верхнем и Среднем Енисее. Именно он в исхоженной археологами Хакасии распознал в оплывших буграх отдельный манихейский храм и крупный храмово-монастырский центр. Оба комплекса раскопаны им способом, выработанным в Ак-Бешиме. Тогда и поныне манихейские храмы остаются неизвестными археологам.

Ключевые слова: археология, история науки, научные подходы, археологические методы, сырцовые храмы, сибирско-тюркское манихейство

СІБІРДЕГІ АЛҒАШҚЫ МАНИХЕЙ ХРАМЫНЫҢ АШЫЛУ ЖӘНЕ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ. 1 бөлім

Кызласов Игорь Леонидович¹

¹тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер,
РҒА Археология институты, Мәскеу қ., Ресей. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Аннотация. Осы мақаланың жалғасы келесі санда жарық көреді. 50 жыл бұрын Хакасияда Л.Р. Кызласов осындай ғибадат құрылыстарын көп жылдық қазудың негізін қалаған алғашқы манихей ғибадатханасын тауып, археологиялық тұрғыдан зерттеді. С.В. Киселевтің шәкірті болған ол 1945–1949 жылдары Хакасиядағы, Тувадағы, Қазақстандағы экспедициялары, «V–X ғғ. Алтай» дипломдық жұмысын жазуы классикалық көшпенділер білімін алғандай еді. Алайда, 1946 жылы Абакан маңындағы ғұн сарайының қазба жұмыстарына қатысу студенттің Пенджикент пен Кармир-блурдағы монументалды ғимараттардың соғыстан кейінгі қазба жұмыстарының жари-

*Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований»

яланымдарын зерттеуіне себеп болды. Өз бетінше алған кітап білімі 1953–1954 жылдары Орта Азияда бір-ақ рет жұмыс істеген Кызласовқа біздің ғылымымызда алғаш рет Ақбешім қалашығында буддалық храм мен несториандық шіркеуді тауып, қазуға мүмкіндік берді. Жұмыс әдістемесі де жаңа болды – қорғандар мен сырлы ғимараттарды зерттеу тәжірибесін ұштастырды. Содан бері зерттеуші көптеген жылдар бойы жоғарғы және орта Енисейде ежелгі ұйғырлардың, хакастардың, моңғолдардың бекіністері мен қалаларын тауып, қазды. Хакасия археологтары әбден жүріп өткен жерлерден ол құлаған шұңқырларда жеке манихей ғибадатханасын және үлкен ғибадатхана мен монастырь орталығын анықтады. Екі кешен де Ақбешімде жасалған тәсілмен қазылды. Содан кейін әлі күнге дейін манихей храмдары археологтарға белгісіз болды және әлі де беймәлім күйінде қалды.

Түйін сөздер: археология, Ғылым тарихы, ғылыми тәсілдер, археологиялық әдістер, шитті храмдар, Сібір-түркі манихейлігі

HISTORY OF DISCOVERY AND STUDY OF THE FIRST MANICHAEAN TEMPLE IN SIBERIA. Part 1

Igor Kyzlasov¹

¹Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Abstract. This issue publishes the first part of the article, continued in the next. 50 years ago, in Khakassia, L.R. Kyzlasov found and archaeologically studied the first Manichaean temple, which laid the foundation for many years of excavation of such places of worship. A student of S.V. Kiselyov, he in 1945–1949, received a seemingly classical education of nomadic studies: expeditions to Khakassia, Tuva, Kazakhstan, a thesis “Altai in V–X centuries”. However, participation in the excavations of the Hunnic palace near Abakan in 1946 prompted the student to study the publications of post-war excavations of monumental buildings in Penjikent and Karmir-blur. Self-obtained book knowledge allowed Kyzlasov, who only worked in Central Asia, in 1953–1954 for the first time in our science to find and excavate a Buddhist temple and a Nestorian church on the Ak-Beshim settlement. The method of work was also new – it combined the experience of studying mounds and adobe buildings. Since then, the researcher for many years searched and dug fortresses and cities of ancient Uighurs, Khakasses, Mongols on the Upper and Middle Yenisei. It was he in Khakassia, researched by archaeologists, who recognized a separate Manichaean temple and a large temple and monastery center in the floated hills. He excavated both complexes in the way developed in Ak-Beshim. Then to this day, Manichaean temples remain unknown to archaeologists.

Keywords: archaeology, history of science, scientific approaches, archaeological methods, adobe temples, Siberian-Turkic Manichaeism

Введение

50 лет назад в Хакасско-Минусинской котловине был выявлен раннесредневековый объект, изучение которого привело к возникновению в южносибирской медиэвистике нового направления. Затем оно захватило всю степную и лесостепную Среднюю и Северную Азию. Был найден и археологически изучен первый храм, положивший начало многолетним си-

стематическим раскопкам в Хакасии подобных монументальных культовых сооружений. Эти исследования были поддержаны новым пониманием религиозной природы енисейского, а затем и таласского рунического письма, как и воздействием специфического манихейского правописания на руническую орфографию. В результате для востоковедной науки от-

крылось широкое распространение в VIII–XII вв. особой формы манихейства, в сравнении с западным и восточным получившего название северного. Согласно характерным особенностям, его можно также именовать сибирско-тюркским.

Это открытие, совершенное Хакасской археологической экспедицией, началось с обнаружения первого манихейского храма. Следует помнить, что в котловину Сорга Л.Р. Кызласова привело скопление древнейших изваяний, редкое даже для Хакасии и потому давно известное в литературе [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 64, 89, карта]. В отличие от иных мест эти изваяния в большинстве не были переиспользованы при сооружении последующих курганов или поминальных рядов, а оставались стоять в чистом поле. Эта археологическая особенность позволяла решить стоявшую тогда задачу – понять монументальную скульптуру как самостоятельное явление древности.

Изваяниями и курганами в котловине Сорга близ улуса Тазмина со времен Д.Г. Мессершмидта, побывавшего там 4–5 августа 1722 г., занимались многие археологи: В.В. Радлов (1863), Й.Р. Аспелин (1887), И.Т. Савенков (1908, 1911), С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер (начало 1920-х гг.), Э.Б. Вадецкая (1967). Ни

кто из них не выделил среди крупных курганов этой долины те овалованные руины средневекового храма, которые сразу же привлекли внимание Л.Р. Кызласова [Мессершмидт, 2012, с. 123, 124; Радлов, 1895, с. 172; 1989, с. 431, 433, 434; Appelgen-Kivalo, 1931, S. 13, Abb. 143–146; Грязнов, Шнейдер, 1926, с. 100; 1929, с. 64, 81, прим. 1; Кызласов И.Л., 1984, с. 19; Кызласов Л.Р., 1986, с. 86, прим. 1; Леонтьев и др., 2006, с. 9].

Это показательное, характерное для сибиреведческой науки обстоятельство объясняется разницей в подходах исследователей к истории Хакасско-Минусинской котловины. Убежденность в извечности здешнего кочевого уклада не побуждала к поискам стационарных поселенческих памятников, сформировала примат курганной археологии и, потому, не вытекала из имевшегося общего опыта. Л.Р. Кызласов принадлежал к другой научной школе и держался иного взгляда.

Особенности археологической самоподготовки Л.Р. Кызласова

С осени 1945 г. Л.Р. Кызласов, поступивший на кафедру археологии МГУ, становится учеником С.В. Киселева – одного из ведущих археологов страны¹. Помимо активной и разносторонней. Первая встреча с Учите-

¹ Сергей Владимирович Киселев в те годы – профессор кафедры археологии и заместитель директора ИИМК АН СССР (директорами были историки: акад. Б.Д. Греков, затем чл.-корр. А.Д. Удальцов). Роль в науке, широту и глубину знаний С.В. Киселева проявляют публикации рассматриваемого периода. южносибирской деятельности, именно им написаны сводные обзоры о 25-лети советской археологии (1942, 1944), двух военных ее годах (1943), экспедициях ИИМК 1945 г. и планах работ на 1946–1950 гг. (1946), об открытиях памятников эпохи бронзы в СССР за 25 лет (1944/1946), исследованиях первого послевоенного пятилетия (1951, 1952), рецензии на монографии коллег о раскопках в Триалети (1942), древней культуре Узбекистана (1946) и скульптуре Урала (1946), историческом пути народов Якутии (1946) и греческой колонизации Северного Причерноморья (1948), истории первобытного общества (1949) и археологическом поприще Д.А. Анучина (1947), сборнике «Трипильска культура» (1946) [Библиография, 1959, с. 722; Список, 1965, с. 13, 14].

лем состоялась еще в Абакане в довоенном 1940 г. и сохранилась в памяти прошедшего фронт юноши [Кызласов Л.Р., 1975а, с. 94; 1983, с. 12–15; 1995, с. 163; Кызласов И.Л., 2015, с. 441, 443].

Сразу после войны, уже летом 1945 г., С.В. Киселёв и Л.А. Евтюхова возобновляют работы в Хакасии, а в 1946 г. начинают исследования в Туве, за два года до этого вошедшей в состав СССР и почти неведомой в археологическом отношении. К раскопкам гуннского дворца на Абакане и широкому полевому обследованию Тувинской котловины в 1946 и 1947 гг. был привлечен студент Кызласов [Кызласов Л.Р., 1965а, с. 67; 2001, с. 17, 115]. В 1948 г. он проводит разведки и раскопки в Центрально-Казахстанской экспедиции, руководимой А.Х. Маргуланом [Кызласов Л.Р., 1950; 1951; 2004; 2017а; 2017б; Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126]. В следующем 1949 г. защищает дипломную работу «Алтай в V–X вв.». Иными словами, в университетские годы археолог Кызласов получает, как сказали бы ныне систематизаторы науки, цельную кочевниковедческую подготовку, направленную на изучение курганов.

Однако состав его формирующейся библиотеки свидетельствует о своеобразии археологической самоподготовки. Со студенческой молодости Леонид Романович профессионально готовил себя к полевому изучению сложных архитектурных объектов. Особенности отыскания, полевого и кабинетного постижения храмовых комплексов познаются им по ранним публикациям знаменитой Пенджикентской экспедиции. С первого года ее работы, в послевоенном 1946 г. (тогда Верхнезарафшанский

отряд Согдийско-Таджикской, затем Таджикской археологической экспедиции, руководитель А.Ю. Якубовский), после предварительного осмотра на городище древнего Пенджикента для раскопок был избран Объект 1 – как и предполагали изначально, оказавшийся городским храмом. В 1947 и 1948 гг. он был полностью раскопан А.М. Беленицким, затем приступившим к исследованию второго храма, существовавшего неподалеку (Объект 2) [Якубовский, 1950, с. 23, 32, 42, 43, 50, 52; 1953, с. 12; Беленицкий, 1950, с. 100–105; 1953, с. 21–58]. Характер местной храмовой архитектуры средневековой Средней Азии в Пенджикенте был выявлен впервые.

В студенчестве Л.Р. Кызласов не мог, конечно, предвидеть того, что в грядущих 1953–1954 гг. возглавит Чуйский археологический отряд Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и проведет поныне знаменитые раскопки на развалинах Суяба – столицы Западнотюркского каганата (городище Ак-Бешим). Предугадать этого он не мог, но, тем не менее, к выходу в семиреченское поле археолог Л.Р. Кызласов уже настолько хорошо представлял себе первоначальный облик руин и архитектурные особенности пенджикентских храмов, прекрасно раскопанных А.М. Беленицким в Таджикистане, что, располагая только двумя полевыми сезонами, сумел среди сотен бугров огромного городища выделить те, которые имели характерную конфигурацию сакральных раннесредневековых построек.

Среди известных мне ранних публикаций, часть которых указана самим Л.Р. Кызласовым [Кызласов Л.Р., 2006, с. 235], вид пенджикентских храмов до раскопок

нигде не представлен ни графически, ни фотографически. Остается думать, что исследователь получил представления об этом из описаний Таджикской экспедиции. В Научно-отраслевом архиве ИА РАН хранится подтверждающее это предположение письмо Л.Р. Кызласова к С.В. Киселеву и Л.А. Евтюховой, написанное 11 августа 1953 г. из Киргизской экспедиции: «В первом холме, где я предполагал найти храмовое здание типа храмов Пенджикента (удивительно совпадала планировка здания, судя по рельефу холма) –

действительно оказался храм, сейчас уже наполовину раскопан» [АИА РАН, ф. 12, д. 141, л. 67]. Описание и планы раскопанных в Пенджикенте храмов, действительно, уже были изданы в ряде публикаций начала 1950-х гг., имевшихся в библиотеке Л.Р. Кызласова [Беленицкий, 1950, с. 100, табл. 36, 3]. Особенно цельное впечатление, пожалуй, создает работа А.Ю. Якубовского [Якубовский, 1951, с. 240, 241, здание I], содержащая и описание храмовых бугров до раскопок², и скрытую ими первоначальную планировку богослужебных

²Вот эти описания: «Два холма, расположенные к западу от площади, несколько схожие друг с другом, обратили на себя внимание участников экспедиции своими правильными очертаниями. Один из этих холмов, южный, и был выбран в качестве объекта для раскопок <...>. Холм этот напоминает своими контурами подковообразную фигуру с симметричными боковыми сторонами, между которыми четко очерчивается овальная впадина, покатаая с запада на восток. Эта впадина переходит в прямоугольную площадку, примыкающую с востока к холму и ограниченную с трех сторон невысокими валами ограды. В восточном валу хорошо заметно место прохода – ворот. Холм вместе с примыкающей площадкой в пределах ограды занимает пространство около 1500 кв. м. В своей высшей точке холм достигает 4 м от дороги (улицы), проходящей у подошвы холма с западной его стороны» [Беленицкий, 1950, с. 100].

Бугор I: «По форме своей он напоминал подкову, стороны которой вогнуты несколько внутрь. Поверхность бугра отличалась обратившей на себя внимание особенностью: в центре она была несколько приплюснута. Это последнее обстоятельство вызвало у нас мысль, что здесь мы можем найти центральное помещение здания. Руководствуясь этим разумным предположением, мы и приступили к вскрытию бугра наверху, в центре вогнутой его поверхности. Раскопки начаты были А.М. Беленицким, который и проводил их систематически в течение четырех лет. Очень быстро А.М. Беленицкий и его сотрудники имели возможность убедиться в правильности выбора начальной точки раскопа» [Якубовский, 1951, с. 240].

Сравним признаки I буддийского храма Ак-Бешима указанные Л.Р. Кызласовым, снявшим и издавшим нивелировочный план и разрез нераскопанного объекта [Кызласов Л.Р., 1959а, с. 161, рис. 4; 2006, с. 235, рис. 51; Kyzlasov, 2010, p. 264, fig. 51] (рис. 1): «Холм привлек наше внимание благодаря четким особенностям своего рельефа. Он представлял в основном прямоугольник с мягкими овалованными очертаниями, вытянутый строго с запада на восток (примерно 85 м при средней ширине в 35 м). Вершина холма находится в западном его конце, где высота его составляла 4,2 м от уровня современной почвы, а если считать от уровня почвы восточной оконечности, то высота этого бугра достигала 8 м. На восток от вершины, за крутым скатом имелась вытянутая в поперечном направлении неширокая площадка с углублением посредине, как бы зал, а за нею, в восточной части холма, скат переходил в более ровную площадку средней высотой всего лишь около 3 м <...>. Последняя площадка тянулась до восточного конца холма и имела посредине глубокое продольное углубление размером 35×16 м. Это напоминало большой огороженный двор.

Такой рельеф, планировка и ориентировка холма показали нам очень близкими к согдийским храмам Пенджикента, раскопанным <...> Таджикской археологической экспедицией ИИМК».

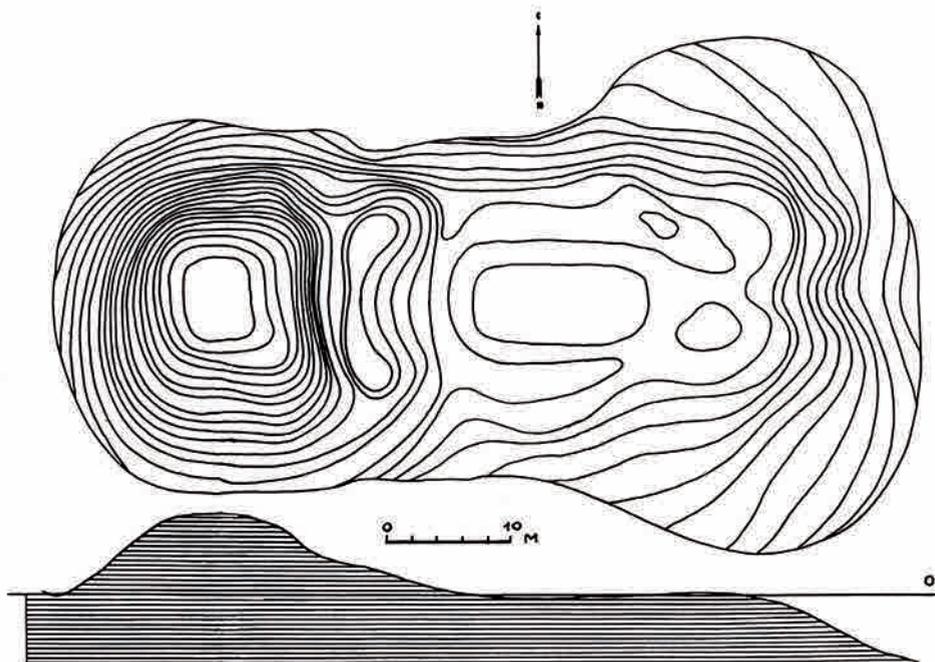

Рис. 1. Городище Ак-Бешим. Нивелировочный план холма буддийского храма (объект I) до раскопок. 1953 г. (по: [Кызласов Л.Р., 1959а, рис. 4])

Fig. 1. Settlement Ak-Beshim. Leveling plan of the hill of the Buddhist temple (object I) before excavation. 1953 (by: [Kyzlasov L.R., 1959a, Fig. 4])

зданий I и II, выявленную и зафиксированную археологами графически.

Благодаря тому книжному знанию, полученному самоподготовкой, в 1953–1954 гг. Л.Р. Кызласовым были отысканы и впервые в Средней Азии археологически изучены буддийский храм и несторианская церковь. На эту методику отбора среди оплывших холмов городища конкретных объектов для проведения ограниченных во времени работ позднее указывал сам исследователь [Кызласов Л.Р., 1959а, с. 161; 2006, с. 227–229, 235; Kyzlasov, 2010, р. 256, 257, 263, 264].

Археологам-востоковедам известно, насколько сложное дело – обнаружение и изучение храмов. Нередко это бывают руины монументального и крупного сооружения непривыч-

ного облика, обычно многослойного, неоднократно перестроенного, часто входящего в крупный архитектурный комплекс. Раскопки такого объекта, как правило, многолетний и напряженный труд. И особая, совсем непростая задача – определение назначения изначально непонятной постройки, лишенной обычных бытовых или производственных признаков. Мало понять ее культовую предназначенность, необходимо установить конкретную религиозную принадлежность. Все эти задачи удалось с большой точностью тогда же разрешить Леониду Романовичу уже в ходе экспедиционных работ.

Более того, Л.Р. Кызласов принес в археологию Средней Азии методику раскопок, ранее там не приме-

нявшуюся. В отличие от обычной комнатной расчистки жилых и культовых помещений вскрытие храмовых комплексов Ак-Бешима проводилось с оставлением продольных и поперечных бровок, проходивших через весь объект (рис. 2). В изучение архитектурных сооружений была привнесена, если можно так сказать, курганная методика вскрытия крупных памятников. В результате была выяснена история культовых построек. Так прослежены два периода существования буддийского храма и два яруса последующего использования его руин [Кызласов Л.Р., 1959а, с. 162–227, рис. 5–9; 2006, с. 227–314; Kyzlasov, 2010, р. 256–347]. В изучении городов Средней Азии эта методика стала с тех пор распространенной.

Применяется она и в Пенджикентской экспедиции. Создается впечатление, что это произошло не без влияния опыта Чуйского археологического отряда Киргизской экспедиции АН СССР – В.И. Распопова, с конца 1950-х гг. работавшая в Пенджикенте,

в 1953–1954 гг. студенткой МГУ участвовала в раскопках Ак-Бешима. Совершенствование полевых приемов изучения городских объектов [Беленицкий и др., 1981], позволившее проследить строительную историю храмов, выделяется В.Г. Шкодой в новый, второй этап их исследования, начавшийся с 1963 г. [Шкода, 2009, с. 10, 11]. Судя по публикациям, иная методика выстраивания и графической фиксации археологических профилей существовала в Пенджикенте уже в 1950-х гг. Она позволяла наблюдать стратиграфию, как группы, так и отдельных небольших помещений и залов, копавшихся по частям, [Большаков, 1964, с. 91, рис. 5, 7, 11, 16; Ставиский, 1964, рис. 3, 6, 12; Маршак, 1964, рис. 4, 6, 7, 10, 12, 13, 15–17, 19, 20].

Оценивая уровень профессионализма, проявленного при исследованиях Ак-Бешима 29-летним ученым, надо заметить, что это были первые и единственные его городские раскопки, проведенные в Средней Азии. Можно

Рис. 2. Городище Ак-Бешим. Разбивка холма буддийского храма продольной и поперечными бровками (вид с восток-северо-востока). 1953 г.
(по: [Кызласов Л.Р., 1959а, рис. 8, 2])

Fig. 2. Settlement Ak-Beshim. The breakdown of the hill of the Buddhist temple with longitudinal and transverse edges (view from east-northeast). 1953
(by: [Kyzlasov L.R., 1959a, Fig. 8, 2])

сказать, что в полевой практике городских раскопок Л.Р. Кызласов тогда соединил сибирскую школу С.В. Киселева со среднеазиатской Ю.А. Якубовского и А.М. Беленицкого.

Работы Чуйского отряда сразу были оценены как большое достижение [Воронина, 1960, с. 43–45, рис. 1, 7, 3, 3; Литвинский, 2004, с. 23] и принесли Л.Р. Кызласову мировую известность. Уже в 1956 г., когда мир отмечал 2500-летие рождения Гаутамы Будды, статья археолога Кызласова об исследовании первого в советской Средней Азии буддийского храма была передана Джавахарлалу Неру и издана в Дели на английском и 12 языках народов Индии. Высокая оценка и подробное изложение исследований Ак-Бешима были в 1960–1961 гг. даны в британском и французском востоковедении. С годами к ним присоединилась германская и итальянская наука [Кызласов Л.Р., 2006, с. 228, прим. 26]. В 2006 г. автор этих строк был приглашен в Пекинский университет с лекцией о раскопках Л.Р. Кызласова на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. По сей день результаты этих работ обсуждаются в науке Китая и Японии.

Знания конфигурации овалованных храмовых строений, как увидим, пригодились Л.Р. Кызласову при полевых работах на Енисее уже в 1959 г. А раскопки первого манихейского храма в Хакасии в 1972–1973 гг. были проведены исследователем по той же методике, что и первого буддийского храма в Ак-Бешиме в 1953 г. Крупный архитектурный объект в котловине Сорга был изучен с оставлением единой продольной (в 52 м длиной) и двух поперечных бровок (по 42 м каждая) [Кызласов Л.Р., 1999, с. 183,

рис. 2] (рис. 3). Тем же образом были раскопаны и оба храмовых бугра в низовьях Уйбата в 1974–1981 гг., длина одного из них достигала 72 м [Кызласов Л.Р., 1998, рис. 6] (рис. 4).

Начиная с 1950 г., в личной библиотеке аспиранта Л.Р. Кызласова, последовательно появляются четыре изданных в Ереване тома. В книгах публиковались результаты раскопок 1936–1949 гг., а затем и 1950–1953 гг., развалин урартской крепости VII–VI вв. до н.э., скрытых холмом Кармир-блур [Кармир-блур. I–III, 1950; 1952; 1955]. Почему из года в год покупались эти книги? Причина, как можно было бы подумать на первый взгляд, не могла заключаться лишь в бывшей у Леонида Романовича особой личной симпатии к Борису Борисовичу Пиотровскому – автору этих монографий и породивших их раскопочных работ. Ведь собиралась вся серия книг, посвященных этому памятнику (четвертый том написан историком архитектуры К.Л. Оганесяном [Кармир-блур IV, 1955]). В 1959 г. к ним добавился и фундаментальный обобщающий труд Б.Б. Пиотровского «Ванское царство (Урарту)». Вновь вполне очевидно, что археолог Кызласов в те годы сознательно готовился к полевому изучению архитектурных объектов особой сложности.

Надо думать, что к профессиональной необходимости познаний, полученных при археологических исследованиях раннесредневекового Пенджикента или древнего Кармир-блур, Л.Р. Кызласова подвигло студенческое участие в раскопках гуннского дворца в Хакасии в 1946 г. Об этом еще придется сказать далее. Через много лет накопленный исследователем опыт изучения памятников городского зодчества привел к совер-

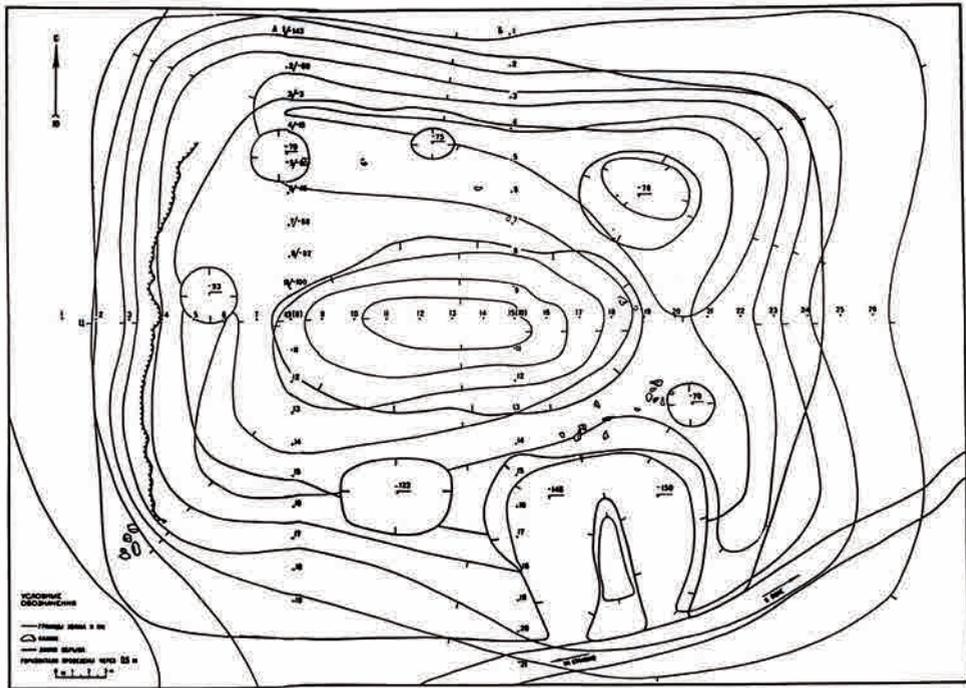

Рис. 3. Котловина Сорга. Нивелировочный план холма манихейского храма до раскопок и его разбивка продольной и поперечными бровками. 1972 г. (по: [Кызласов Л.Р., 1999, рис. 2])

Fig. 3. Sorga Basin. Leveling plan of Manichaeian temple hill before excavation and its breakdown by longitudinal and transverse edges. 1972 (by: [Kyzlasov L.R., 1999, Fig. 2])

шенно новой историко-культурной оценке самого гуннского дворца на р. Абакане.

Пока китайцы спорили о его датировке, стараясь увязать ее с событиями, происходившими гораздо позднее и в иной, не названной в источниках местности, Л.Р. Кызласовым была показана та ближневосточная традиция текстуры, планировки, строительной техники и системы отопления, согласно которой было сооружено это дворцовое здание. Для демонстрации устойчивости, исторической глубины и широты распространения таких западноазиатских архитектурно-строительных канонов в книге, вышедшей в 2001 г., были использованы и материалы по дворцо-

вым комплексам Урарту. В частности, раскопанные в городе царя Аргишти – отца царя Русы, строителя крепости Тейшебаини, которая веками была скрыта под тем самым холмом Кармир-блур [Кызласов, 2001, с. 67–69, 87–94, рис. 36, 47–49].

С тех пор дворец, некогда бывший на Ташебе, уже нельзя ни считать китайским, ни связывать лишь с ходом дальневосточной истории. Перед нами гуннское здание, архитектурный облик которого творчески дополнил основы западноазиатского зодчества некоторыми элементами, восходящими к особенностям восточноазиатского домостроения.

Как видим, археологические работы, проводившиеся в стране в

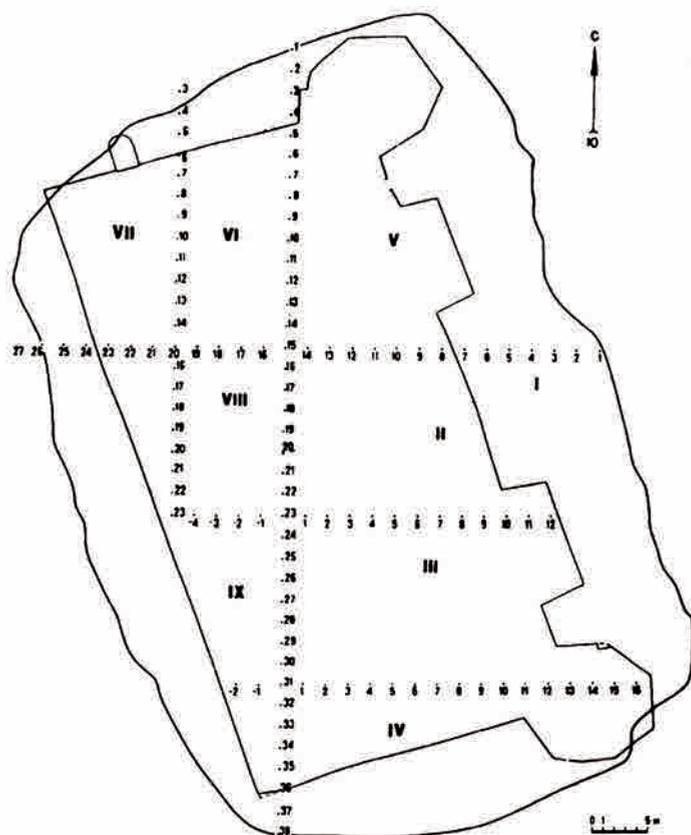

Рис. 4. Уйбатский город. Абрис бугра и скрытого им монастыря с разбивкой на раскопы с продольными и поперечными бровками. 1975 г. (по: [Кызласов Л.Р., 1998, рис. 6])

Fig. 4. Uybat city. The abris of the hillock and the hidden monastery, divided into excavations with longitudinal and transverse edges. 1975 (by: [Kyzlasov L.R., 1998, Fig. 6])

первые послевоенные годы, послужили основой той подготовки Л.Р. Кызласова, которая была направлена на отыскание и изучение в поле крупных архитектурных памятников. Нет сомнения, что первоначальный толчок этому придало в 1946 г. участие студента в раскопках дворца Ли Лина и глинобитных стен близлежащего объекта 2, производившихся С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и В.П. Лева-

шёвой. В 1953–1954 гг. Л.Р. Кызласов использовал и развил полевые методы С.В. Киселёва, с которыми в 1946 г. встретился единственный раз при раскопках дворца гуннского времени под г. Абаканом.

В интересах нашего исследования к методике тех работ, не во всем ясной по изданной документации, следует присмотреться внимательнее. Ее раскрывают миллиметровки,

хранимые в личном фонде ученого в Научно-отраслевом архиве ИА РАН [АИА РАН, ф. 12, д. 20]. С самого начала в 1940 г. В.П. Левашёва, а затем и С.В. Киселёв с Л.А. Евтюховой, копали это крупное здание (45×35 м, 1575 кв. м), своего рода примыкающими траншеями – квадратами 4×4 м, оставляя меж ними идущие через весь объект меридиональные бровки, толщиной по 50 см. Поскольку все три исследователя прошли одну школу В.А. Городцова, можно думать, что именно она проступает в тех полевых работах.

Уже зимой 1946 г. С.В. Киселев выезжает в Монголию для изучения архивов и музейных собраний³, ставит задачу исследования городских памятников [Киселев, 1947, с. 370–372] и в 1948–1949 гг. копает Каракорум и Хара-Балгас [Кызласов, Левашёва, 1965, с. 9, 10; Киселев, 1957]. Изучение городских памятников ведется по той же методике – с оставлением бровок и снятием профилей стенок раскопов [АИА РАН, ф. 12, д. 31]⁴. Однако, студент Кызласов в этих работах участвовать не мог. Он, конечно, о них знал благодаря общению с учителем, из его лекций и докладов, но не имел возможности прямого восприятия приемов полевой работы Сергея Владимировича с городскими руинами. Поэтому исследование крупных архитектурных объектов с оставлением перпендикулярно направленных обших для всего памятника бровок выглядит методическим привнесением самого Л.Р. Кызласова.

Круг специальных, самостоятельно полученных знаний постоянно оставался в профессиональном сознании Л.Р. Кызласова. С конца 1950-х годов им, снова впервые в нашей науке, проводились поиски и раскопки крепостей и городов средневековых уйгуров и монголов в Тувинской котловине. Ныне на этом подробно зафиксированном и опубликованном классическом материале можно и нужно учить новых археологов [Кызласов Л.Р., 1959⁶; 1965⁶; 1969, с. 59–63, 138–159, рис. 9–12, 49–60, 62, 63, 65, табл. II, А, IV, А; 1975⁶; 1979, с. 145–158, рис. 97–115; 1981; Кызласов И.Л., 2008].

Надо ли удивляться, что много лет спустя именно Леонид Романович Кызласов опытным взглядом отыскал в ходе полевых работ и сразу правильно понял что скрывали большие бугры, бывшие в Хакасии в котловине Сорга посреди поселка железнодорожной станции Ербинская, а также затем среди возделанных полей на 34-м километре трассы Абакан–Аскиз? Раскопки их обогатили науку монументальными кирпичными храмами, некогда стоявшими в городах раннего средневековья в тех краях, которые числились исконными кочевыми пространствами и были исхожены археологами нескольких поколений вдоль и поперек.

Причина заключалась, как сказано, в ином научном подходе к истории и, следственно, в ином понимании археологических объектов долины Среднего Енисея.

³В литературе годом этой поездки ошибочно назван и 1947 [Мерперт, 1965, с. 5].

⁴Так же в 1959 г. изучаются С.В. Киселевым и городские руины Хирхира [АИА РАН, ф. 12, д. 59].

На важность последнего обстоятельства в осознании той роли, которую играют в нашей науке о древностях исходные позиции исследователя, указывает короткий диалог М.П. Грязнова и Л.Р. Кызласова. Его свидетелем оказался автор этих строк в 1975 г., когда раскопки средневекового Уйбатского города на Аскизском тракте раскрыли юго-восточный фасад храмово-монастырского комплекса, протянувшийся на 72 м. Приехавший и осмотревший тогда сложенные из сырцового кирпича высокие и мощные стены Михаил Петрович, подлинный корифей южносибирской археологии, выразил свое удивление вопросом: «Откуда Вы это взяли, Леонид Романович? Ведь я этой дорогой с 20-го года езжу». Кызласов пожал плечами: «Ну, не из Москвы же привез, Михаил Петрович». У стен величественного объекта оба исследователя счастливо улыбались друг другу.

Выводы

Самостоятельно поставленная большая задача и с юности выполнен-

ная ради ее разрешения целенаправленная подготовка привели к формированию специалиста, обладавшего уникальными знаниями. В результате упорного, последовательного их применения был открыт новый этап в истории южносибирской археологии, изначально изучавшей и по сей день преимущественно изучающей погребальные памятники-курганы. Вопреки взглядам на извечную для Сибири и для тюркских народов кочевую стихию, в, казалось бы, неплохо обследованных землях один-единственный археолог, не считавший такой взгляд аксиомой, сумел обнаружить и с различной полнотой изучить городские памятники тюркшей и карлуков (VII–IX вв.) в Чуйской долине Кыргызстана, 17 городов уйгуров (середины VIII – первой половины IX в.) в Туве, два города и ряд каменных крепостей средневековых хакасов (середины VIII – начала XIII в.) на Среднем и 6 городов древних монголов (XIII–XIV вв.) на Верхнем Енисее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беленицкий А.М.* Раскопки здания № 1 на Шахристане Пянджикента (1947) // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. 1946–1947 / МИА. № 15. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 100–105.
2. *Беленицкий А.М.* Раскопки согдийских храмов в 1948–1950 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948–1950 / МИА. № 37. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 21–58.
3. *Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И.* Согдийский город в начале средних веков // СА. 1981. № 2. С. 94–110.
4. Библиография – Советская археологическая литература. Библиография. 1941–1957 гг. / Сост. Н.А. Винберг, Т.И. Заднепровская, А.А. Любимова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 773 с.
5. *Большаков О.Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II. раскопки 1952–1956 гг.) // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. 124. М.–Л.: Наука, 1964. С. 88–120.
6. *Воронина В.Л.* Доисламские культовые сооружения Средней Азии // СА. 1960. № 2. С. 42–55.
7. *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Каменные изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. Сбс. 100–105.
8. *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т IV. Вып. 2. Л.: Ленинградский Областлит, 1929. С. 63–93.

9. Кармир-блур. I. Пиотровский Б.Б. Результаты раскопок 1939–1949 гг. / Археологические раскопки в Армении. № 1. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1950. 120 с.
10. Кармир-блур. II. Пиотровский Б.Б. Результаты раскопок 1949–1950 гг. / Археологические раскопки в Армении. № 2. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1952. 125 с.
11. Кармир-блур. III. Пиотровский Б.Б. Результаты раскопок 1951–1953 гг. / Археологические раскопки в Армении. № 5. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1955. 90 с.
12. Кармир-блур. IV. Оганесян К.Л. Архитектура Тейшебаини / Археологические раскопки в Армении. № 6. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1955. 111 с.
13. *Киселёв С.В.* Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1947. Т. IV. № 4. С. 354–372.
14. *Киселёв С.В.* Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.
15. *Кызласов И.Л.* Древние изваяния и менгиры Хакасии (к методике полевых исследований) // Вопросы древней истории Южной Сибири / отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хакаское обл. изд-во, 1984. С. 10–26.
16. *Кызласов И.Л.* Стратегия археологических экспедиций: опыт Л.Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Срединной Азии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии / гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ГУ, 2008. С. 21–38.
17. *Кызласов И.Л.* Притяжение археологии. Довоенная провинциальная история // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 437–444.
18. *Кызласов Л.Р.* Сары-Булакская писаница в Бетпак-дала // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 139–143.
19. *Кызласов Л.Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Изв. АН КазССР. 1951. № 108. Сер. археология. Вып. 3. С. 53–63.
20. *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–54 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959а. Т. 2. С. 155–242.
21. *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы // СА. 1959б. № 3. С. 66–80.
22. *Кызласов Л.Р.* Краткая история археологического изучения Тувы // ВМУ. 1965а. Сер. IX. История. № 3. С. 52–70.
23. *Кызласов Л.Р.* Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города / отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965б. С. 59–119.
24. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1969. 211 с.
25. *Кызласов Л.Р.* Учитель. К 70-летию со дня рождения С.В. Киселёва (1905–1962) // ВМУ. 1975а. Сер. IX. История. № 1. С. 93–96.
26. *Кызласов Л.Р.* Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии / отв. ред. А.П. Окладников, А.П. Деревяно. Новосибирск: Наука, 1975б. С. 178–191.
27. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. 207 с.
28. *Кызласов Л.Р.* Культура древних уйгур (VIII–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 52–54.
29. *Кызласов Л.Р.* Обретение пути в науку // Путешествия в древность / ред. В.Л. Янин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. С. 7–15.
30. *Кызласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 295 с.
31. *Кызласов Л.Р.* С.В. Киселёв – учитель учителей. К 90-летию со дня рождения (1905–1962) // РА. 1995. № 4. С. 162–166.

32. *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. 1998. Сер. 8. История. № 3. С. 8–35.
33. *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2. С. 181–206.
34. *Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература РАН, 2001. 176 с.
35. *Кызласов Л.Р.* Слово об Аликé Маргулане (к 100-летию со дня рождения) // Тюркология. 2004. № 5. С. 122–129.
36. *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература РАН, 2006. 360 с.
37. *Кызласов Л.Р.* Слово об Аликé Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017а. Т. 1. С. 70–75.
38. *Кызласов Л.Р.* Дорожные зарисовки. Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР. 18.VII. – 1.X.1948 года / сост. А.З. Бейсенов, И.Л. Кызласов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017б. 96 с.
39. *Кызласов Л.Р., Левашёва В.П.* Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 7–12.
40. *Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 126–136.
41. *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.
42. *Литвинский Б.А.* Бактрийские шкатулки // Древности Востока / ред. И.Л. Кызласов. М.: Русаки, 2004. С. 23–37.
43. *Маршак Б.И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. 124. М.–Л.: Наука, 1964. С. 182–243.
44. *Мерперт Н.Я.* Предисловие // С.В. Киселев и др. Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 5–8.
45. *Мессершмидт Д.Г.* Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Пер с нем., пред., комм. Е.А. Ким. Абакан: Журналист, 2012. 169 с.
46. *Радлов В.В.* Сибирские древности. Из путевых записок В.В. Радлова. Пер. с нем. гр. А. Бобринского // Записки имп. Русского археологического общества. 1895. Новая серия. Т. VII. Вып. 3–4. С. 147–216.
47. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой. М.: Наука; гл. ред. восточной литературы, 1989. 746 с.
48. Список печатных трудов С.В. Киселева / сост. Г.Е. Грюнберг // Новое в советской археологии / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 13–16.
49. *Ставиский Б.Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. 124. М.–Л.: Наука, 1964. С. 121–181.
50. *Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII века). СПб.: ГосЭрмитажа, 2009. 280 с.
51. *Якубовский А.Ю.* Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I, 1946–1947 / МИА. № 15. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 13–55.
52. *Якубовский А.Ю.* Древний Пянджикент // По следам древних культур / Ред. Г.Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной лит-ры, 1951. С. 209–270.
53. *Якубовский А.Ю.* Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948–1950 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948–1950 / МИА. № 37. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 9–20.

54. Appelgen-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors: K.F. Puomies Buchdruckerei A.-G., 1931. 119 s.

55. Kyzlasov L.R. The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archeological Research. București – Brăila: Editura Academiei Române, Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2010. 426 p.

REFERENCES

1. Belenitsky, A. M. 1950. In: *Trudy Sogdiysko-Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Sogd-Tajik archaeological expedition)*. Vol. I. 1946–1947. Moscow – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 100–105 (in Russian).

2. Belenitsky, A. M. 1953. In: *Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)*. Vol. II. 1948–1950. Moscow – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 21–58 (in Russian).

3. Belenitsky, A. M., Marshak, B. I., Raspopova, V. I. 1981. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 94–110 (in Russian).

4. Bibliografiya 1959. – *Sovetskaya arkheologicheskaya literatura. Bibliografiya. 1941–1957 gg. (Bibliography – Soviet archaeological literature. Bibliography. 1941–1957)*. Moscow – Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

5. Bolshakov, O. G. 1964. In: *Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)*. Vol. IV. Moscow – Leningrad: “Nauka” Publ., 88–120 (in Russian).

6. Voronina, V. L. 1960. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 42–55 (in Russian).

7. Gryaznov, M. P., Schneider, E. R. 1926. In: *Priroda (Nature)*, 11–12, 100–105 (in Russian).

8. Gryaznov, M. P., Schneider, E. R. 1929. In: *Materialy po etnografii (Materials on ethnography)*. Vol. IV. Issue 2. Leningrad: “Leningrad Oblastlit”, 63–93 (in Russian).

9. Karmir Bloor. I. Piotrovsky, B. B. 1950. *Rezultaty raskopok 1939–1949 gg. (The results of the excavations in 1939–1949)*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).

10. Karmir-blur. II. Piotrovskiy, B. B. 1952. *Rezultaty raskopok 1949–1950 gg. (The results of excavations in 1949–1950)*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).

11. Karmir-blur. III. Piotrovskiy, B. B. 1955. *Rezultaty raskopok 1951–1953 gg. (The results of excavations in 1951–1953)*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).

12. Karmir-blur. IV. Oganesyanyan, K. L. 1955. *Arkhitektura Teyshebaini (Teishebaini architecture)*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).

13. Kiselev, S. V. 1947. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya istorii i filosofii (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. A series of history and philosophy)*. Vol. IV. No. 4, 354–372 (in Russian).

14. Kiselev, S. V. 1957. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 91–101 (in Russian).

15. Kyzlasov, I. L. 1984. In: *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri (Questions of the ancient history of Southern Siberia)*. Abakan: Khakass regional publishing house, 10–26 (in Russian).

16. Kyzlasov, I. L. 2008. In: *Arkheologicheskaya ekspeditsiya: noveyskiye dostizheniya v izuchenii istoriko-kulturnogo naslediya Yevrazii (Archaeological expedition: the latest achievements in the study of the historical and cultural heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 21–38 (in Russian).

17. Kyzlasov, I. L. 2015. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Archeology Institute)*, 241, 437–444 (in Russian).
18. Kyzlasov L.R. 1950. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)*, XXXV, 139–143 (in Russian).
19. Kyzlasov, L. R. 1951. In: *Izvestiya Akademii nauk KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 108. Archeology series. Issue 3, 53–63 (in Russian).
20. Kyzlasov, L. R. 1959a. In: *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. (Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition. Vol. 2.)*. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 155–242 (in Russian).
21. Kyzlasov, L. R. 1959b. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 3, 66–80 (in Russian).
22. Kyzlasov, L. R. 1965a. In: *Moscow University Bulletin. Series IX. History. No. 3*, 52–70 (in Russian).
23. Kyzlasov, L. R. 1965b. In: *Drevnemongolskiye goroda (Ancient Mongolian cities)*. Moscow: “Nauka” Publ., 59–119 (in Russian).
24. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v sredniye veka (History of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: Publishing house of Moscow University (in Russian).
25. Kyzlasov, L. R. 1975a. In: *Bulletin of the Moscow University. Series IX. History. No. 1*, 93–96 (in Russian).
26. Kyzlasov, L. R. 1975b. In: *Arkheologiya Severnoy i Tsentralnoy Azii (Archeology of North and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka”, 178–191 (in Russian).
27. Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevnyaya Tuva. Ot paleolita do IX v. (Ancient Tuva. From the Paleolithic to the 9th century)*. Moscow: Publishing house of Moscow University (in Russian).
28. Kyzlasov, L. R. 1981. In: *Arkheologiya SSSR. Stepi Yevrazii v epokhu srednevekoviya (The steppes of Eurasia in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 52–54 (in Russian).
29. Kyzlasov, L. R. 1983. In: *Puteshestviya v drevnost (Travel to antiquity)*. Moscow: Publishing house of Moscow University, 7–15 (in Russian).
30. Kyzlasov, L. R. 1986. *Drevneyshaya Khakasiya (The oldest Khakassia)*. Moscow: Publishing house of Moscow University (in Russian).
31. Kyzlasov, L. R. 1995. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 4, 162–166 (in Russian).
32. Kyzlasov, L. R. 1998. In: *Moscow University Bulletin. Series 8. History. No. 3*, 8–35 (in Russian).
33. Kyzlasov, L. R. 1999. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 2, 181–206 (in Russian).
34. Kyzlasov, L. R. 2001. *Gunnskiy dvorets na Yeniseye. Problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri (Hun’s palace on the Yenisei. The problem of the early statehood of Southern Siberia)*. Moscow: “Vostochnaya literatura RAN” Publ. (in Russian).
35. Kyzlasov, L. R. 2004. In: *Tyurkologiya (Turkology)*, 5, 122–129 (in Russian).
36. Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii. Istoriicheskiye i arkheologicheskiye issledovaniya (Urban civilization of Central and North Asia. Historical and archaeological research)*. Moscow: “Vostochnaya literatura RAN” Publ. (in Russian).
37. Kyzlasov, L. R. 2017a. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoye nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, 1, 70–75 (in Russian).
38. Kyzlasov, L. R. 2017b. *Dorozhnyye zarisovki. Tsentralno-Kazakhstanskaya arkhitekturno-arkheologicheskaya ekspeditsiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. 18.VII. – I.X. 1948 goda (Road sketches. Central Kazakhstan architectural and archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 18.VII. – I.X. 1948)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” (in Russian).

39. Kyzlasov, L. R., Levashova, V. P. 1965. In: *Novoye v sovetskoj arkheologii (New in Soviet archeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–12 (in Russian).
40. Kyzlasov, L. R., Margulan, A. Kh. 1950. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoj kultury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)*, XXXII, 126–136 (in Russian).
41. Leontiyev, N. V., Kapelko, V. F., Yesin, Yu. N. 2006. *Izvayaniya i stely okunevskoy kultury (Statues and steles of the Okunev culture)*. Abakan: Khakassian book publishing house (in Russian).
42. Litvinskiy, B. A. 2004. In: Kyzlasov, I. L. (ed.). *Drevnosti Vostoka (Antiquities of the East)*. Moscow: "Rusaki" Publ., 23–37 (in Russian).
43. Marshak, B. I. 1964. In: *Trudy Tadzhijskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)*. Vol. IV. Moscow–Leningrad: "Nauka" Publ., 182–243 (in Russian).
44. Merpert, N. Ya. 1965. In: Kiselev, S. V. i dr. *Drevnemongolskiye goroda (Kiselev, S. V. et al. Ancient Mongolian cities)*. Moscow: "Nauka", Publ., 5–8 (in Russian).
45. Messersmidt, D. G. 2012. *Dnevnik (Diaries)*. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721 – 1722. Abakan: "Zhurnalist" Publ. (in Russian).
46. Radlov, V. V. 1895. In: *Zapiski imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Royal Russian Archaeological Society)*. New series. Vol. VII. Issue 3–4, 147–216 (in Russian).
47. Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika (From Siberia. Diary pages)*. Moscow: "Nauka", "Glavanja redaktsiya vostochnoy literatury" Publ. (in Russian).
48. Spisok 1965. In: *Novoye v sovetskoj arkheologii (New in Soviet archeology)*. Moscow: "Nauka", 13–16 (in Russian).
49. Staviskiy, B. Ya. 1964. In: *Trudy Tadzhijskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)*. Vol. IV. Moscow–Leningrad: "Nauka", 121–181 (in Russian).
50. Shkoda, V. G. 2009. *Pendzhikentskiye khramy i problemy religii Sogda (V–VIII veka) (Panjakent temples and problems of Sogd religion (V–VIII centuries))*. Saint Petersburg: Publishing house of the State Hermitage (in Russian).
51. Yakubovskiy, A. Yu. 1950. In: *Trudy Sogdiysko-Tadzhijskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Sogdian-Tajik archaeological expedition)*. Vol. I, 1946–1947. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 13–55 (in Russian).
52. Yakubovskiy, A. Yu. 1951. In: *Po sledam drevnikh kultur (In the footsteps of ancient cultures)*. Moscow: State publishing house of cultural and educational literature, 209–270 (in Russian).
53. Yakubovskiy, A. Yu. 1953. In: *Trudy Tadzhijskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)*. Vol. II. 1948–1950. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 9–20 (in Russian).

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 14.08.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 16.09.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.09.2021.

**КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ
с АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАЗДЫАРАЛ 1
в ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ
(предварительное сообщение)***

**© 2021 г. Куандык Самрат Русланұлы¹,
Мамедов Аслан Маликович¹**

¹автор-корреспондент, младший научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғулана, г. Алматы, Казахстан.
E-mail: s.r.kuandyk@mail.ru

¹старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Марғулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коллекции каменных изделий с археологического комплекса Каздыарал 1 (эпоха камня – средневековье), полученные в ходе исследований в 2016, 2020 гг. Памятник расположен в 2–2,3 км к юго-западу от поселка Каратал (Уилский р-н, Актюбинская обл.) на левобережье р. Уил и представляет собой скопление артефактов на трех небольших песчаных массивах, расположенных по направлению СЗ–ЮВ. Впервые памятник был обнаружен в 2012 г. Это разновременный комплекс, где на сравнительно небольшом участке сосредоточены артефакты от эпохи камня до средневековья. Раскопки 2020 г. позволили выявить грунтовые погребения эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Эпоха камня представлена артефактами, собранными с современной дневной поверхности в котловинах выдувания. Археологический комплекс Каздыарал 1 относится к памятникам с «поверхностным культурным горизонтом», что существенно затрудняет анализ археологического материала, определение хронологии отдельных индустриальных комплексов, их периодизацию и культурные корреляции. Единственным достоверным источником информации при таких обстоятельствах являются каменные орудия, с помощью которых можно получить данные об относительном возрасте памятника и его культурной принадлежности.

Ключевые слова: археология, каменный век, неолит, дюнные стоянки, каменные орудия, культура

**БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗДЫАРАЛ 1
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ КЕШЕНІНЕН ТАБЫЛҒАН
ТАС БҰЙЫМДАР КОЛЛЕКЦИЯСЫ
(алғашқы мәлімет)**

Куандык Самрат Русланұлы¹, Мамедов Аслан Мәлікұлы¹

¹корреспондент авторы, кіші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан.
E-mail: s.r.kuandyk@mail.ru

²аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP08052885

Аннотация. Мақалада 2016 және 2020 жылдары Қаздыарал 1 (тас дәуірі – ортағасырлық кезең) археологиялық кешенінен табылған тас бұйымдар коллекциясы қарастырылған. Ескерткіш Қаратал ауылынан (Ақтөбе облысы Ойыл ауданы) оңтүстік-батысқа қарай 2–2,3 км қашықтықта, Ойыл өзенінің сол жағасында орналасқан. Тұрақ артефактілері солтүстік-батыс–оңтүстік-шығыс бағытымен орналасқан шағындау келген үш құм алқаптарынан табылуда. Ескерткіш алғаш рет 2012 жылы табылған. Бұл шағын аймақта тас дәуірінен орта ғасырға дейінгі жасанды заттар шоғырланған әр кезеңдік кешен. 2020 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде қола, ерте темір дәуірі мен ортағасырлық кезеңге жататын жер асты жерлеу орындары табылды. Бұл кешеннің тас дәуіріне тиесілі жасанды заттары негізінен қазіргі жер бетінен, қазаншұңқырлардан анықталған. Қаздыарал 1 археологиялық кешенінің мәдени қабаты жер бетінде, үстіртін орналасқандықтан табылған археологиялық материалдарды терең талдау, жекелеген индустриалды кешендерді бөліп шығару, олардың мерзімдік шеңберін анықтауға қиындық тудырады. Мұндай жағдайда тек тас құралдарды саралау арқылы ғана ескерткіштің пайда болу уақыты мен мәдени-мерзімдік байланыстарын анықтауға болады.

Түйін сөздер: археология, тас дәуірі, неолит, дөңдегі тұрақтар, тас құралдар, мәдениет

**COLLECTIONS of STONE PRODUCTS
from the KAZDYARAL 1 ARCHAEOLOGICAL COMPLEX
in WESTERN KAZAKHSTAN
(preliminary message)**

Samrat Kuandyk¹, Aslan Mamedov²

¹corresponding author, Junior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: s.r.kuandyk@mail.ru

²Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Abstract. The article examines the collections of stone products from the archaeological complex Kazdyaral 1 (Stone Age – Middle Ages), obtained during research in 2016, 2020. The monument is located 2–2,3 km southwest of the village of Karatal (Uil district, Aktobe region), on the left bank of the river Uil, and is a cluster of artifacts on three small sand massifs located in the NW–SE direction. The site firstly was discovered in 2012. It is a complex of different times, where artifacts from the Stone Age to the Middle Ages are concentrated in a relatively small area. Excavations in 2020 revealed soil burials from the Bronze Age, Early Iron Age, and the Middle Ages. The Age of Stone is represented by artifacts collected from the modern-day surface in deflation basins. The archaeological complex Kazdyaral 1 refers to monuments with a “surface cultural horizon”, which significantly complicates the analysis of archaeological material, the determination of the chronology of individual industrial complexes, their periodization, and cultural correlations. The only reliable source of information under such circumstances is stone tools, with the help of which it is possible to obtain data on the relative age of the monument and its cultural affiliation.

Keywords: archaeology, Stone Age, Neolithic, dune sites, stone tools, culture

Введение

Наиболее интересным источником о культуре древнего населения степной полосы Евразии являются отдельные местонахождения, представляющие собой скопления ар-

тефактов на котловинах выдувания среди песчаных массивов. Как правило, они концентрируются недалеко от водных бассейнов и являются в основном местами сосредоточения

каменных артефактов, фрагментов керамики, металлических изделий эпохи бронзы–средневековья, предметов этнографического времени. К сожалению, такие памятники ускользают от внимания археологов. Хотя исследования, проводившиеся в песчаных дюнах, показывают, что котловины выдувания являлись стоянками и местами захоронения, датруемыми широким хронологическим диапазоном [Артюхова и др., 2017; Гречкина и др., 2014; 2018].

Преимущественно такие объекты исследуются исключительно в поисках стоянок и местонахождений каменного века. Начиная с древнейшего периода истории человечества, дюны активно использовались как места обитания, а с эпохи ранней бронзы и как места для погребений и, возмож-

но, выступали как сакральные территории.

Обычно в таких местах в довольно большом количестве концентрируются захоронения, многие из которых не имеют наземных конструкций. Такие памятники известны на территории Западного Казахстана. Например, могильник «Песчаный карьер» (Актюбинский могильник), Шенбертал, Беиттобе и др. [Кадырбаев, 1974; Касенов, Зайнов, 2016; Круглов, Марыксин, 2001; Марыксин, Круглов, 2011; Кузнецов, 1989; Васильев и др., 1986].

К таким памятникам, заслуживающим внимания, относятся и местонахождения Каздырал 1–3, расположенные на левобережье р. Уил, в среднем ее течении (рис. 1), занимают ровную площадку и представляют со-

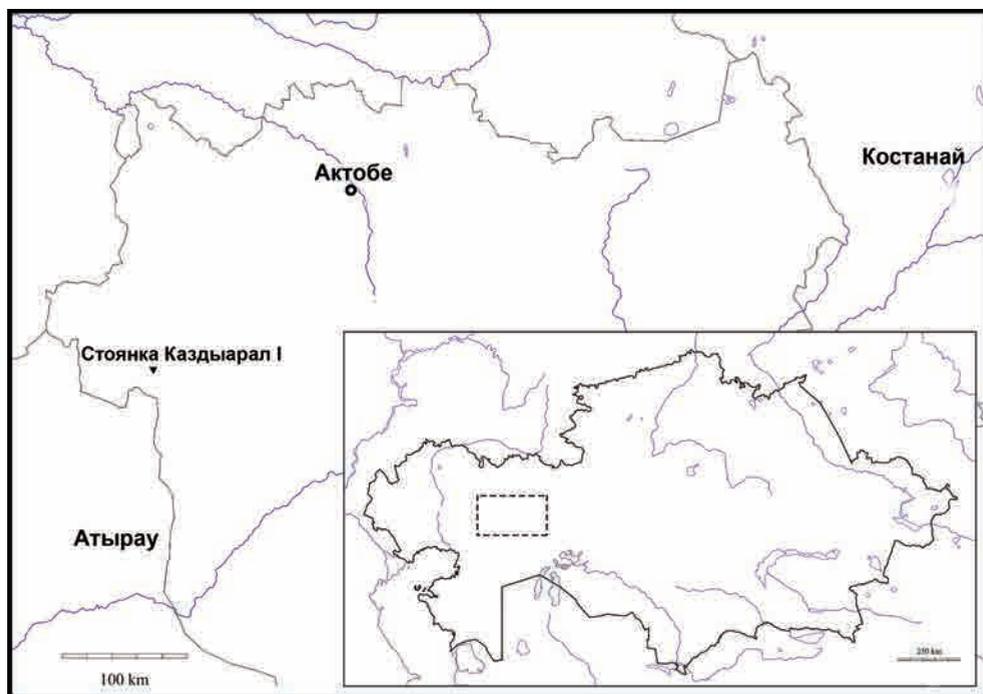

Рис. 1. Карта-схема расположения археологического комплекса Каздырал 1
 Fig. 1. Schematic map of the location of the archaeological complex Kazdyral 1

бой три небольших песчаных массива с котловинами выдувания, условно обозначенными как Каздыарал 1–3. Основная масса каменных находок происходит с археологического комплекса Каздыарал 1, описанию которых посвящена данная работа. Изначально наиболее крупное скопление разновременных артефактов было обозначено как местонахождение (стоянка) Каздыарал 1, но, судя по материалам работ 2020 г., памятник можно отнести к категории археологического комплекса, где на ограниченной территории сосредоточены памятники различного типа и эпох [Классификация..., 2013].

Методика исследований

Памятник впервые был открыт благодаря сообщениям жителей села Каратал, которые в 2012 г. показали сотрудникам Уилского районного му-

зея искусств и истории края имени Ш. Берсиева место сборов артефактов. В том же году сотрудниками Центра истории, этнографии и археологии Актюбинской области был осуществлен выезд на памятник (рис. 2).

Сборы подъемного материала на памятнике сотрудниками музея производились на протяжении двух полевых сезонов. В 2012 и 2016 гг. были проведены сборы каменных артефактов и фрагментов керамики на современной дневной поверхности, а в 2020 г. были дополнительно проведены сборы и раскопки около 10 погребений эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Всего на поверхности комплекса Каздыарал 1 было собрано около 400 каменных артефактов, различные фрагменты керамики, бронзовые и железные изделия и т. д.

*Рис. 2. Процесс исследования объекта Каздыарал 1 путем поверхностных сборов.
Фото А.М. Мамедова*

*Fig. 2. The process of researching the Kazdyaral 1 object through surface gatherings.
Photo by A. Mamedov*

Сборы на дневной поверхности котловины выдувания каменных артефактов 2012 г. (211 экз.) были отнесены к неолитическому времени [Мамиров, Мамедов, 2015, с. 269].

В 2016 г. сотрудниками Уилского районного музея искусств и истории края имени Ш. Берсиева были проведены небольшие сборы каменных артефактов (39 экз.) с дневной поверхности котловины выдувания.

В 2020 г. по сообщениям местных жителей стало известно, что на дневной поверхности памятника стали проявляться фрагменты костей и был найден керамический остродонный сосуд. Данное сообщение было взято под контроль специалистами Актюбинского областного историко-краеведческого музея. В ходе подробного исследования на памятнике были обнаружены грунтовые погребения разных хронологических периодов. Перед началом раскопа на памятнике были разбиты квадраты размерами 1×1 м и произведены дополнительные сплошные сборы артефактов.

Таким образом, на памятнике была собрана коллекция из 152 каменных артефактов, практически все изделия выполнены из кремнистых пород различных оттенков. Был проведен технико-типологический анализ сборов 2016 и 2020 гг.

Описание материалов исследований комплекса Каздырал I

Коллекция 2016 г. Технику первичного расщепления демонстрируют три артефакта: первый – нуклеидный обломок из светло-серой кремнистой породы размерами 23×21×13 мм, с желвачной коркой, занимающей 10% поверхности; второй технический скол – нуклеидный, размерами

33×10×10 мм из светло-серой кремнистой породы, с желвачной коркой 10% (фрагмент нуклеуса); третий – пластина с трехгранной асимметричной спинкой, переходящей в двугранную (ребристая) размерами 33×8,5×4 мм из светло-серой полупрозрачной кремнистой породы с включением серого кремня, дистальный конец заужен и загнут вниз. Продукты расщепления представлены фрагментами ножевидных пластин (11 экз.), пластинчатым сколом и проксимальным фрагментом скола (2 экз.), полукраевыми, вторичными и бивентральными сколами и их фрагментами (7 экз.) и чешуйками (3 экз.).

Орудийный набор, несмотря на малочисленность, весьма разнообразен. В коллекции присутствуют следующие типы орудий:

Наконечники стрел (2 экз.) (рис. 3):

- бифасиально обработанный наконечник стрелы из кремня темно-серого оттенка размерами 33×13,5×4 мм. Основание орудия выемчатое, с выступающими шипами;

- бифасиально обработанный наконечник стрелы из кремня темно-серого оттенка размерами 26×10×4 мм.

Скребки (5 экз.):

- концевой скребок на вторичном сколе из светло-серой полупрозрачной кремнистой породы, размерами 22×19×4 мм, проксимальный конец заужен, дистальный – лезвие выпуклое с лицевой крутой ретушью, правый край отвесный левый пологий с микроретушью утилизации;

- концевой скребок на полукраевом сколе из желтоватой кремнистой породы, размерами 22×18×7 мм; корка на спинке - 5%. Лезвие выпуклое

Рис. 3. Каздыарал 1. Находки:
1–2 – наконечники стрел.
Фото С.Р. Куандык

Fig. 3. Kazdyaral 1. Finds:
1–2 – arrowheads. Photo by S. Kuandyk

с лицевой чешуйчатой крутой ретушью, левый край корочный. Правый крутой с лицевой крупной ретушью подправки;

- концевой скребок на пластинчатом сколе размерами 21×14×3 мм из темно-серой кремнистой породы с включениями прожилок белого и коричневого оттенка. Рабочий край узкий слегка выступающий с лицевой крутой субпараллельной ретушью;

- концевой скребок из серой кремнистой породы, размерами 19×15×6 мм. Лезвие скошено вправо, оформлено лицевой полукрутой крупной субпараллельной ретушью. Края обработаны глубокой обратной чешуйчатой и субпараллельной ретушью;

- концевой скребок с выпуклым скошенным лезвием, на фрагменте пластины с пятигранной асимметричной спинкой, размерами 15×14×4 мм.

Левый край с обратной, правый – с лицевой ретушью. Лезвие выпуклое с субпараллельной лицевой крутой ретушью.

В коллекции присутствует одно долотовидное орудие размерами 18×18×8 мм из светло-серой кремнистой породы, с желвачной коркой 10%. Изделие с двумя противоположными лезвиями со следами характерных забитостей.

Фрагменты пластин с ретушью и микроретушью (5 экз.):

- медиальный фрагмент пластины с трехгранной симметричной спинкой, размерами 26×6×2 мм из светло-серой полупрозрачной кремнистой породы с включением светлых пятен. Проксимальный конец усечен лицевой крутой субпараллельной ретушью. Верхняя часть правого края обработана обратной средней и мелкой уплощающей ретушью. Дистальный конец усечен;

- медиальный фрагмент пластины с трехгранной асимметричной спинкой, переходящей в двухгранную, размерами 15×5×1,2 мм из желтовато-серой полупрозрачной кремнистой породы. Правый край с обратной микроретушью, левый с нерегулярной;

- проксимальный фрагмент пластины с трехгранной асимметричной спинкой, размерами 18×6×2 мм из желтовато-серой полупрозрачной кремнистой породы с включением серого оттенка. На правый край нанесена густая обратная микроретушь;

- проксимальный фрагмент пластины с двухгранной симметричной спинкой, размерами 29×8×2 мм из светло-серой полупрозрачной кремнистой породы с включением светлых пятен. На краях следы утилизации;

- медиальный фрагмент пластины с трехгранной симметричной

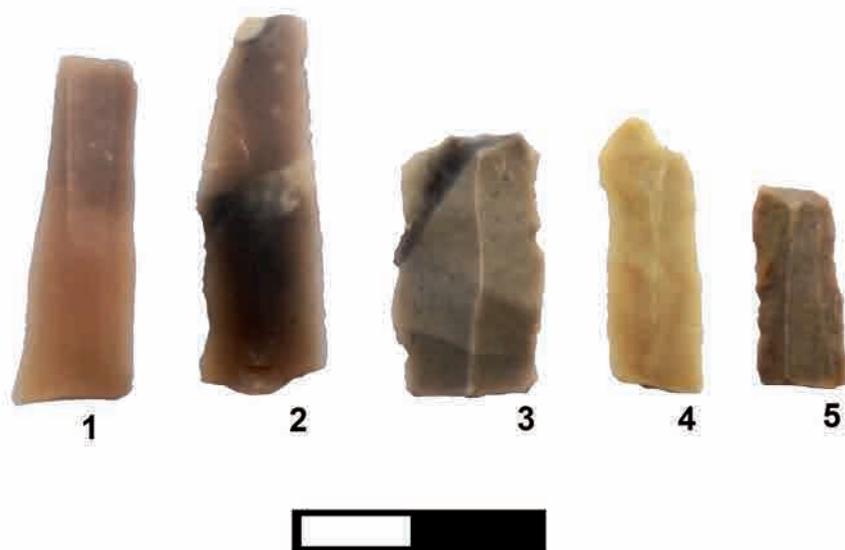

Рис. 4. Каздыарал I. Находки: 1–5 – пластины с ретушью и микроретушью.
Фото С.Р. Куандык

Fig. 4. Kazdyaral I. Finds: 1–5 – plates with retouching and microretouching.
Photo by S. Kuandyk

спинкой, размерами 16×15×4 мм из светло-серой кремнистой породы. Левый край с обратной мелкой густой ретушью, правый – с лицевой микроретушью.

Коллекция 2020 г.

Техника первичного расщепления представлена тремя изделиями:

- обломок нуклеуса размерами 19×12×7 мм, с негативами снятия пластин шириной от 4 до 6 мм;

- ребристая пластина прямоугольной формы из кремнистой породы коричневого оттенка размерами 21×7×3 мм, с двугранной слабовыпуклой спинкой, переходящей в трехгранную и с остатками желвачной корки. Ударная площадка двухгранная асимметричная. Края выпуклые извилистые, острые и полуострые;

- ребристая пластина из кремнистой породы серого оттенка размерами 21×7×2 мм, с трехгранной

спинкой, переходящей в двугранную. Проксимальный конец обломан, края острые, левый вогнутый, правый – выпуклый.

Продукты расщепления представлены целыми (6 экз.) и фрагментированными пластинами без вторичной обработки (20 экз.), из них проксимальные (5 экз.), медиальные (7 экз.), дистальные (8 экз.); вторичными (5 экз.) и полукраевыми целыми отщепами (3 экз.), вторичными (43 экз.) и полукраевыми фрагментами сколов (11 экз.), а также чешуйками (32 экз.).

Орудийный набор малочисленный, но весьма разнообразный. В коллекции представлены следующие типы орудий:

Концевые скребки (3 экз.):

- концевой скребок на фрагменте пластины из кремнистой породы серого оттенка, размерами

Рис. 5. Каздыарал I. Находки: 1–4 – скребки. Фото С.Р. Куандык

Fig. 5. Kazdyaral I. Finds: 1–4 – scrapers. Photo by S. Kuandyk

19×18,5×4,5 мм. Спинка двухгранная асимметричная, слабовыпуклая, вентрал выпукло-вогнутый. Края выпуклые подправлены обратной субпараллельной ретушью, на левом мелкой, на правом – глубокой. Проксимальный конец обломан. Дистальный – выпуклое лезвие, оформленное глубокой субпараллельной ретушью, в правой части имеется залом с забитостью;

- концевой скребок на фрагменте пластины из кремнистой породы серого оттенка размерами 11,5×15×3 мм. Спинка двухгранная асимметричная слабовыпуклая, вентрал слабовогнутый. Правый край изделия прямой, крутой, левый – извилистый с мелкими заломами, острый. Дистал – лезвие, оформленное глубокой субпараллельной ретушью;

- концевой скребок на фрагменте пластины из кремнистой породы серого оттенка размерами 21×12×4 мм. Спинка двухгранная асимметричная, слабовыпуклая, вентрал вогнутый.

Проксимальный конец обломан. Края выпуклые острые с заломами и со следами ретуши утилизации. Дистал – лезвие выпуклое, оформленное зубчатой ретушью.

Пластины и фрагменты пластин со вторичной обработкой (26 экз.). Среди данного типа изделий большее распространение получили ретушированные пластины (20 экз.), среди них целые (5 экз.), проксимальные (2 экз.), медиальные (4 экз.), дистальные (8 экз.) фрагменты.

Вкладыши (2 экз.):

- геометрический микролит в виде параллелограмма из кремнистой породы светло-серого оттенка размерами 15×9,5×5 мм. Спинка трехгранная асимметричная, проксимальный конец обломан, дистал скошен к левому краю и обработан противоположащей субпараллельной ретушью, края прямые острые, обработаны обратной субпараллельной ретушью;

- проксимальный фрагмент пластины (микролит?) из кремнистой

породы серого оттенка размерами 17×7×2 мм. Спинка трехгранная асимметричная слабовыпуклая, вентрал вогнутый. Проксимальный конец скошен к левому краю, обработан лицевой субпараллельной ретушью. Края прямые острые обработаны мелкой субпараллельной ретушью, на левом лицевой, на правом – обратной.

Выемчатые орудия (3 экз.):

- выемчатое орудие на пластине из кремнистой породы светло-серого оттенка размерами 26×8×2,5 мм, спинка двугранная асимметричная, ударная площадка и дистал обломаны. Оба края пластины зубчатые острые, на левом крае имеются две выемки в верхней и нижней части, по всему краю нанесена противоположная ретушь, на правом – обратная зубчатая ретушь;

- орудие трапециевидной формы на дистальном фрагменте пластинчатого отщепа, размерами 17×15×4 мм. Спинка трехгранная асимметричная слабовыпуклая, вентрал волнистый. Правый край выпуклый острый, в дистальной части левого края прослеживается выемка (анкош), дистал – прямой. Края и дистал обработаны лицевой субпараллельной ретушью;

- клювовидное орудие на пластине из кремнистой породы темно-серого оттенка размерами 18,5×8×2,5 мм, спинка трехгранная. Проксимальный конец обломан, края прямые острые, в дистальной части правого края прослеживается выемка, обработанная лицевой субпараллельной ретушью.

Провертка выполнена на проксимальном фрагменте пластины из кремнистой породы бежевого оттенка размерами 26×9×3 мм. Спинка двугранная, проксимальный конец

скошен к правому краю, дистал обломан. Левый край острый, прямой с лицевой субпараллельной ретушью, правый край выпуклый острый с обратной субпараллельной ретушью.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, общее количество каменных артефактов, собранных на памятнике Каздыарал 1 в ходе работ 2016, 2020 гг., составило 191 экз. Все изделия были выполнены из кремнистых пород различных оттенков (преобладает серый оттенок).

Анализируемые изделия демонстрируют ярко выраженную пластинчатую индустрию. Орудийный набор представлен ретушированными пластинами (рис. 4), орудиями на пластинах (скребки, геометрические микролиты) (рис. 5). Наличие нуклеидных обломков, технических сколов, свидетельствует об обработке орудий на стоянке. Каменные изделия не образуют типологических серий в виду малочисленности артефактов.

Каменный инвентарь комплекса весьма разнообразен и хронологически относится к эпохе неолита и ранних этапов энеолита. Аналогичные находки были сделаны в песках Аккумсагыз, Кокжиде, у аула Коктубек на берегах рек Сагыз, Жем, Ыргыз, освещены в работах А.А. Формозова. Автор относит памятники к западно-казахстанскому варианту кельтеминарской культуры, занимающей обширную территорию от Северного Приаралья до бассейна р. Уил [Формозов, 1949, с. 49–58; 1950, с. 141–147; 1951].

Также аналогичные местонахождения были зафиксированы в 1962–1965 гг. в бассейне р. Уил, во

время проведения зоологических исследований в Урало-Эмбенском междуречье Е.В. Ротшильдом и Г.Б. Постниковым. Исследователями был собран археологический материал в нескольких пунктах. Наиболее выразительный происходил из района Бекбеке. Кремневая индустрия стоянок имела ярко выраженный пластинчатый микролитовидный облик и была представлена концевыми скребками, острьями, пластинами с ретушью, а также пластинами со скошенным концом [Гребенюков, 2008, с. 15].

Анализ материалов свидетельствует о концентрации племен в долине р. Уил в конце каменного – начале раннебронзового века. Стоит отметить, что в 7,2 км к северо-западу от стоянки, на правом берегу Уила, исследован могильник эпохи ранней бронзы – Кумсай [Бисембаев и др., 2016].

Проведенные исследования памятника показали, что комплекс Каздыарал 1 функционировал периодически в разные исторические периоды. Кроме указанных выше материалов каменного века, было выявлено более 10 погребений эпохи палеометалла, ранних и средневековых кочевников.

Подводя итоги, стоит отметить, что дюнные стоянки представляют собой сложные археологические комплексы. Из-за конструктивных особенностей песчаных дюн археологические объекты либо остаются под толщей песка (барханами) и скрываются от глаз исследователей, либо, благодаря активной дефляции и образованию котловин выдувания, остаются на поверхности и теряют целостный характер. Это, в целом, вызывает необходимость обратить внимание исследователей на тот факт, что подобные объекты нужно выделять в особый тип памятников.

Необходимость проведения полномасштабных исследований сопредельных территорий бесспорна. Уже проведенные разведывательные работы по Западному Казахстану показали наличие большого количества подобных местонахождений. Кроме того, анализ литературы и архивных материалов показывает, что именно в таких местонахождениях концентрируются редкие для запада казахских степей захоронения от эпохи камня до средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Клышев Е.Е.* О мезолитической стоянке Новая Казанка 1 в Северном Прикаспии (материалы 2005 года) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 79-85.
2. *Бисембаев А.А., Мамиров Т.Б., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Уразова А.Б., Бидагулов Н.Т.* Исследование памятников ямной культуры в Западном Казахстане // Кадырбаевские чтения–2016: м-лы V Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 6–7 октября 2016 г.) / отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актобинский областной историко-краеведческий музей, 2016. С. 84-89.
3. *Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышев пед. ин-т, 1986. С. 108-149.

4. Гребенюков В.И. Проблема западноказахстанского варианта кельтеминарской культуры // Вестник Нижневартского госуниверситета. 2008. № 1. С. 8-14.
5. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Итоги исследования стоянки Байбек в Северном Прикаспии в 2017 г. // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Институт истории и археологии Поволжья, 2018. С. 7.
6. Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В., Выборнов А.А. Новая раннеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2014. № 3. С. 79-90.
7. Кадырбаев М.К. Отчет Актюбинского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР за 1974 г. // Архив Актюбинского областного историко-краеведческого музея, д. 9379.
8. Касенов М.С., Зайнов А.М. Дюнное захоронение «Теректі» // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2016. № 6. С. 44-50.
9. Классификация в археологии / отв. ред. Е.М. Колпаков. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2013. 251 с.
10. Круглов Е.В., Марыксин Д.В. Новое погребение огузского воина всадника из района Рын-песков Западного Казахстана // Степи Европы в эпоху средневековья / гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: Донецкий национальный университет, 2001. Т. 9. С. 409-428.
11. Кузнецов П.Ф. Полтавкинские памятники низовьев реки М. Узень // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1989. С. 181-190.
12. Мамиров Т.Б., Мамедов А.М. Дюнные памятники каменного века в долине реки Уил // Развитие Казахского Ханства: эпоха, события и личности: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 550-летию Казахского Ханства (г. Актобе, 1 октября 2015 г.) / отв. ред. М. Дуйсенгали. Актобе: «М.Стиль», 2015. С. 267-271.
13. Марыксин Д.В., Круглов Е.В. Погребение огузского воина-батыра из Рын-Песков // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 113-120.
14. Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИ-ИМК. 1949. Вып. 25. С. 49-58.
15. Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 141-147.
16. Формозов А.А. К вопросу о происхождении Андроновской культуры // КСИ-ИМК. 1951. Вып. 39. URL: <https://arheologija.ru/formozov-k-voprosu-o-proishozhdenii-andronovskoj-kultury/>

REFERENCES

1. Artyuhova, O. A., Mamirov, T. B., Klyshev, E. E. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*, vol. 6, no. 3 (20), 79-85 (in Russian).
2. Bisembaev, A. A., Mamirov, T. B., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Amelin, V. A., Urazova, A. B., Bidagulov, N. T. 2016. In: Bisembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya–2016 (Kadyrbayev readings–2016)*. Aktobe: Aktobe Regional Museum of Local History, 84-89 (in Russian).
3. Vasiliev, I. B., Kolev, Yu. I., Kuznetsov, P. F. 1986. In: Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kultury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Caspian)*. Kuybyshev: Kuibyshev Pedagogical Institute, 108-149 (in Russian).
4. Grebenyukov, V. I. 2008. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosuniversiteta (Bulletin of the Nizhnevartovsk State University)*, 1, 8-14 (in Russian).
5. Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Lebedev, Yu. S. 2018. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2017 goda (Archaeological discover-*

ies in the Samara region in 2017). Samara: Institute of History and Archeology of the Volga Region, 7 (in Russian).

6. Grechkina, T. Yu., Kutukov, D. V., Vybornov, A. A. 2014. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik ((Samara Journal of Science)*, 3, 79-90 (in Russian).

7. Kadyrbayev, M. K. 1974. In: Archive of Aktobe Regional Museum of Local History, d. 9379 (in Russian).

8. Kasenov, M. S., Zaynov, A. M. 2016. In: *Vestnik Prikaspiya: arheologiya, istoriya, etnologiya (Bulletin of the Caspian Region: archeology, history, ethnology)*, 6, 44-50 (in Russian).

9. Kolpakov, E. M. (ed.). 2013. *Klassifikaciya v arheologii (Classification in archeology)*. Saint Petersburg: Institute for the history of material culture RAS (in Russian).

10. Kruglov, E. V., Maryksin, D. V. 2001. In: Evglevskiy, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epohu srednevekoviya (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, vol. 9, 409-428 (in Russian).

11. Kuznetsov, P. F. 1989. In: Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya (Neolithic and Eneolithic of the Northern Caspian Sea)*. Kuybyshev: V.V. Kuybyshev State Pedagogical Institute, 181-190 (in Russian).

12. Mamirov, T. B., Mamedov, A. M. 2015. In: Duysengali, M. (ed.). *Razvitie Kazahskogo Hanstva: epoha, sobytiya i lichnosti (Development of the Kazakh Khanate: epoch, events and personalities)*. Aktobe: "M.Stil", 267-271 (in Russian).

13. Maryksin, D. V., Kruglov, E. V. 2011. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. Nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)*, 3, 113-120 (in Russian).

14. Formozov, A. A. 1949. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)*, 25, 49-58 (in Russian).

15. Formozov, A. A. 1950. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)*, 31, 141-147 (in Russian).

16. Formozov, A. A. 1951. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)*, 39. URL: <https://arheologija.ru/formozov-k-voprosu-o-proishozhdenii-andronovskoj-kultury/> (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.09.2021.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.09.2021.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.09.2021.

ПОСЕЛЕНИЕ САУРАМБАЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ*

© 2021 г. Варфоломеев Виктор Васильевич¹,
Кайыржан Акжол Кайыржанович¹

¹автор-корреспондент, кандидат исторических наук, доцент,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан.
E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

¹научный сотрудник, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан. E-mail: akzhol98.com@mail.ru

Аннотация. Публикуются материалы поселения эпохи бронзы Саурамбай, открытого в 2018 г. Памятник находится в 105 км к юго-востоку от г. Караганды, в горах Котыртас (Шетский р-н, Карагандинская обл.). Площадь поселения более 10 тыс. м², на поверхности зафиксирован 21 котлован – следы древних построек. Культурный слой эпохи бронзы частично перекрыт развалинами казахской зимовки конца XIX – начала XX в. Между котлованами древних сооружений был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 9 м². Отмечено два культурных слоя. Верхний слой из серой золы представлен керамикой валикового типа, определяющей бегазы-дандыбаевскую (алексеевско-саргаринскую) культурную принадлежность памятника. Кроме керамики в нём найдены кости животных и железистые шлаки – побочные продукты медеплавильного производства. На этом этапе существования памятник входил в систему поселений Талдинского археологического микрорайона, группировавшихся вокруг поселения Аккезен. Нижний культурный слой в виде бурого зольника содержал кости животных, фрагменты глиняной посуды и медные шлаки. Керамика из этого слоя имеет аналогии в посуде из поселений и могильников андроновской (федоровской) культуры. В этом андроновском комплексе обнаружен костяной штамп для нанесения орнамента в гребенчатой технике. Поселение перспективно для изучения проблем истории и культуры населения Центрального Казахстана эпохи средней и поздней бронзы.

Ключевые слова: археология, Карагандинская область, Котыртас, бронзовый век, поселение, раскоп, шлаки, керамика, штамп, гребенчатый орнамент

САУРАМБАЙ ҚОНЫСЫ БАРЛАУ ЗЕРТТЕУЛЕРІНІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ БОЙЫНША

Варфоломеев Виктор Васильевич¹, Қайыржан Акжол Қайыржанұлы¹

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Е.Ә. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан.
E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

¹ғылыми қызметкер, Е.Ә. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: akzhol98.com@mail.ru

*Публикация подготовлена в рамках гранта Комитета науки МОН РК, ИРН проекта AP09261083

Аннотация. Мақалада 2018 ж. ашылған Саурамбай қола дәуірінің ескерткіш материалдары жарияланып отыр. Ескерткіш Қарағанды қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай 105 км жердегі Қотырғас тауында (Шет ауданы, Қарағанды обл.) орналасқан. Елді мекеннің ауданы 10 мың м²-ден асады, жоғарғы қабатынан айқындалған 21 шұңқырда – ежелгі құрылыстардың іздері бар. Қола дәуірінің мәдени қабаты XIX ғ. аяғы – XX ғ. басындағы қазақ қыстағының қираған үйінділерімен ішінара жабылған. Ежелгі құрылыстардың шұңқырларының арасында ауданы 9 м² болатын барлау қазба жұмыстары жүргізілді. Екі мәдени қабат белгіленді. Сұр күлдің жоғарғы қабаты ескерткіштің Беғазы-Дәндібай (Алексеев-сарғары) мәдениетінің ерекшелігін анықтайтын қалып білікшесі типті күйіктастармен ұсынылған. Күйіктастардан басқа, онда жануарлардың сүйектері мен темір қождары – мыс балқыту өндірісінің жанама өнімдері табылды. Бұл кезеңде ескерткіш Аккесен елді мекенінің айналасында топтастырылған Талды археологиялық шағын ауданының елді мекендер жүйесіне кірді. Қоңыр күл түріндегі төменгі мәдени қабатта жануарлардың сүйектері, қыш ыдыстардың бөліктері және мыс қождары болды. Бұл қабаттағы күйіктастар Андронов (Федоров) мәдениетінің қоныстары мен қорымдарынан жасалған ыдыстарға ұқсас. Бұл Андронов кешенінде тарақ техникасында ою-өрнек салуға арналған сүйек мөртабаны табылды. Қоныс орта және кейінгі қола дәуіріндегі Орталық Қазақстан халқының тарихы мен мәдениетінің мәселелерін зерттеу үшін келешегі бар болып табылады.

Түйін сөздер: археология, Қарағанды облысы, Қотырғас, қола дәуірі, қоныс, қазба, қож, керамика, қалып, тарақты ою

SAURAMBAY SETTLEMENT ACCORDING TO THE RESULTS OF THE EXPLORATION SURVEY

Viktor Varfolomeev¹, Akzhol Kaiyrzhan¹

¹Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, E.A. Buketov Karagandy University, Karagandy, Kazakhstan. E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

¹Researcher, E.A. Buketov Karagandy University, Karagandy, Kazakhstan.
E-mail: akzhol98.com@mail.ru

Abstract. The materials of the Saurambay Bronze Age settlement, opened in 2018, are published. The monument is located 105 km southeast of the city of Karagandy, in the Kotyrtas Mountains (Shet district, Karagandy region). The settlement area is more than 10000 m², 21 pits are recorded on the surface, they are traces of ancient buildings. The cultural layer of the Bronze Age is partially covered by the ruins of the Kazakh wintering of the late XIX – early XX centuries. A reconnaissance excavation with an area of 9 m² was laid between the pits of ancient structures. Two cultural layers were noted. The upper layer of gray ash is represented by roller-type ceramics, which determines the Begazy-Dandybay (Alekseevo-Sargary) cultural affiliation of the monument. In addition to ceramics, animal bones and ferriferous slags were found in it – by-products of copper smelting. At this stage of its existence, the monument was part of the system of settlements of the Taldy archaeological microdistrict, grouped around the settlement of Akkezen. The lower cultural layer in the form of brown ash contained animal bones, fragments of earthenware and copper slags. Ceramics from this layer have analogies in dishes from settlements and burial grounds of the Andronovo (Fedorovo) culture. In this Andronovo complex, a bone stamp was found for applying ornament in comb-like technology. The settlement is promising for studying the problems of the history and culture of the population of Central Kazakhstan of the middle and late bronze era.

Keywords: archaeology, Karagandy region, Kotyrtas, Bronze Age, settlement, excavation, slags, ceramics, stamp, comb-like ornament

Введение

Поселение Саурамбай открыто в 2018 г. Оно находится в 105 км к юго-востоку от г. Караганды (Шетский р-н, Карагандинская обл.) на левобережье р. Талды, в 3,6 км к юго-юго-востоку от аула Байбала, в 2,5 км к западу от зимовки Заимка (Бада) (рис. 1; 2, 1). Расположено оно в глубине лога Саурамбай между горными массивами Танкара и Коныркызылтау на излучине правого берега безымянного пересохшего ручья. На невысокой, большей частью хорошо задернованной площадке, ограниченной с юга руслом ручья и тугайными зарослями, а с востока - осиновой рощей, выявлен 21 жилищный котлован (рис. 2, 2). Котлованы жилищных западин, в основном, овальные и округлые, диаметром до 10–18 м, две конструкции восьмеркообразной формы. На западной окраине поселения

встречаются гранитные камни и плиты древних построек. Юго-восточный участок площадки памятника перекрыт развалинами старых казахских зимовок, а западнее стоит каменный мазар (рис. 3). Поверхность западного сектора поселения слабо задернована, с пятнами солончака. Здесь встречались мелкие неорнаментированные фрагменты стенок керамических сосудов, а в выкидах из нор грызунов и раздробленные кости животных.

Характеристика материала

Площадь поселения более 10 тыс. м². С целью получения материала для датировки и установления культурной принадлежности на поселении был заложен шурф размерами 3×3 м, глубиной до материка на уровне 0,55 м. Стратиграфия шурфа: 0–0,15 м – гумусированный слой; 0,15–0,35 м –

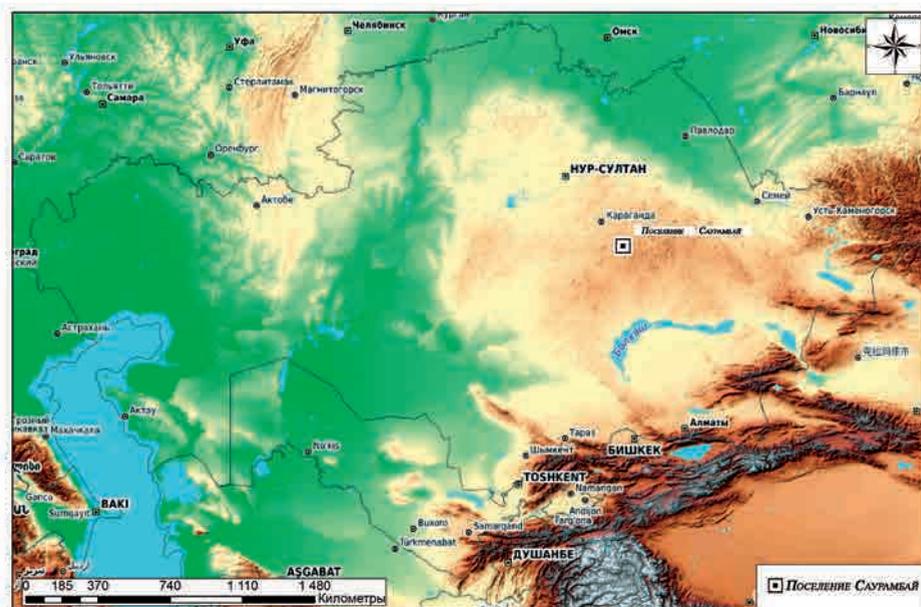

Рис. 1. Поселение Саурамбай на карте Казахстана
Fig. 1. Saurambay settlement on the map of Kazakhstan

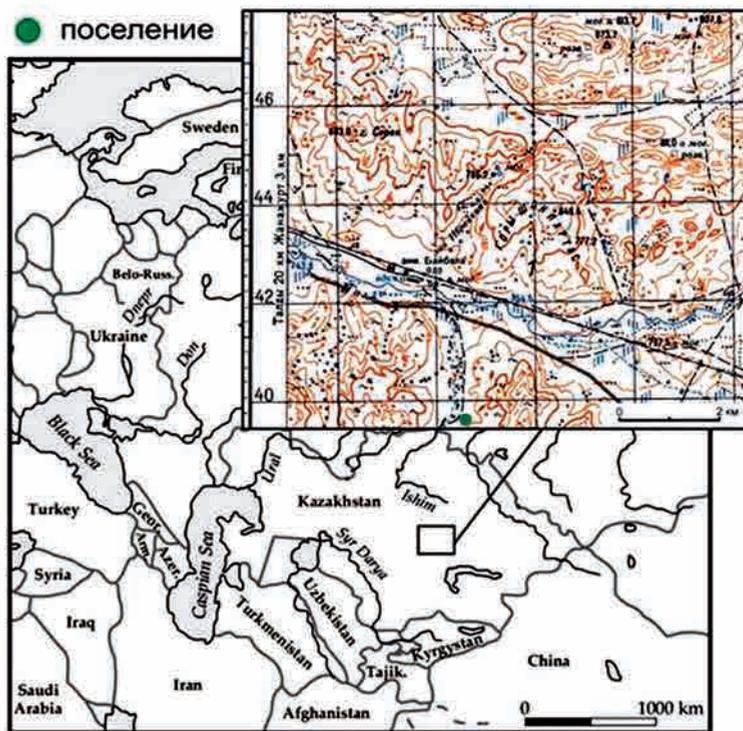

Рис. 2. Поселение Саурамбай на карте Карагандинской области

Fig. 2. Saurambay settlement on the map of Karagandy region

серый зольник; 0,35–0,55 м – бурый зольник (рис. 4).

Под слоем дерна в сером зольнике встречались кости животных и керамика. Под дерном лежала небольшая медная пластина размерами 18×12×8 мм с отверстием диаметром 2 мм (рис. 5, 2). Очевидно, она позднего происхождения и относится ко времени существования казахской зи-

мовки. Найдено три небольших куска черных железистых шлаков (магнитятся). В Южно-Уральском федеральном научном центре минералогии и геоэкологии УрО РАН на портативном приборе INNOV-X α 400 (режим Soil, время экспозиции 30с) был проведен рентгенофлуоресцентный анализ этих шлаков (табл. 1).

Таблица 1 – Содержание элементов-примесей в металлургических шлаках и фрагментах руд из поселения Саурамбай

Table 1 – Content of impurity elements in metallurgical slags and ores fragments from Saurambay settlement

№ образца	Cu	Zn	Pb	Sn	Fe
Saur_1	41886	1819	118	-	>10 мас.%
Saur_2	24543	688	1840	255	>10 мас.%
Saur_3	>10 мас.%	404	216	-	>10 мас.%

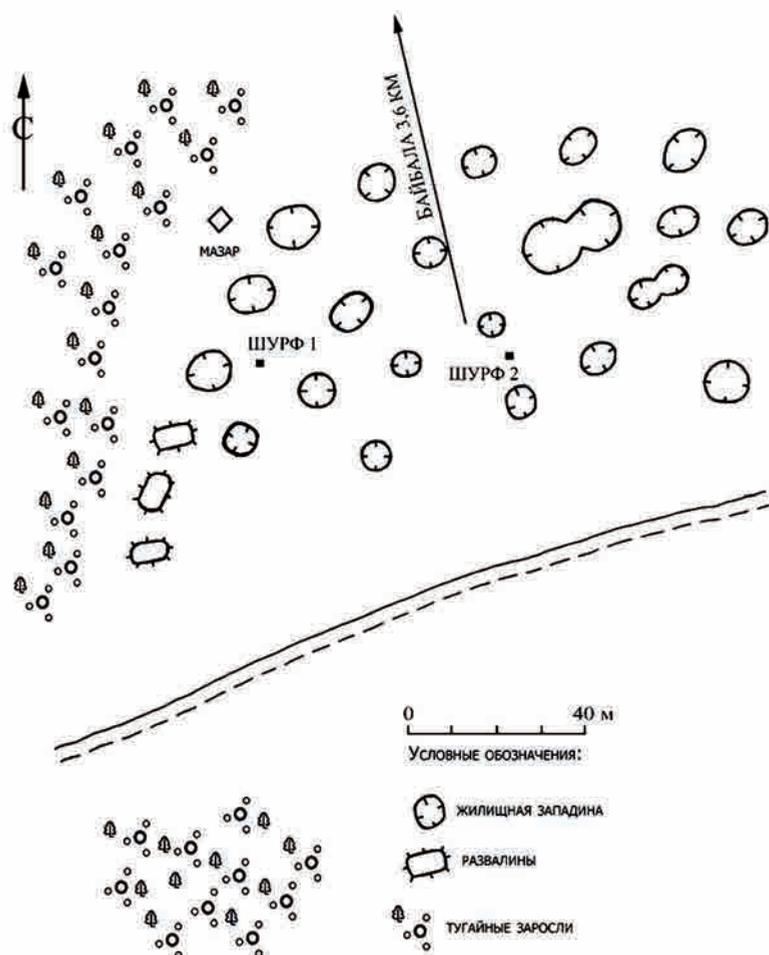

Рис. 3. Поселение Саурамбай. План

Fig. 3. Saurambay settlement. Plan

По заключению М.Н. Анкушева, выполнившего анализ, все три шлака относятся к сопутствующей продукции медной металлургии.

Из нижнего бурого зольника, кроме костей и керамики, получено три небольших медных шлака с поверхностями зеленоватого окраса.

Почти в середине шурфа на уровне материка фиксировались очертания овальной ямы размерами

0,8×0,7 м, глубиной 0,2 м. Яма в разрезе котловидная, с золистым заполнением. Еще одна яма частично прослежена у западной стенки раскопа по бровке её длина 1,2 м, глубина 0,3 м (рис. 4).

Находки из культурного слоя представлены керамикой и костяным инструментом с зубцами по одному краю (рис. 5, 1).

Керамический комплекс состоит из посуды двух культурно-хронологических групп. Из верхнего слоя (серый зольник) происходят фрагменты лепной глиняной посуды саргаринского типа. Выделено девять сосудов этой группы (рис. 5, 3–11). Сосуды ручной лепки, толстостенные, с шероховатой, слегка заглаженной поверхностью. В глиняное тесто добавлялась древа и органика. Посуда горшечных форм, с округлыми и плоскими венчиками. На двух сосудах присутствует налепной валик (рис. 5, 4, 11). В одном случае валик украшен пальцевыми зацепами (рис. 5, 4), в другом рассечен длинными наклонными отрезками линий, нанесенных крупным гребенчатым штампом, а под венчиком отпечатаны мелкие вдав-

ления, образующие горизонтальный зигзаг (рис. 5, 11). На одном фрагменте были прочерчены две горизонтальные линии (рис. 5, 5). Еще один фрагмент несет декор в виде перекрещивающихся отрезков линий, нанесенных плоским штампом (рис. 5, 7). Группа керамики из верхнего зольника аналогична посуде валикового типа поселений Талдинского археологического микрорайона – Аккезен, Шокпартас, Ажар [Варфоломеев, 2019] и Шортандыбулак [Маргулан, 1979, с. 206, рис. 157, вверху, 1–20, 22].

Вторая группа керамики (рис. 5, 12–21) происходит из нижнего зольника и представлена фрагментами 10 сосудов ручной лепки. Она отличается от керамики первой группы сравнительно тонкими стенками,

Рис. 4. Поселение Саурамбай. Вид сверху. Фото В.В. Варфоломеева

Fig. 4. Saurambay settlement. Top view. Photo by V. Varfolomeev

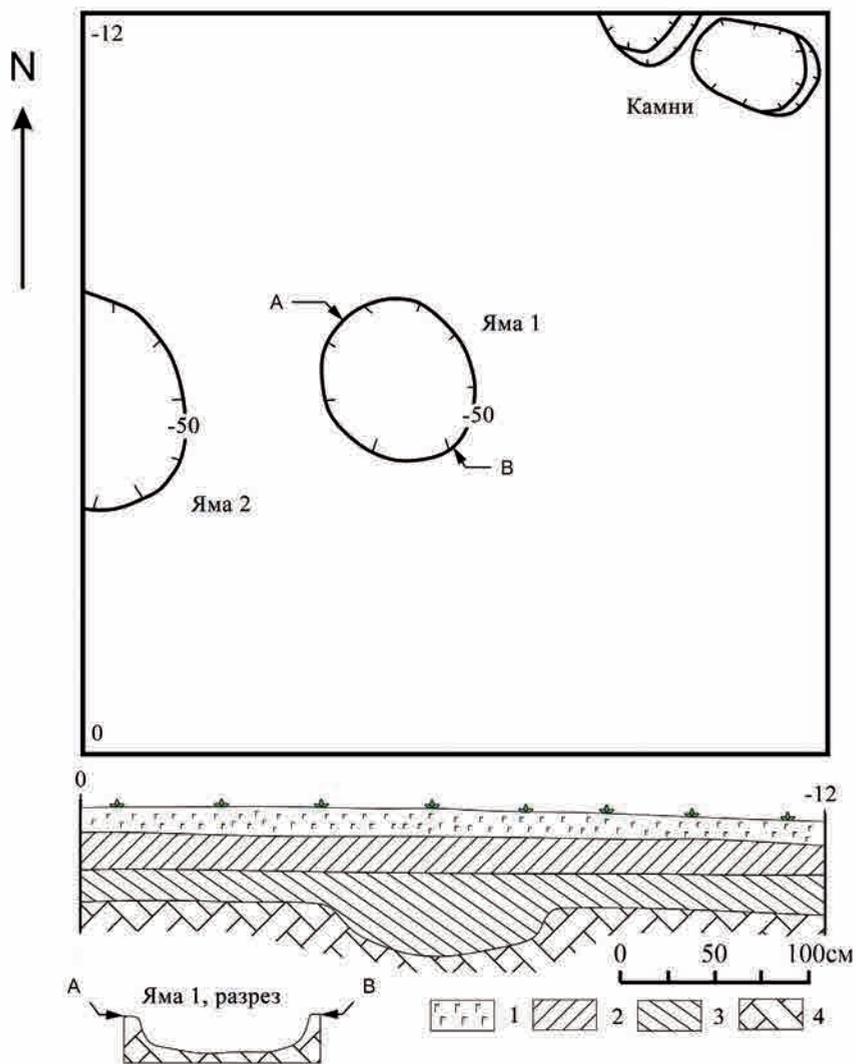

Рис. 5. Поселение Саурамбай. План и профиль шурфа: 1 – дерн и гумус; 2 – серый зольник; 3 – бурый зольник; 4 – материк

Fig. 5. Saurambay settlement. Pit plan and profile: 1 – turf and humus; 2 – gray ash; 3 – brown ash; 4 – native soil

тщательно заглаженными наружными поверхностями со следами лощения. Тесто однородное, с включениями мелкого песка. Сосуды горшечных форм с плавной профилировкой тулова. У одного неорнаментированного

горшка венчик оформлен в виде узкого воротничка (рис. 5, 12). Другие сосуды украшены треугольниками под венчиком и по шейке, разделёнными узкими каннелюрами (рис. 5, 16), меандровидными узорами (рис. 5, 20,

21), выполненными мелким гребенчатым штампом. В одном случае сосуд был украшен прочерченными горизонтальными линиями (рис. 5, 18). На других фрагментах плоским штампом были нанесены узоры в виде зигзагов (рис. 5, 14, 17). На фрагменте стенки – отпечатки треугольных вдавлений (рис. 5, 13). Эта группа керамики находит аналогии среди посуды поселений и могильников андроновской (фе-

доровской) культуры [Маргулан и др., 1966, табл. XXV].

Среди костей из шурфа была найдена небольшая костяная пластина с мелкими зубцами по одному краю. Это штамп-орнаментир (рис. 6, 1). Для его изготовления использовалась тонкая костяная пластина (из лопатки овцы?) размерами примерно 35×30 мм. Толщина пластины около 1 мм с утолщением с одной сторо-

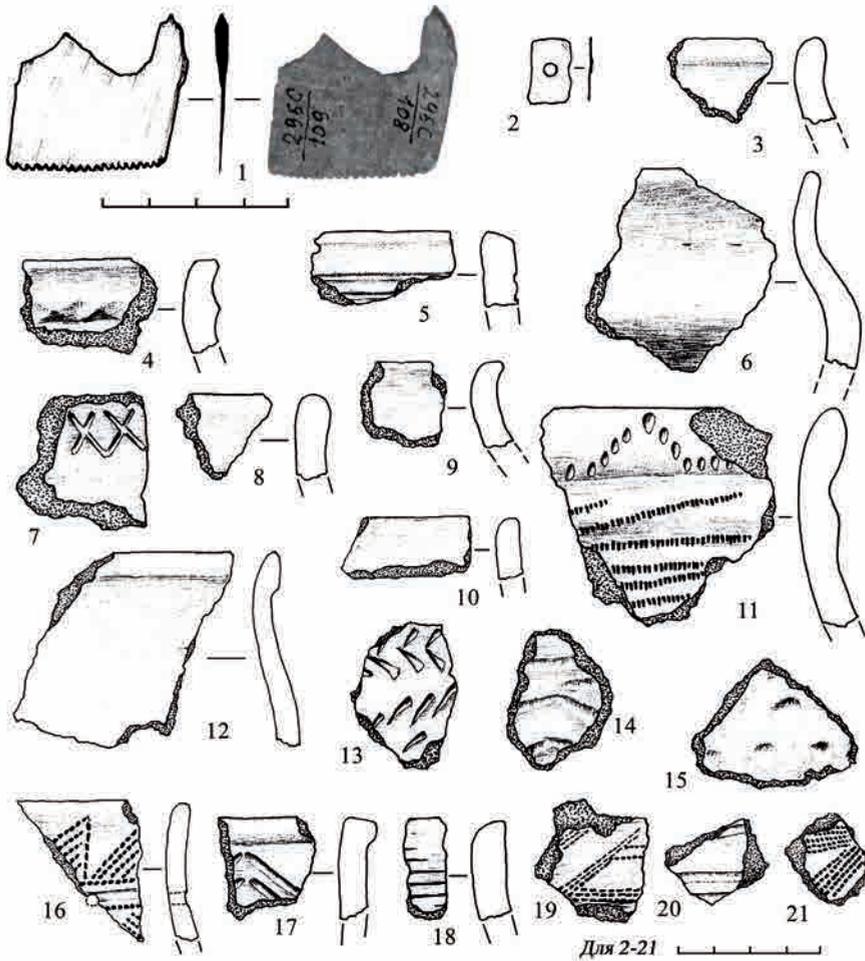

Рис. 6. Поселение Саурамбай. Материалы из шурфа:
1 – костяной штамп-орнаментир; 2 – медная пластина; 3–21 – керамика
Fig. 6. Saurambay settlement. Materials from pit: 1 – bone stamp-ornamentir;
2 – copper plate; 3–21 – ceramics

ны. Рабочий край пластины был об-резан по дуге окружности большого диаметра. По этому краю были вы-резаны зубцы в виде треугольников высотой около 1 мм и с основанием около 1,5 мм. Орнаменты из кости известны в комплексах поселений бронзового века Казахстана. На по-селениях Атасу и Акмая гребенчатые штампы вырезали из лопаток, ребер и трубчатых костей животных, но они отличаются более крупными зубца-ми [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 163, рис. 123].

Керамические штампы с круп-ными зубцами были собраны на Семи-палатинских дюнах [Черников, 1960, рис. 13]. Шесть костяных орнамен-тиров найдены на поселении Канай [Черников, 1960, табл. XIV, 2–7], пять гладких и один гребенчатый с плоски-ми торцами зубцов С.С. Черниковым были выделены сосуды, украшенные именно этим гребенчатым штампом [Черников, 1960, с. 68].

Вероятно, самая близкая ана-логия саурамбайскому орнаменти-ру – инструмент из жилища эпохи бронзы археологического комплек-са Бутақты-І [Горячев, Мотов, 2018, с. 37, рис. 41, 1; фото 29].

Штамп-орнаментир из Сау-рамбая по размерам зубцов следует соотносить с андроновским (федо-ровским) керамическим комплексом. Очевидно, традиция изготовления костяных штампов у населения эпохи бронзы – давняя.

Из шурфа получено 239 костей животных, включая неопределимые (табл. 2)* (*Кости из шурфа отбира-лись без учета двухслойности памят-ника, на андроновские и позднеброн-зовые не дифференцированы).

Таблица 2 – Видовой состав костных остатков из поселения Саурамбай

Table 2 – Species composition of bone remains from Saurambay settlement

Таксон	Поселение Саурамбай
Крупный рогатый скот	79
Мелкий рогатый скот	33
Овца	12
Лошадь	29
Собака	1
Сайга	2
Млекопитающие неопределимые крупные	72
Млекопитающие неопределимые мелкие	11
Всего	239
Примечание: Определения выполнены П.А. Косинцевым [Косинцев и др., 2020].	

Преобладание в остеологиче-ской коллекции костей крупного ро-гатого скота свидетельствует, веро-ятно, об использовании населением двух животноводческих стратегий: пастушеской на раннем и отгонной на позднем этапах функционирова-ния поселка.

Выводы

Таким образом, поселение Сау-рамбай – двухслойное, с материалами культур средней и поздней бронзы. Первый этап обитания связан с на-селением андроновской федоровской культуры. Культурный слой этого этапа функционирования поселе-ния перекрыт слоем с материалами бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры. Как отме-чалось выше, памятник Саурамбай в

период поздней бронзы входил в систему поселений Аккезенской округи. Но открытие федоровского слоя дает основание ставить проблему андроновских поселений. Пока выявлено только одно – Саурамбай. В ближайшей округе известно два могильника федоровской культуры. Это соседствующие могильники Танкара и Бада в 3,5 км северо-восточнее поселения. Неисследованный могильник Саурамбай с оградами андроновского типа находится в 0,3 км северо-западнее поселения. Возможно, эти могильники были оставлены андроновским (федоровским) населением поселения Саурамбай.

При высокой изученности Талдинского археологического микрорайона странным представляется

отсутствие поселений алакульской культурной традиции, тем более что в этой экологической и археологической нише наблюдается высокая концентрация алакульских могильников [Варфоломеев и др., 2018, с. 17–23]. Возможно, это объясняется локализацией алакульских поселенческих памятников на берегах р. Талды, долина которой отмечена следами боковых миграций русла. Во время таких геоморфологических процессов поселения могли быть разрушены, как это было с поселением Байбала, разрушение которого было отмечено ещё в 50-е гг. XX в. [Маргулан, 1979, с. 196]. При обследовании этого памятника в 2019 г. выяснилось, что культурный слой смыт рекой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варфоломеев В.В.* Поселения Талдинского археологического микрорайона. Предварительные результаты исследований // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 74-87.
2. *Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Мәкен Ә.Б., Дмитриев Е.А., Әлкей Е.А., Шохатаев О.С.* Археологическая карта Шетского района Карагандинской области. Караганды: типография «Альфапринт», 2018. 173 с.
3. *Горячев А.А., Мотов Ю.А.* Археологический комплекс Бутакты-І. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
4. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
5. *Косинцев П.А., Варфоломеев В.В., Кисагулов А.В.* Новые материалы по животноводству населения Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 169-179.
6. *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
7. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1966. 435 с.
8. *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА № 88. М.: Наука, 1960. 271 с.

REFERENCES

1. Varfolomeev, V. V. 2019. In: *Margulanovskie chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 74-87 (in Russian).
2. Varfolomeev, V. V., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I., Maken, A. B., Dmitriev, E. A., Alkey, E. A., Shohataev, O. S. 2018. *Arheologicheskaya karta Shetskogo raiona Karagandinskoy oblasti (Archaeological map of the Shet district of the Karagandy region)*. Karagandy: “Alfaprint” printing house (in Russian).
3. Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2018. *Arheologicheskiy kompleks Butakty-I (Butakty-I archaeological complex)*. Almaty: “KazBookTrade” Publ. (in Russian).
4. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (The culture of the ancient cattle breeders and metallurgists of Saryarka)*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).
5. Kosintsev, P. A., Varfolomeev, V. V., Kisagulov, A. V. 2020. In: *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, vol. 1, 169-179 (in Russian).
6. Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Centralnogo Kazakhstana (Begazy Dandybay culture of the Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” (in Russian).
7. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, A. M., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Centralnogo Kazakhstana (Ancient culture of the Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Publ. house of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
8. Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazahstan v epohu bronzy. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 88 (East Kazakhstan in the Bronze Age. Materials and research on the archeology of the USSR. No. 88)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.07.2021.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.09.2021.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 13.09.2021.

САВРОМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ПЕРЕЛЕСКИ II в ВЕРХНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

© 2021 г. Евдокимов Валерий Валентинович¹,
Сеитов Абай Мейрамович²

¹доктор исторических наук, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан. E-mail: sajrim@mail.ru

²автор-корреспондент, магистр гуманитарных наук,
Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова,
г. Костанай, Казахстан. E-mail: sajrim@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена впускным савроматским погребениям могильника Перелески II. Основные захоронения могильника относятся к эпохе бронзы. Впускные погребения исследованы в курганах № 2 и 3. Вводное захоронение в кургане № 2 обнаружено под каменным завалом в могильной яме эпохи бронзы. Основное погребение нарушено. Костяк впускного захоронения лежал вытянуто на спине, головой на восток. С левой стороны стоял керамический сосуд. В кургане № 3, в завале камней, найдены кости человека, сосуд, бусы и бронзовое зеркало. В яме № 1 обнаружено сильно потревоженное основное погребение эпохи бронзы. В яме № 2, под завалом камней, зафиксировано двухъярусное захоронение. Костяк верхнего яруса лежал не в анатомическом порядке, на спине, головой на запад. Уложен небрежно, в черепе фиксируется отверстие от удара острым предметом. Рядом найдены только кости барана. Ниже, точно по оси ямы, зафиксирован костяк другого человека плохой сохранности, на правом боку, головой на запад. Дно могилы пропитано веществом красного цвета. Из инвентаря найдены два керамических сосуда, железный нож и колчан с бронзовыми наконечниками стрел. Впускные захоронения относятся к кругу памятников савроматского типа. Курган № 2 датируется VII–V вв. до н.э., курган № 3 – концом VI–V вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Верхнее Притоболье, могильник Перелески II, впускные ярусные погребения, жертвоприношение, савроматское время

ЖОҒАРҒЫ ТОБЫЛ ПЕРЕЛЕСКИ II ҚОРЫМЫНЫҢ САВРОМАТТЫҚ ЖЕРЛЕУЛЕРІ

Евдокимов Валерий Валентинович¹, Сейітов Абай Мейрамулы²

¹тарих ғылымдарының докторы, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан. E-mail: sajrim@mail.ru

²корреспондент-авторы, гуманитарлық ғылымдар магистрі, А. Байтұрсынов атындағы
Қостанай өңірлік университеті, Қостанай қ., Қазақстан. E-mail: sajrim@mail.ru

Аннотация. Мақала Қостанай облысы Денисов ауданында (Солтүстік Қазақстан), Тобыл өзенінің сол жағалауында, Перелески станциясынан оңтүстікке

қарай 7 км жерде орналасқан савроматтық жерлеулерге кіретін Перелески II қорымына арналған. Ескерткіш 1970–1971 жылдары В.В. Евдокимовтың басшылығымен Қостанай педагогикалық институтының археологиялық экспедициясы зерттелген. Қорымның негізгі қорымдары қола дәуіріне жатады. № 2 және 3 қорғандарда кірме жерлеу орындары зерттелді. № 2 қорғандағы кірме қорым қола дәуірінің қабір шұңқырынан тас үйіндісінің астынан табылды. Негізгі жерлеу бұзылған. Кірме жерлеудің қаңқасы артқы жағында, басы шығысқа қарай жатыр. Сол жағында керамикалық ыдыс тұрды. № 3 қорғаннан тас үйіндісінен адам сүйектері, ыдыс, моншақтар мен қола айна табылды. № 1 шұңқырдан қола дәуірінің қатты қираған негізгі қорымы табылды. № 2 шұңқырда, тас үйіндісінің астында екі қабатты жерлеу тіркелген. Жоғарғы деңгейдің қаңқасы анатомиялық емес, артқы жағында, басы батысқа қарай жатты. Ол ұқыпсыз қойылған, бас сүйегінде өткір затпен соққыдан алған тесік бар. Маңайынан тек қошқардың сүйектері табылды. Төменде, шұңқырдың білігі бойынша, нашар сақталған басқа адамның қаңқасы табылды, оң жағында, басы батысқа қараған. Қабірдің түбі қызыл затпен қаныққан. Құрал-саймандардан екі керамикалық ыдыс, темір пышақ және жебенің қола ұштары бар қорамсақ табылды. Кірме қабірлері савромат типіндегі ескерткіштерге жатады. № 2 қорымдағы жерлеу б.д.д. VII–V ғғ. мерзімделінеді, № 3 қорымдағы б.д.д. VI–V ғғ. соңына жатады.

Түйін сөздер: археология, Солтүстік Қазақстан, Жоғарғы Тобыл, Перелески II қорымы, кірме қабатты жерлеулер, құрбан шалу, савромат уақыты

SAUROMATIAN BURIALS of PERELESKI II BURIAL GROUND in the UPPER TOBOL RIVER REGION

Valery Evdokimov¹, Abay Seitov²

¹Doctor of Historical Sciences, E.A. Buketov Karagandy University,
Karagandy, Kazakhstan. E-mail: sajrim@mail.ru

²corresponding author, Master of Humanities, A. Baitursynov Kostanay Regional
University, Kostanay, Kazakhstan. E-mail: sajrim@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the Sauromatian intake burials of the Pereleski II burial ground, located in the Denisovka district of Kostanay region (Northern Kazakhstan), on the left bank of the Tobol River, 7 km south of Pereleski railway station. The site was investigated by the archaeological expedition of the Kostanay Pedagogical Institute under the leadership of V.V. Evdokimov in the 1970–1971 years. The main burials of the burial ground belong to the Bronze Age. The intake burials were discovered in barrows No. 2 and 3. The intake burial in the barrow No. 2 was uncovered under the stone heap in the grave of Bronze Age. The primary burial was severely disturbed. The skeleton of the secondary funeral was in supine, with its head towards the east. On the left side, there was a ceramic vessel. In the barrow No. 3 in stone heap, human bones, vessel, beads and bronze mirror were found. A heavily disturbed main burial of the Bronze Age was found in grave No. 1. In grave No. 2 under the stone heap, a two-tier burial was discovered. The skeleton of the upper tier was not lying in anatomical order, on its back, with its head facing west. It is laid carelessly; there is a hole in the skull made by a sharp object. Only the bones of a ram were found nearby. Below, exactly along the axis of the pit, the skeleton of another person of poor preservation was found lying on its right side, with head towards the west. The bottom of the grave is soaked with a red substance. Two ceramic vessels, an iron knife and a quiver with bronze arrowheads were found. The secondary burials belong to the sites of the Sauromatian type. In barrow No. 2 it dates the 7th–5th centuries BC, in barrow No. 3 – the end of the 6th–5th centuries BC.

Keywords: archaeology, Northern Kazakhstan, Upper Tobol River, Pereleski II burial ground, tiered burials, sacrifice, Sauromatian time

Введение

Могильник Перелески II расположен на левом берегу р. Тобол, в 150 км к юго-западу от г. Костанай, в 7 км к югу от станции Перелески (Денисовский (ранее Орджоникидзевский) р-н, Костанайская обл.) (рис. 1, 1). В 1 км к западу от могильника находится поселение эпохи бронзы Перелески II. Памятники были открыты и изучены археологической экспедицией Кустанайского педагогического института под руководством В.В. Евдокимова в ходе исследования зоны затопления Верхне-Тобольского водохранилища в 1970–1971 гг. [Евдокимов, 1971, с. 207; 1975, с. 109–114; 1984; Евдокимов, Логвин В.Н., 1972, с. 287–289; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 24–25].

Могильник расположен на высоком мысу коренной террасы Верхне-Тобольского водохранилища. Ширина мыса около 100 м, высота довольно крутых склонов достигает 2 м. На поверхности зафиксировано до 20 курганных насыпей, расположенных бессистемно, концентрирующихся больше вдоль восточного склона и по центру мыса. Земляные насыпи курганов сильно оплывшие, диаметром 7–15 м, высотой – 0,3–0,6 м. Некоторые из них почти сnivelировались с поверхностью мыса и, возможно, часть курганов не зафиксирована (рис. 1, 2).

Материал и методы исследования

В течение полевых сезонов 1970–1971 годов были исследованы курганы № 1–4, относящиеся к эпохе бронзы. Среди едва заметных малых курганных насыпей выделялись своими размерами курганы № 2 и 3, оказавшиеся с повторной подсыпкой над

впускными захоронениями раннего железного века, материалам которых и посвящена данная статья. Перейдем к характеристике впускных погребений.

Курган № 2 расположен в восточной части мыса. Диаметр – 10 м, высота – 0,6 м. Насыпь кургана округлой формы, сооружена из земли. Прослежена следующая стратиграфия (рис. 2, 1):

- сверху дерновый слой мощностью 0,08 м;
- ниже слой темно-серой супеси мощностью 0,5 м с вкраплениями галечника;
- ниже фиксируется материковая глина.

Под насыпью обнаружена кольцевая оградка из камней мелкого и среднего размера. Диаметр ограды 7–9 м. В центре кургана под дерновым слоем прослеживается каменный завал (забутовка) мощностью чуть более 1 м. После снятия насыпи были обнаружены два разновременных захоронения.

Могильная яма основного погребения в плане прямоугольной формы, размерами 2,62×1,65 м, ориентирована по линии 3–В. Стенки ямы крутые, дно ровное; вкопана в материк на глубину 0,75 м. Яма имела деревянную обкладку в два венца и перекрытие из дерева молодой березы. Обкладка хорошо сохранилась только в западной стенке, остальная часть была выброшена при совершении вводного захоронения. В могильной камере обнаружены разрозненные кости человека, один целый и фрагменты нескольких керамических сосудов. Основное погребение относится к алакульской культуре.

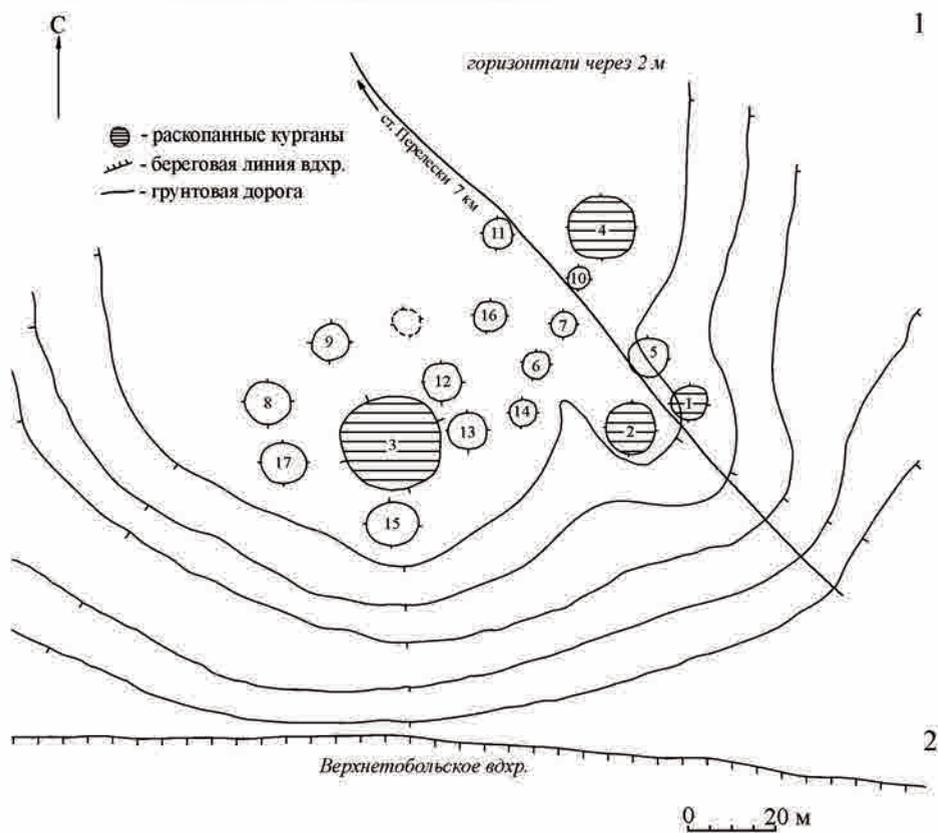
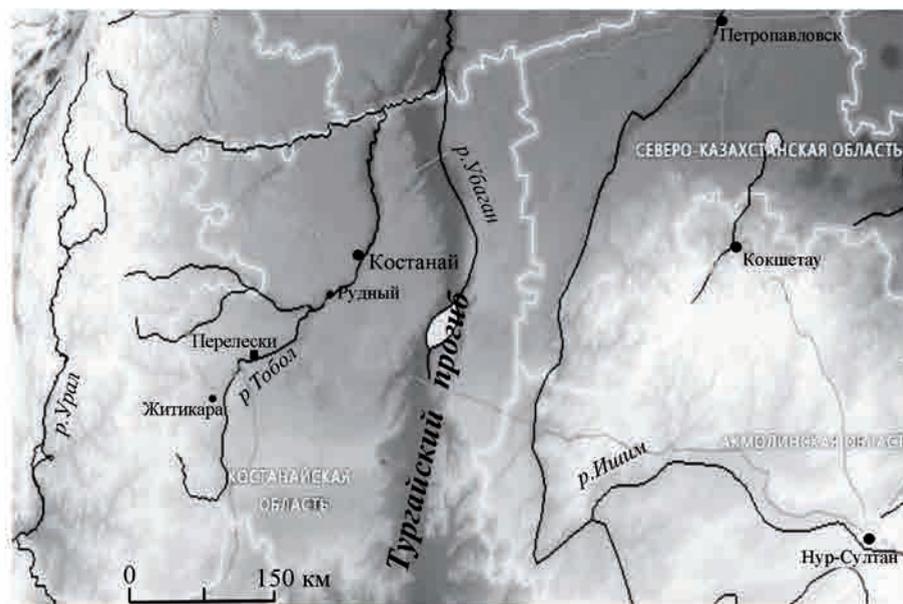

Рис. 1. Могильник Перелески II: 1 – расположение памятника на карте; 2 – ситуационный план

Fig. 1. Pereleski II burial ground: 1 – location of the monument on the map; 2 – situational plan

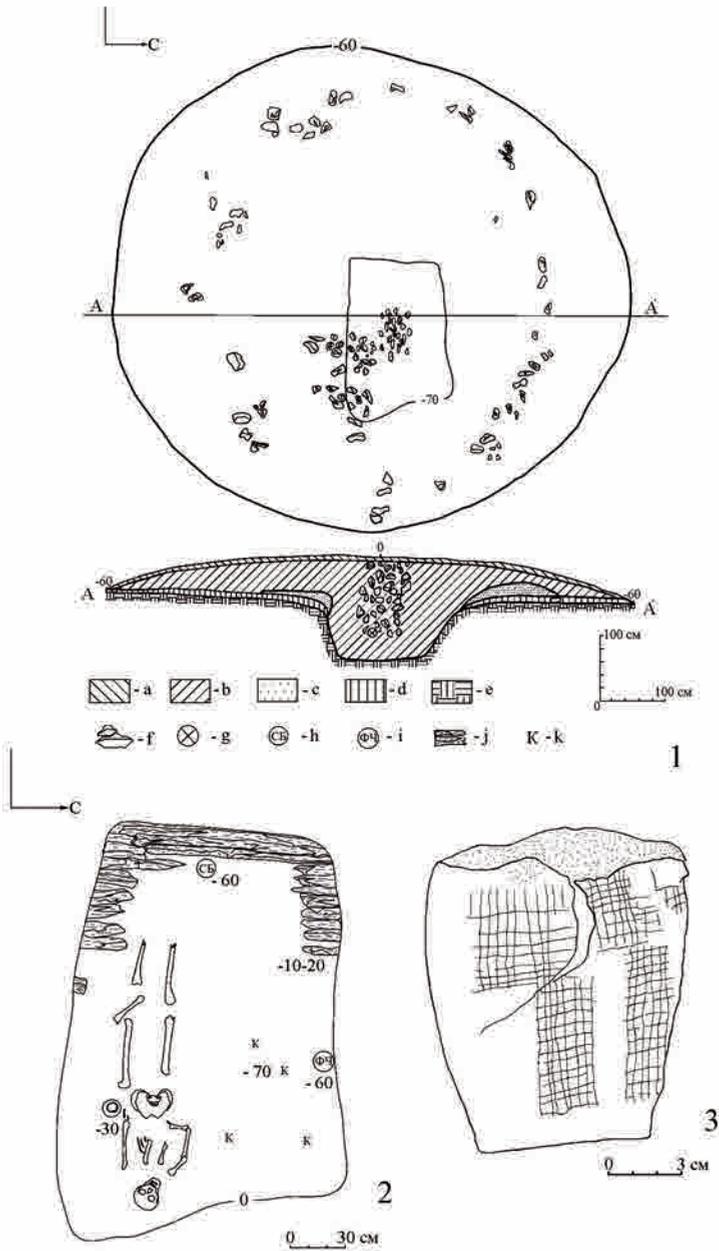

Рис. 2. Могильник Перелески II, курган 2: 1 – план и профиль кургана (а – дерновый слой, б – темно-серая супесь с вкраплениями галечника, с – могильный выброс, d – погребальная почва, e – материковая глина, f – камень, g – впускное погребение, h – сосуд эпохи бронзы, i – фрагмент черепа человека, j – дерево, k – фрагменты керамики эпохи бронзы); 2 – план впускного погребения; 3 – керамический сосуд

Fig. 2. Pereleski II burial ground, mound 2: 1 – plan and profile of the mound (a – turf layer, b – dark gray loam with pebbles, c – burial heap, d – burial soil, e – mainland clay, f – stone, g – intake burial, h – vessel of the Bronze Age, i – fragment of a human skull, j – wood, k – fragments of ceramics of the Bronze Age); 2 – intake burial plan; 3 – ceramic

Вводное захоронение зафиксировано сразу под каменным завалом в южной продольной части погребальной камеры основной могилы (рис. 2, 2). Костяк умершего лежал в анатомическом порядке, вытянуто на спине, головой на восток. Длина скелета – 148 см. Правая рука согнута в локте, а левая была вытянута вдоль туловища. Голова слегка повернута лицом к югу. С левой стороны погребенного, на уровне груди, стоял керамический сосуд. Других находок не обнаружено.

Сосуд баночной формы с носиком-сливом, оттянутым из края венчика. Сосуд сформован грубо, с примесью песка. Высота – 13 см, диаметр венчика – 9 см, дна – 7,5 см. Горшок орнаментирован двумя вертикальными зонами резной сетки (рис. 2, 3).

Курган № 3 расположен на самой высокой точке мыса (рис. 1, 2). Насыпь кургана диаметром 15 м, высотой – 1,2 м, сооружена из земли. Вокруг кургана фиксируется кольцевой ров. Склоны насыпи довольно крутые, задернованные. Центральная часть несколько возвышается, это объясняется наличием завала камней в насыпи. Завал сооружен из довольно крупных камней длиной до 0,5 м. Высота завала – 1,6 м, ширина верхней части до 3 м (рис. 3, 1).

Раскопки велись квадратами 2×2 м, стратиграфическая фиксация по центральной бровке, направленной по линии С–Ю. Прослежена следующая стратиграфия насыпи:

- сверху дерновый слой мощностью 0,1 м;

- ниже песчаный слой с галькой мощностью 0,3–0,9 м, разделенный прослойкой темно-серой супеси мощностью до 0,18 м;

- слой гальки мощностью до 0,1 м;

- ниже фиксируется слой материкового песчаника. Многочисленность слоев и их перемешанность объясняется тем, что насыпь сооружалась сначала в эпоху бронзы, позже достраивалась в раннем железном веке.

После зачистки, на глубине -1,3 м от нулевой точки были выявлены очертания рва, окольцовывающего насыпь кургана. Ров округлой формы, диаметром по линии З–В – 17 м, по линии С–Ю – 15 м. Ширина рва от 2 до 4,5 м, глубина от 0,25 до 0,4 м. В заполнении рва, в основном в верхнем его слое, зафиксирована россыпь гальки коричневого цвета, образованная сползанием стенок и части насыпи. Ров в профиле имеет округлые стенки и дно. Находок не обнаружено. В северо-восточном секторе ров прерывается, образуя проход шириной 2,2 м. В этой части, с внешней стороны одного из концов рва зафиксировано пять столбовых ям, диаметром 0,12–0,25 м, глубиной 0,1–0,2 м. В верхнем слое засыпки рва, повторяя его очертания вокруг насыпи, фиксируется кольцевая оградка из камней мелкого и среднего размера.

По центру кургана на глубине -1,3 - -1,35 м от нулевой точки, в завале камней зафиксированы несколько костей и часть черепа человека, шаровидный сосуд, бусы и бронзовое зеркало (рис. 3, 4). Все эти находки были обнаружены между камней на площадке размерами не более 1×1,5 м. Состояние костей настолько плохое, что установить было ли здесь захоронение всего костяка или это выброс из основной могилы эпохи бронзы не удалось. Условно эти находки обозначены как *яма (погребение) № 3* (рис. 4, 8–15, 19).

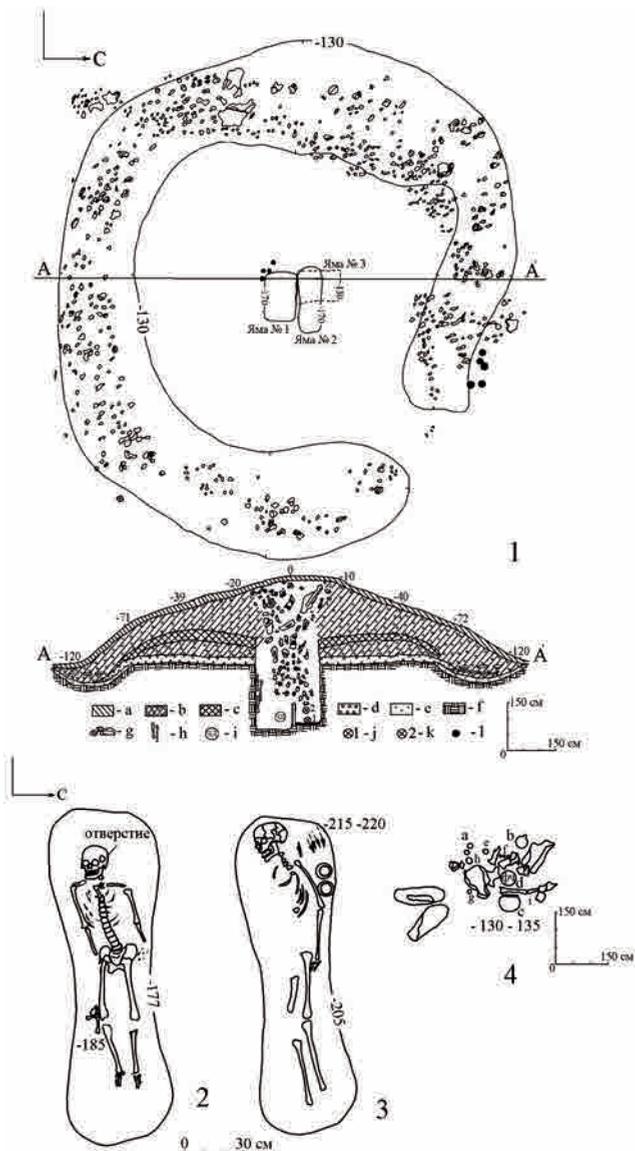

Рис. 3. Могильник Перелески II, курган 3: 1 – план и профиль кургана (а – дерновый слой, b – песчаный слой с галькой, с – темно-серая супесь, d – слой гальки, e – черная супесь, f – материковый песчаник, g – камень, h – кости животных, i – череп лошади, j – впускное погребение нижнего яруса, k – впускное погребение верхнего яруса, l – столбовые ямы); 2 – план впускного погребения верхнего яруса; 3 – план впускного погребения нижнего яруса (яма № 2); 4 – план погребения № 3 (а, e, h – стеклянные бусы, b – бронзовое зеркало, c – керамический сосуд, d – фрагмент черепа человека, f, g – костяные бусы, i – кости человека)

Fig. 3. Pereleski II burial ground, mound 3: 1 – plan and profile of the mound (a – turf layer, b – sand layer with pebbles, c – dark gray loam, d – pebbles layer, e – black loam, f – mainland sandstone, g – stone, h – animal bones, i – horse skull, j – lower tier entrance burial, k – upper tier entrance burial, l – pillar pits); 2 – upper tier intake burial plan; 3 – lower tier intake burial plan (pit No. 2); 4 – burial plan No. 3 (a, e, h – glass beads, b – bronze mirror, c – ceramic vessel, d – human skull fragment, f, g – bone beads, i – human bones)

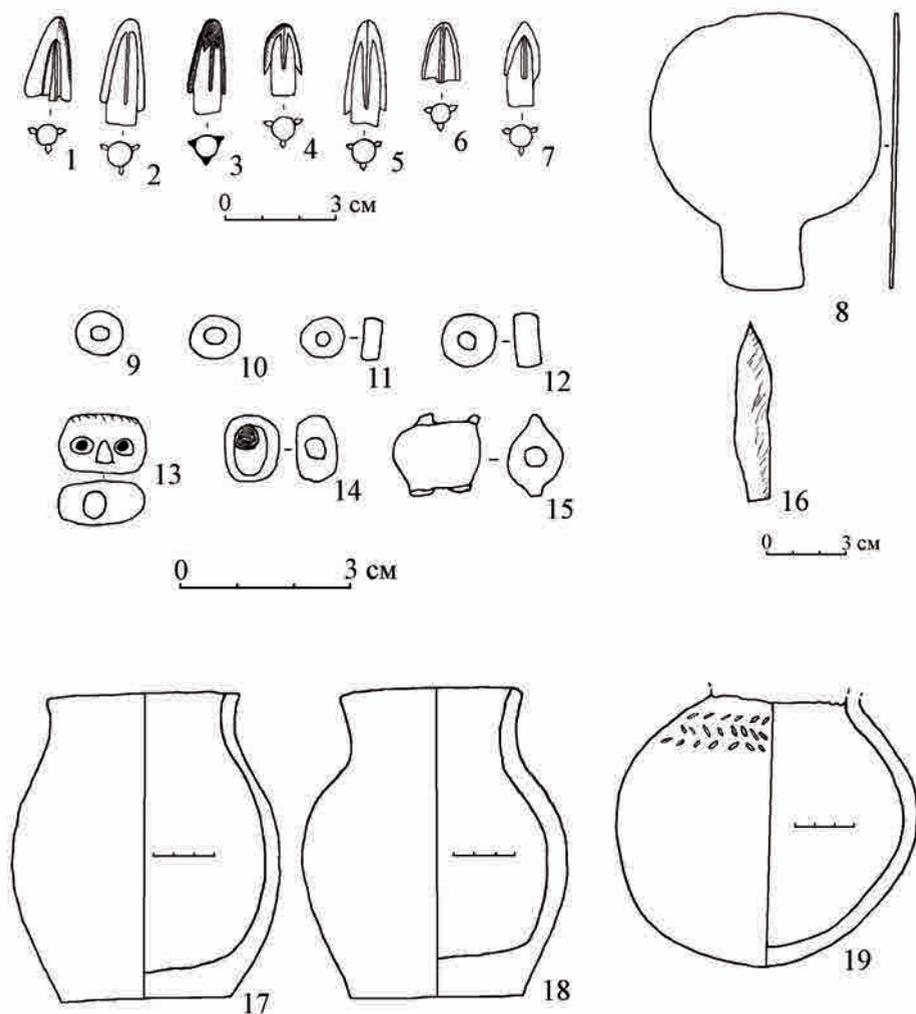

Рис. 4. Могильник Перелески II, курган 3: 1-7 – наконечники стрел; 8 – зеркало; 9-15 – бусы; 16 – нож; 17-19 – сосуды. 1-7, 8 – бронза, 9-12 – кость, 13-15 – стекло, 16 – железо, 17-19 – керамика

Fig. 4. Burial ground Pereleski II, mound 3: 1-7 – arrowheads; 8 – mirror; 9-15 – beads; 16 – knife; 17-19 – vessels. 1-7, 8 – bronze, 9-12 – bone, 13-15 – glass, 16 – iron, 17-19 – ceramics

В центре кургана, под завалом камней на глубине -1,5 м, было зафиксировано четырёхугольное пятно светло-серого цвета. Заполнение пятна было неоднородным, в преобладающем темно-сером цвете, выделялись прослойки темного и черного цветов. При последующей зачистке, на глубине -1,7 м были выявлены

четкие очертания двух могильных ям (ямы № 1 и 2), расположенных параллельно друг другу, продольные стенки почти соприкасались. Могильная яма № 1 относится к алакульской культуре эпохи бронзы, поэтому остановимся на ней вкратце. Яма имела в плане форму правильного прямоугольника размером 2,6×1,5 м, глубиной 0,84 м

от погребальной почвы. На краю юго-западного угла могилы, зафиксированы компактной группой четыре столбовые ямы, диаметром 0,1–0,17 м, глубиной 0,07–0,1 м. В заполнении могильной ямы обнаружены крупные кости конечностей животного (лошадь? КРС?) и фрагменты керамики. В бровке зафиксирован керамический сосуд. На дне погребальной камеры обнаружены останки костяка плохой сохранности. Погребение сильно потревожено, судя по положению его ног, умерший был уложен головой на восток. Рядом найдены остатки кожаного ремня с бронзовыми пронизками, каменное точило, шаровидный предмет (булава?), бронзовый нож и три керамических сосуда.

Могильная яма № 2 расположена севернее ямы № 1, имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и зауженной средней частью. Размеры ямы – 2,16×0,48–0,66 м, глубина – 0,6 м от погребальной почвы (рис. 3, 1). В яме было зафиксировано двухъярусное захоронение (рис. 3, 2–3). В верхнем ярусе, на глубине -1,77 м от нулевой точки, обнаружен костяк мужчины (?) плохой сохранности, не в анатомическом порядке (рис. 3, 2). Костяк лежал вытянуто на спине, с прямыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Головой ориентирован на запад. Череп слегка повернут на правую сторону (относительно костяка), в височной части имеется округлое отверстие от удара острым предметом. Судя по позе, умерший был уложен (брошен?) в могилу небрежно. Возле колена правой ноги лежало несколько костей МРС (барана?). Вещей в погребении не обнаружено. По всей видимости, человек был преднамеренно убит и погреб-

бен после совершения захоронения другого индивида, скелет которого обнаружен ниже, на дне той же ямы, на глубине -2,05 м (рис. 3, 3). Дно погребальной камеры представляло собой плотный слой песка, толщиной 0,05 м, пропитанный веществом красного цвета. Сохранность костей погребенного из нижнего яруса плохая, но скелет – в анатомическом порядке. Костяк был уложен вытянуто на правый бок, головой на запад, лицом на юг. У северной продольной стенки ямы, за спиной умершего, стояли два керамических сосуда. У головы найден железный нож. В северо-западном углу погребальной камеры обнаружены остатки кожаного (?) колчана с 13 бронзовыми наконечниками стрел, частично, с сохранившимися древками (рис. 4, 1–7, 16–18).

Характеристика погребального инвентаря вводных захоронений кургана № 3

Инвентарь из погребения № 2

Сосуды плоскодонные, лепные, неорнаментированные. Тесто с примесью дресвы и крупного песка. Обжиг хороший, отчего они красновато-коричневого оттенка. Поверхность сосудов заглажена пучком травы. *Сосуд № 1* имеет плавную профилировку и округлое тулово. Высота сосуда – 14,5 см, диаметр устья – 8,5 см, самой раздутой части тулова – 13,5 см, днища – 9 см. Толщина стенок сосуда – 0,7–1 см, днища – 1,3–1,6 см. Шейка высотой – 1,5 см, венчик отогнут наружу. Срез венчика прямой (рис. 4, 17). *Сосуд № 2* имеет более резкую профилировку, выпуклое тулово яйцевидной формы, высокую узкую шейку и отогнутый наружу венчик. Высота сосуда – 15 см, диаметр гор-

ловины – 9 см, самой раздутой части тулова – 13,5 см, днища – 8 см. Толщина стенок – 0,8–1 см, днища – 2 см (рис. 4, 18).

Бронзовые наконечники стрел (13 экз.), все втульчатые, один трёхгранно-трехлопастной, остальные – трехлопастные. Наконечники с выступающей втулкой имеют сводчатую головку с лопастями, края которых срезаны под тупым и острым углами. Их общая длина от 1,9 до 2,8 см, ширина от 1,1 до 1,3 см (рис. 4, 2–5, 7). Трёхгранно-трехлопастной наконечник имеет вильчатый вырез на гранях головки (рис. 4, 3). Наконечники с внутренней втулкой имеют сводчатую головку и без выраженных шипов (рис. 4, 1, 6). Один из них больше напоминает базисные стрелы (рис. 4, 6). Длина наконечников от 1,6 до 2,3 см, ширина – 1–1,3 см.

Железный нож с одним лезвием (рис. 4, 16). Общая длина ножа – 7 см. Длина лезвия – 4,5 см, черешка – 1,5 см. Ширина лезвия в срединной части – 1,4 см, на конце – 0,3 см. Черешок ножа шириной – 0,7 см.

Инвентарь из погребения № 3

Сосуд с шаровидным туловом и округлым дном. Венчик отбитый. Высота сохранившейся части сосуда – 12,7 см. Диаметр по тулову – 14,5 см. Диаметр шейки – 7,5 см. Толщина стенок – 0,7–0,9 см. Поверхность сосуда заглажена. Тесто с примесью песка. По верху тулова нанесены три ряда косых насечек, образующих орнамент в виде горизонтальной елочки (рис. 4, 19).

Бусы по материалу изготовления делятся на костяные и стеклянные. Всего около 12 экз. (рис. 4, 9–15).

Костяные бусины (4 экз.), грубо обработанные, дисковидной формы, довольно мелкие, диаметром – 0,7–1 см, толщиной – 0,35–0,5 см. Отверстия диаметром – 0,15–0,3 см (рис. 4, 9–12).

Среди стеклянных бусин абсолютно преобладают сине-голубые глазчатые экземпляры (около 7 экз.). Большинство сохранились очень плохо и от них остались только небольшие частички. Две глазчатые бусины – удовлетворительной сохранности. Одна из них уплощенная подовальной формы, шириной – 1,5 см, толщиной – 0,8 см. Отверстие диаметром – 0,4 см. На плоских поверхностях имеются по паре двухслойных бело-голубых глазков, разделенных включением подтреугольной формы коричневатого-желтого стекла. По краю имеется орнамент в виде жгута из синего и белого стекла (рис. 4, 13). Вторая бусина, тоже уплощенная, подовальной формы с одним двухслойным бело-голубым глазком на плоских поверхностях. Бусина длиной – 1,2 см, шириной 1 см, толщиной 0,7 см. Диаметр отверстия 0,35 см (рис. 4, 14). Еще одна бусина без глазков, выполнена в форме параллелограмма с боковыми отрезками. Длина – 1,6 см, ширина – 1,5 см, толщина – 1 см. Диаметр отверстия – 0,3 см (рис. 4, 15).

Бронзовое зеркало с округлым диском и короткой ручкой прямоугольной формы. Диск и ручка отлиты вместе. Диаметр диска – 9 см, длина ручки – 2,5 см, ширина – 3 см. Толщина зеркала – 0,15 см (рис. 4, 8).

Обсуждение

Впускное погребение кургана № 2 относится к предсавроматскому – савроматскому времени. Об этом,

прежде всего, свидетельствует сосуд, который можно отнести к первому отделу плоскодонной лепной керамики (по типологии К.Ф. Смирнова). Это сосуды баночной (горшковидной) формы, некоторые из которых имеют носик-слив на краю венчика как у горшка из Перелесок II. Такие экземпляры в основном датируются в пределах VII–VI вв. до н.э., однако, некоторые встречаются вплоть до V в. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 6, 15–17; Смирнов, 1964, с. 112, рис. 61, 2–4]. Прототипы такой керамики, по-видимому, восходят к срубно-алакульским гончарным традициям поздней бронзы [Смирнов, 1964, с. 112; Гуцалов, 1996, с. 158]. Сосуд из Перелесок II особенно близок по форме двум экземплярам бассейна р. Илек Южного Приуралья. Один из них происходит из погребения 1 кургана 68 могильника Целинный I, другой обнаружен в погребении 1 кургана 10 могильника Восточно-Курайли I. Памятники относятся к VII–VI вв. до н.э. [Гуцалов, 1996, рис. 2, 5; 4, 4].

Аналогии прослеживаются и в погребальном обряде. Как и в Перелесках II, вышеупомянутые комплексы из Илека впускные, при совершении захоронений также использовались камни для забутовки могилы или в качестве каменной кладки. Погребение из могильника Целинный I ориентировано головой на северо-восток [Гуцалов, 1996, с. 156–159]. Ориентировка в восточный сектор не столь характерна для погребальных памятников савромато-сарматского круга и сравнительно заметнее отмечается только в северо-восточной части расселения этих племен [Смирнов, 1964, с. 91]. В Верхнем Притоболье известны два погребения савроматского времени со

схожей ориентировкой. Это погребение № 5 кургана 1 могильника Каратомар, где умерший направлен головой на восток с небольшим отклонением к северу и погребение № 3 кургана Халвай 5 с северо-восточной ориентировкой [Логвин А.В. и др., 2017, с. 135; 2020, с. 267]. Аналогичным образом ориентировано захоронение кургана 2 могильника Карсакбас в Тургае, относящееся к концу VI – началу V в. до н.э. [Таиров, Боталов, 1996, с. 165].

Таким образом, впускное погребение кургана № 2 могильника Перелески II было совершено в диапазоне VII–V вв. до н.э.

Теперь перейдем к анализу впускных захоронений кургана № 3. Западная ориентировка типична для савроматской погребальной традиции, а положение на боку скорее уже пережиточный признак предшествующей эпохи и изредка встречается у савроматов [Смирнов, 1964, с. 91–92]. Весьма необычно проявление ритуальных действий с веществом красного цвета. Как правило, в могилах ранних кочевников находят кусочки различных красящих веществ (реальгар, охра, мел и др.). Широко распространённой погребальной традицией савроматов и ранних сарматов являлся обычай посыпать дно могильной камеры, погребенных и их вещи меловым порошком или его заменителями, символизирующими очищение. Красный цвет, надо полагать, служил символом оживляющей крови, кровавых жертвоприношений и т. п. [Мошкова, 1963, с. 23–24; Смирнов, 1964, с. 94; Максименко, 1983, с. 83; Гуцалов, 2004, с. 95]. Весьма нетипично выглядит верхнеярусное захоронение. Расположение его точно по оси над нижним костяком, еще и в пределах довольно

узкой ямы, одинаковая ориентировка свидетельствуют о том, что это погребение было совершено либо сразу после захоронения человека из нижнего яруса, либо с небольшим промежуток времени. А отверстие в черепе, неанатомическое положение костей, небрежный характер обращения с его телом, отсутствие инвентаря, возможно, указывают на жертвенный или сопроводительный характер этого захоронения. По все видимости, его (ее) предварительно умертвили ударом по голове, расчленили и бросили сверху над погребением воина.

Ярусные погребения изредка встречаются в разные периоды древности, начиная с позднего неолита [Хлобыстина, 1982, с. 13–20]. Известны они и в памятниках савромато-сарматского круга. В Южном Приуралье исследовано до двух десятков таких захоронений, относящихся к VI–IV вв. до н.э. Некоторые из них можно интерпретировать как жертвоприношение для основного погребения [Гуцалов, 2004а, с. 151]. По-видимому, причины совершения ярусных захоронений имели различный характер, отражающий сложные социальные отношения, семейно-родственные связи, кульново-ритуальные представления и др.

Некоторое «привилегированное» положение захороненного из нижнего яруса может быть подчёркивается только сопроводительным погребением. Однако, судя по инвентарю, – это обычное погребение рядового воина. Трехгранно-трехлопастной наконечник с вильчатým вырезом головки сопоставим с типом 5Г (здесь и далее по типологии К.Ф. Смирнова), известным в VII–IV вв. до н.э., но преимущественно бытовавшим в

пределах V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 52–53, табл. IV]. Остальные наконечники с выступающей втулкой относятся к типу 6. Такие стрелы широко использовались ранними кочевниками Урало-Поволжья в VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 46–47, табл. II; Гуцалов, 2004, с. 21]. Трехлопастные сводчатые базисные наконечники сопоставимы с типом 10. Они редко встречаются в савроматских памятниках и больше типичны скифским погребениям. Такие экземпляры характерны для VI–V вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 49, табл. II]. Керамика из погребения № 2 аналогична савроматским экземплярам. Сосуд № 1 имеет сходства с лепной керамикой пятого отдела грушевидной формы, а сосуд № 2 по форме близок экземплярам третьего отдела [Смирнов, 1964, с. 112, рис. 62; 65]. Все это позволяет отнести ярусное погребение № 2 к памятникам савроматского времени в пределах конца VI–V в. до н.э.

Вещевой набор погребения № 3 (из каменного завала) отличается явно женским характером. Хроноиндикатором служит уплощенная бусина с двумя глазками на плоских поверхностях. Такой тип бус сначала производился в Египте со II тыс. до н.э., а затем широко распространился в Средиземноморье в I тыс. до н.э. [Eisen, 1916, p. 10–11; Аникеева, 2016, с. 21, табл. 1, 29; 2017, с. 21]. На Южный Урал они попадают в VI в. до н.э. и используются до конца V в. до н.э. [Аникеева, 2016, с. 21]. Подобные бусины известны из нескольких савроматских захоронений Ново-Кумакского могильника близ Орска. Это погребение 2 кургана 7, погребение 1 кургана 9, погребение 1 кургана 19 [Мошкова, 1962, с. 223–224, рис. 8, 1–2, 4; Смирнов,

1964, с. 54–55], погребение 2 кургана 5 и погребение кургана 18 [Смирнов, 1977, с. 10, 20, рис. 5, 5; 9, 3], датированные в пределах V в. до н.э., а также погребение 1 кургана 26, отнесенное к концу VI–V в. до н.э. [Мошкова, 1972, с. 38, 40 рис. 5, 4а].

Похожие бусины также найдены в курганах 8 и 17 могильника Альмухаметово, кургане 3 могильника Сибай II [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIII, 5; XXXVIII, 4; XLI, 4], погребении 1 кургана 1 могильника Солончанка II и др., относящиеся к кругу савроматских памятников стадии В (по А.Д. Таирову), в пределах второй пол. VI – середины V в. до н.э. [Таиров, 2004, с. 3, рис. 8, 74, 81, 84, 93–96]. В Западном Казахстане схожие бусины известны в погребении 4 кургана 6 могильника Сапибулак в верхнем Илеке, датированного второй половиной – концом V в. до н.э. [Мамедов, Китов, 2015, с. 38, 53, рис. 11, 7–10] и погребении 3 кургана 22 могильника Лебедевка IV, отнесенного к концу VI–V в. до н.э. [Железчиков и др., 2006, рис. 11, 10]. По всей видимости, временные рамки бусин из Перелесок II не выходят за пределы V в. до н.э.

Зеркало сопоставимо с экземплярами, бытовавшими у ранних кочевников с рубежа VI–V в. до н.э. до IV в. до н.э., чаще всего встречаются в южноуральских погребениях. Так как за короткую ручку неудобно держать такие зеркала, все они первоначально имели обычно деревянные ручки, не сохранившиеся до наших дней [Смирнов, 1964, с. 154, рис. 72, 3]. Зеркала с плоским диском и ручкой известны в курганах Ново-Кумакского могильника конца VI–V в. до н.э. [Смирнов, 1977, с. 47, рис. 16, 5; 17, 10]. Причем,

в уже упомянутом погребении 1 кургана 26, зеркало находилось в комплексе с бусами уплощенной формы с двумя глазками [Мошкова, 1972, рис. 5, 6]. Аналогичным образом подобное изделие вместе с такими же бусами обнаружено в погребении 3 кургана 22 могильника Лебедевка IV [Железчиков и др., 2006, рис. 11, 10–11].

Шаровидный сосуд можно отнести к круглодонной керамике I отдела. Ранние экземпляры такой посуды с шаровидным и эллипсоидным туловом появились на Южном Урале уже в конце VI–V в. до н.э. Наибольшее распространение получили в IV в. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 114–115, рис. 67, 9–17; 1977, с. 46; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 11; Гуцалов, 2004, с. 34–35]. Ряд подобных сосудов тоже имеет елочный орнамент в верхней части тулова. К примеру, это керамика из погребения 3 кургана 6 могильника Сапибулак (вторая половина – конец V в. до н.э.) Напомним, что из этого же кургана происходят бусины уплощенной формы с двумя глазками [Мамедов, Китов, 2015, рис. 9, 8, 11; 11, 9]. Другой пример – это сосуд из погребения 2 кургана 10 Альмухаметовского могильника, где он обнаружен вместе с зеркалом, аналогичным экземпляру из Перелесок II [Пшеничнюк, 1983, XXXVI, 3, 6]. Все вышесказанное позволяет отнести погребение № 3 кургана 3 могильника Перелески II к V в. до н.э.

Выводы

Таким образом, впускные погребения кургана № 3 могильника Перелески II относятся к кругу памятников савроматского типа и совершены в пределах конца VI–V в. до н.э. Временной интервал между погребе-

ниями № 2 и 3, по всей видимости, был незначительным. Погребение № 3, должно быть, совершено позже ярусного. Это могло быть захоронение женщины или ребенка (девочки). Однако нельзя исключать, что эти находки могли иметь отношение к верхнеярусному погребению № 2 и были положены в завале камней позже или оказались там в результате ограбления.

Обращает на себя внимание схожий обряд забутовки (завала) могиль-

ных ям камнями, отмеченный в курганах № 2 и 3. Не вызывает сомнения, что эти конструктивные элементы имели отношение к совершению савроматских захоронений, т. к. в других раскопанных курганах могильника Перелески II подобное не зафиксировано. В связи с этим возникает предположение, что разница во времени между впускными погребениями этих курганов была не столь существенная и, возможно, умершие принадлежали к одной родоплеменной общине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникеева О.В.* Закономерности появления наборов бус из погребений ранних кочевников Южного Урала (конец VI–II в. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: м-лы IX Междунар. науч. конф. (г. Оренбург, 12–15 мая 2016 г.) / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 20-31.
2. *Аникеева О.В.* Происхождение и время появления на Южном Урале бус из наборов погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: м-лы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.) / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 14-23.
3. *Гуцалов С.Ю.* Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана / отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюбинская областная Государственная инспекция историко-культурного наследия; «Диалог», 1996. (Вып. 1. Памяти В.В. Родионова). С. 156-163.
4. *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. 136 с.
5. *Гуцалов С.Ю.* Ярусные погребения Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2004а. Вып. 5. С. 135-152.
6. *Евдокимов В.В.* Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. 21 с.
7. *Евдокимов В.В.* Раскопки в зоне Верхне-Тобольского водохранилища // Археологические открытия 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 207.
8. *Евдокимов В.В.* Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Притоболья // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральский государственный университет, 1975. Вып. 13. С. 109-114.
9. *Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.
10. *Евдокимов В.В., Логвин В.Н.* Исследования в Кустанайской области // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 287-289.
11. *Железчиков Б.Ф., Клетиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 159 с.

12. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам* / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. С. 137-156.
13. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В.* Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // *Самарский научный вестник*. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 131-138.
14. *Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.* Погребения ранних кочевников кургана 1 могильника Каратомар // *Маргулановские чтения–2020: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований»* (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 264-273.
15. *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1983. 224 с.
16. *Мамедов А.М., Китов Е.П.* Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак) // *Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук*. 2015. № 6. С. 19–60.
17. *Мошкова М.Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // *Памятники скифо-сарматской культуры*. МИА. 1962. № 115. С. 204-241.
18. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / *Свод археологических источников*. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1–10. 56 с.
19. *Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. МИА. № 153. М.: Наука, 1972. С. 27–48.
20. *Пишеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
21. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
22. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
23. *Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // *Исследования по археологии Южного Урала* / отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1977. С. 3-51.
24. *Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / *Свод археологических источников*. М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1–9. 40 с.
25. *Таиров А.Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (г. Краснодар, 15–18 мая 2004 г.). Краснодар, 2004. С. 3-21.
26. *Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Могильник Карсакбас // *Вопросы археологии Западного Казахстана* / отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюбинская областная государственная инспекция историко-культурного наследия; «ДIALOG», 1996. (Вып. 1. Памяти В.В. Родионова). С. 164-175.
27. *Хлобыстина М.Д.* Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // *Краткие сообщения Института археологии*. 1982. Вып. 169. С. 13-20.
28. *Eisen G.* The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Times to the Present // *American Journal of Archaeology*. 1916. Vol. 20, no. 1. P. 1-27.

REFERENCES

1. Anikeeva, O. V. 2016. In: Yablonskiy, L. T., Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arheologii (Konstantin Fedorovich*

Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 20-31 (in Russian).

2. Anikeeva, O. V. 2017. In: Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie (Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their environment)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of the Southern Urals, 14-23 (in Russian).

3. Gutsalov, S. Yu. 1996. In: Tkachev, V. V. (ed.). *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana (Questions of archeology of Western Kazakhstan)*. Samara: Aktobe regional State inspection of historical and cultural heritage; “Dialog”, 156-163 (in Russian).

4. Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuraliya VII–I vv. do n.e. (Ancient nomads of the southern Urals 7th–1st centuries BC)*. Uralsk: West Kazakhstan regional center of history and archaeology (in Russian).

5. Gutsalov, S. Yu. 2004a. In: *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa archaeological herald)*, 5, 135-152 (in Russian).

6. Evdokimov, V. V. 1984. *Narodonaselenie stepnogo Pritoboliya v epohu bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Population of the Steppe Tobol river region in the Bronze Age: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences)*. Kiev (in Russian).

7. Evdokimov, V. V. 1971. In: *Arheologicheskie otkrytiya 1970 goda (Archaeological discoveries of 1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 207 (in Russian).

8. Evdokimov, V. V. 1975. In: *Voprosy arheologii Urala (Questions of the archeology of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural State University, 13, 109-114 (in Russian).

9. Evdokimov, V. V., Varfolomeev, V. V. 2002. *Epoha bronzy Centralnogo i Severnogo Kazahstana (The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University (in Russian).

10. Evdokimov, V. V., Logvin, V. N. 1972. In: *Arheologicheskie otkrytiya 1971 goda (Archaeological discoveries of 1971)*. Moscow: “Nauka”, 287-289 (in Russian).

11. Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.) (Ancient Lebedevka (6th–2nd centuries BC))*. Moscow: “Vostochnaya literature” RAS (in Russian).

12. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. K. 1976. In: Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan according to archaeological sources)*. Alma-Ata: “Nauka KazSSR” Publ., 137-156 (in Russian).

13. Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Kolbina, A. V. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Sciences)*, vol. 6, no. 4 (21), 131-138 (in Russian).

14. Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M. 2020. In: *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, vol. 2, 264-273 (in Russian).

15. Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Savromats and Sarmatians on the Lower Don)*. Rostov-na-Donu: Rostov University (in Russian).

16. Mamedov, A. M., Kitov, E. P. 2015. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. i gum. nauk (Izvestiya NAS RK. Ser. societ. and gum. Sciences)*, 6, 19–60 (in Russian).

17. Moshkova, M. G. 1962. In: *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kultury. MIA (Monuments of the Scythian-Sarmatian culture. Materials and research on the archeology of the USSR)*, 115, 204-241 (in Russian).

18. Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury / Svod arheologicheskikh istochnikov (Monuments of Prokhorov culture / Archaeological sources)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

19. Moshkova, M. G. 1972. In: *Pamyatniki Yuzhnogo Priuraliya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni. MIA (Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian time. Materials and research on the archeology of the USSR)*, 153, 27–48. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

20. Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. *Kultura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (Culture of the early nomads of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of sauromats)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
22. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kultura sarmatov (Savromaty. Early history and culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
23. Smirnov, K. F. 1977. In: Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala (Research on the archeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 3-51 (in Russian).
24. Smirnov, K. F., Petrenko, V. G. 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priuraliya / Svod arheologicheskikh istochnikov (Savromaty of the Volga river region and the Southern Urals / Archaeological sources)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
25. Tairov, A. D. 2004. In: *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii (Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology)*. Krasnodar, 3-21 (in Russian).
26. Tairov, A. D., Botalov, S. G. 1996. In: Tkachev, V. V. (ed.). *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Questions of archeology of Western Kazakhstan)*. Samara: Aktobe regional State inspection of historical and cultural heritage; "Dialog", 164-175 (in Russian).
27. Khlobystina, M. D. 1982. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)*, 169, 13-20 (in Russian).
28. Eisen, G. 1916. In: *American Journal of Archaeology*, vol. 20, no. 1, 1-27.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.08.2021.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 20.09.2021.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.09.2021.

ПЕТРОГЛИФЫ ЗАПАДНЫХ ОТРОГОВ ГОР АРХАРЛЫ*

© 2021 г. Горячев Александр Анатольевич¹,
Галимжанов Саид Эдилевич¹,
Гумирова Ольга Николаевна¹

¹автор-корреспондент, старший научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.
E-mail: aga.2805@mail.ru;

¹доктор PhD, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, E-mail: said.galimzhanov@gmail.com;

¹специалист-филолог, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: ru.chey@mail.ru

Аннотация. Археологические исследования западных отрогов гор Архарлы позволили собрать материалы по 20 скоплениям петроглифов древности и средневековья. Основная их серия сосредоточена близ поселений и могильников, что позволяет включать наскальные рисунки в структуры этих археологических комплексов. Часть рисунков располагалась на традиционных маршрутах скотопрогонных трасс, что связывает их с хозяйственной деятельностью древнего населения. Наиболее многочисленную по количеству сюжетов группу составляют сопки с петроглифами, которые можно отнести к категории святилищ под открытым небом. Хронологический диапазон рисунков - от эпохи бронзы до Нового времени. Содержанием скоплений петроглифов являются изображения животных: козлов, архаров, оленей, лошадей, верблюдов, быков, собак и хищников. В эпоху бронзы встречаются композиции с фигурами рожениц, сценами охоты и знаками. Петроглифы раннего железного века выделяются традициями скифо-сибирского звериного стиля, где ярким образом является фигура матери-прародительницы, показанная в изображениях козы с козленком, овцы с ягненком, либо оленухи с олененком. Ведущими сюжетами раннесредневековых петроглифов являются композиции с изображениями воинов-всадников. Среди рисунков средневековья и Нового времени отмечены тюркские и казахские родовые тамги, которые содержат важные исторические сведения о расселении отдельных племен в данном регионе.

Ключевые слова: археология, Архарлы, петроглифы, святилище, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее средневековье, сюжет, тамга

АРҚАРЛЫ ТАУЫНЫҢ БАТЫС
СІЛЕМДЕРІНДЕГІ ПЕТРОГЛИФТЕР

Горячев Александр Анатольевич¹, Галимжанов Саид Эдилевич¹,
Гумирова Ольга Николаевна¹

¹корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: aga.2805@mail.ru;

*Исследование финансировалось Комитетом науки МОН РК, ИРН проекта № OR11465466

¹PhD доктор, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: said.galimzhanov@gmail.com;
¹филолог-маман, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: ru.chey@mail.ru

Аннотация. Арқарлы тауының батыс сілемдеріде жүргізілген археологиялық зерттеулер ежелгі және орта ғасырларға жататын петроглифтердің 20 шоғыры бойынша материалдар жинауға мүмкіндік берді. Олардың негізгі бөліктері елді мекендер мен қорымдардың жанында шоғырланғандықтан, осы тасқа салынған бейнелерді осы археологиялық кешендердің құрылымында бірге қарастыруға мүмкіндік береді. Бұл бейнелердің бір бөлігі дәстүрлі мал айдайтын жолдар бойында орналасуының өзі оларды ежелгі халықтың экономикалық қызметімен байланыстырады. Сюжеттер саны бойынша ең көп топтарын шағын ауданның «ашық аспан астындағы» қорықтар санатына жатқызуға болатын петроглифтері бар шоқылар құрайды. Суреттердің хронологиялық диапазоны қола дәуірінен жаңа заманға дейінгі аралықты қамтиды. Топталған петроглифтердің мазмұны жануарлардың: ешкілердің, арқарлардың, бұғылардың, жылқылардың, түйелердің, бұқалардың, иттердің және жыртқыштардың бейнелері болып табылады. Қола дәуірінде босанатын әйелдер денебітімі, аң аулау көріністері мен белгілер бар композициялар кездеседі. Ерте темір дәуірінің петроглифтері скиф-сібір аң стилінің дәстүрлерімен ерекшеленеді, онда ешкі мен лақ, арқар мен қозысы немесе бұғы мен қозысы бейнесінде көрсетілген тіршіліктің бастауы – Ана бейнесі айқын көрінеді. Ерте ортағасырлық петроглифтердің негізгі сюжеттері – салт атты жауынгерлер композициялары болып табылады. Орта ғасырлар мен жаңа заман суреттерінің арасында осы өңірде жекелеген тайпалардың қоныстануы туралы маңызды тарихи мәліметтерді қамтитын түркі және қазақ рулық таңбаларының сериялары байқалды.

Түйін сөздер: археология, Арқарлы, петроглифтер, ғибадатхана, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, ерте орта ғасыр, сюжет, таңба

PETROGLYPHS OF THE WESTERN SPURS OF THE ARKHARLY MOUNTAINS

Alexander Goryachev¹, Said Galimzhanov¹, Olga Gumirova¹

¹corresponding author, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aga.2805@mail.ru;

¹PhD, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: said.galimzhanov@gmail.com;

¹Philology Specialist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: ru.chey@mail.ru

Abstract. Archaeological research of the western spurs of the Arkharly Mountains allowed to collect materials on 20 clusters of petroglyphs of antiquity and the Middle Ages. Their main series is concentrated near the settlements and burial grounds, which allows including the petroglyphs in the structures of these archaeological complexes. Parts of the drawings were located on the traditional routes of cattle routes, which connect them with the economic activity of the ancient population. The most numerous group according to the number of subjects consists of hills with petroglyphs which can be attributed to the category of sanctuaries “under the open sky” of the micro district. The chronological range of drawings is from the Bronze Age to the New time. The content of clusters of petroglyphs are images of animals: goats, argali, deer, horses, camels, bulls, dogs and predators. In the Bronze Age there are compositions with maternity figures, hunting scenes and signs. Early Iron Age petroglyphs are distinguished by the traditions of the Scythian-Siberian animal style, where a striking image is the figure of a mother-parent shown in images of a goat with a baby goat, an argali with a lamb or a stag with a fawn. The leading subjects of early medieval petroglyphs

are compositions with warrior-riders. Among the drawings of the Middle Ages and Modern times there are a series of Turkic and Kazakh clan tamgas, which contain important historical information about the settlement of individual tribes in the region.

Keywords: archaeology, Arkharly, petroglyphs, sanctuary, Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Ages, storyline, tamga

Введение

Хребет Архарлы является одним из малых западных отрогов горной гряды Джунгарского/Жетысу Алатау и находится на территории Кербулакского района Алматинской области. Он расположен между крупными горными грядами Шолак и Малайсары и ориентирован в направлении ЮВ–СЗ (рис. 1, 1). Общая протяженность гряды с востока на запад составляет около 50 км, в широтном направлении она не превышает 5–6 км, лишь в центральной части (в районе аулов Архарлы и Сарыбастау) достигает 8–10 км. Это невысокие горы (высшая точка – 1126 м над у.м.), которые характеризуются степной и полупустынной растительностью и сравнительно небольшим количеством водных источников. На предгорьях и подгорных равнинах южной части Архарлы, наиболее прогреваемых, засушливых и каменистых, наблюдаются полынно-солянковые и полынно-злаковые пустынные ассоциации, которые занимают большие площади и в низкогорном ярусе рельефа. Почвы серо-бурые, сильно щебнистые. Значительные площади подгорной равнины южного макросклона представлены также такыровидными почвами, солончаками [Чупахин, 1987, с. 117–118].

Исследования южных и северных склонов гор Архарлы были начаты специалистами-археологами

в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Древние памятники к востоку и западу от перевала Архарлы, преимущественно вдоль южных его склонов, впервые были зафиксированы в 1990–1991 гг. экспедицией КазГПУ (КазПИ) им. Абая (рук. А.Н. Марьяшев) по проекту на тему: «Свод памятников истории и культуры Талды-Курганской области», финансируемому Государственным комитетом по культуре КазССР, АН КазССР и Центральным Советом общества охраны памятников истории и культуры КазССР. В ходе исследований обнаружены около 40 курганных могильников раннего железного века на южных склонах хребта между селом Жоламан, трассой Алматы–Талдыкорган и селом Сарыбастау. Новое обследование региона было произведено Коксуским научным отрядом Алматинской разведочной археологической экспедиции (рук. А.Н. Марьяшев) в 2004–2005 гг. В ходе работ открыты новые погребальные памятники и зафиксированы отдельные группы петроглифов [Свод памятников..., 2009, с. 724–730, 753–762].

В августе 2017 г. в связи с угрозой уничтожения древних петроглифов Архарлы в результате организации на северных склонах хребта щебеночного завода и предприятий по заготовке плитняка по инициативе

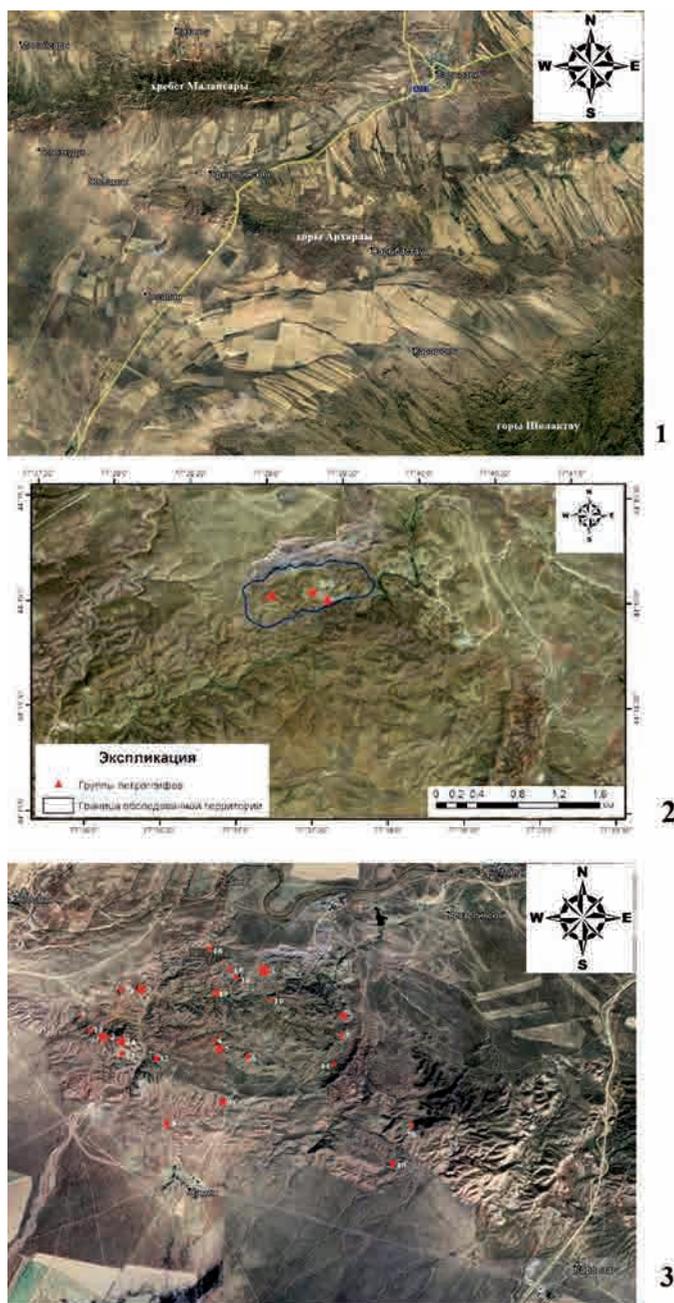

Рис. 1. Карта скопления петроглифов в западной части гор Архарлы: 1 – горы Архарлы на Google-снимке; 2 – фрагмент карты расположения аварийного комплекса петроглифов на северных склонах гор Архарлы; 3 – карта расположения групп петроглифов в западной части гор Архарлы.

1, 2 – материалы ТОО «Археологическая экспертиза», 2017 г.; 3 – © Google

Fig. 1. Map of petroglyph clusters in the western part of the Arkharly Mountains: 1 – Arkharly mountains on Google image; 2 – fragment of the map of the location of emergency complex of petroglyphs on the northern slopes of the Arkharly mountains; 3 – map of the location of petroglyph groups in the western part of the Arkharly mountains. 1, 2 – materials of “Archaeological expertise” LLP, 2017; 3 – © Google

сотрудников Института археологии им. А.Х. Маргулана (А.Н. Марьяшев) и общественных активистов была произведена археологическая экспертиза петроглифического комплекса. В ходе дальнейших исследований на северных склонах хребта Архарлы обнаружена серия групп петроглифов на отдельных сопках горной гряды, (рис. 1, 2). Наиболее древние рисунки датировались эпохой бронзы (II тыс. до н.э.). Однако самая репрезентативная серия представляла наскальные изображения, выполненные в скифо-сакском зверином стиле (I тыс. до н.э.). Среди них яркую группу составили крупные фигуры оленей с ветвистыми рогами. Установлено, что петроглифы Архарлы находят свои аналогии в крупнейших и известных комплексах гор Каратау и Жетысу, таких как Тамгалы, Ешкиольмес, Койтас, Арпаузен и Койбагар. Это свидетельствует об их принадлежности к общей культурной традиции древнего наскального искусства и высокой значимости для истории Казахстана [Марьяшев, Гумирова, 2017, с. 147–154].

После смерти А.Н. Марьяшева в 2018 г. исследовательские работы на комплексе «Петроглифы Архарлы» по проектам Института археологии им. А.Х. Маргулана фактически прекратились, так как памятник не входил ни в один финансируемый проект. Группа волонтеров при консультативной поддержке сотрудников Института продолжила исследование гор Архарлы в 2018–2020 гг., выявив свыше 10 новых памятников наскального искусства на этой территории. В апреле–мае 2021 г. после обращения Мажилиса Республики Казахстан и по инициативе Акима Кербулакского района Алматинской области

Г. Сарыбаева Институтом археологии им. А.Х. Маргулана была создана научная группа для проведения археологической экспертизы территории горной гряды Архарлы из числа научных сотрудников в лице А.А. Горячева, С.Э. Галимжанова, Е.С. Казизова, Т.А. Егоровой, а также представителя общественности, которая в течение многих лет занимается проблемами защиты комплекса Архарлы – О.Н. Гумировой, и организован полевой выезд с целью обзора археологических объектов на территории западной части гор Архарлы. Материалам этих исследований посвящена настоящая работа.

Материалы и методы

Основной задачей археологической разведки стало определение объемов и характера исследований петроглифических комплексов западной части гор Архарлы. Ее результаты убеждают, что в горах Архарлы имеются необычайно интересные историко-культурные объекты и не только наскального искусства. Среди них отмечены крупное кладбище Нового времени в районе села Самен, древние поселения во внутригорной долине, где зафиксированы неолитические каменные артефакты, а среди петроглифов – серия средневековых рисунков, в том числе изображения тамги и тюркских всадников, вблизи которых отмечены поминальные ограды. По результатам археологических исследований на данном участке выявлено свыше 120 археологических памятников, из них около 20 древних, позднесредневековых и Нового времени поселений, свыше 60 погребальных комплексов эпохи бронзы (5), раннего железного века (более 50) и

тюркского времени (около 10), а также горные выработки на северных склонах хребта. Зафиксировано более 20 скоплений древних петроглифов, которые располагаются, за редким исключением, таким образом, что с вершины сопки с наскальными рисунками видны остальные группы (рис. 1, 3).

Результаты разведки показали, что археологические памятники и артефакты имеются в каждом ущелье южных и северных склонов западной части гор Архарлы. Однако характер горообразования хребта таков, что южные склоны более пологие и протяженные, вследствие чего в количественном отношении концентрация археологических памятников здесь более значительна. В западной части южных склонов гор Архарлы от трассы Алматы–Талдыкорган до станции Жоламан на выходе из каждого ущелья фиксируются 1–2 могильника раннего железного века (рис. 2, 1, 2). Характер структурной организации этих могильников и устройства насыпей курганов позволяет отнести их как сакскому, так и усуньскому этапам этого исторического периода [Свод памятников..., 2009; Ильдеряков, Ярыгин, 2020, с. 60–69].

На выходе из ущелий южных склонов в пределах 100–300 м встречаются стоянки позднего средневековья и Нового времени. В их структуре прослеживаются от двух до пяти хозяйственно-жилых дворов. Вблизи фиксируются кладбища Нового времени и могильники раннего железного века. В районе аула Самен могильники содержали захоронения эпохи бронзы, что предполагает многослойность обнаруженных здесь стоянок (рис. 2, 3, 4).

Наиболее крупные поселения обнаружены внутри горных ущелий, как правило, на расстоянии 2–3 км в глубину. Они содержат обычно от 5–6 до 10–12 хозяйственно-жилых дворов древности и средневековья (рис. 2, 5, 6). При каждом из них отмечены наиболее крупные и значимые скопления петроглифов. К примеру, археологические комплексы Архарлы 3, 5 состояли из поселений эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и Нового времени, древних могильников и святилищ, где выявлено свыше 100 плит с петроглифами. Ряд рисунков представляют художественно значимые культовые сюжеты бронзового и раннего железного века. Здесь и на других петроглифических комплексах отмечены древнетюркские и казахские родовые тамги.

Из этого следует, что наибольшим потенциалом жизнеобеспечения в древности и средневековье обладали именно эти участки в северо-западной части хребта Архарлы. Объяснением служит тот факт, что именно в верховьях ущелий формировались ручьи и родники. Ущелья обеспечивали также защиту от пронизывающих и довольно холодных ветров, а аккумулятивные по отношению к солнечной энергии свойства скал создавали достаточно привлекательные условия для обустройства здесь поселений.

На сегодняшний день наиболее уязвимыми от природно-климатических условий и хозяйственной деятельности человека в западной части гор Архарлы являются петроглифы. Это делает проблемы их изучения приоритетными. Основная серия наскальных рисунков сосредоточена близ поселений и могильников, что позволяет включать их в

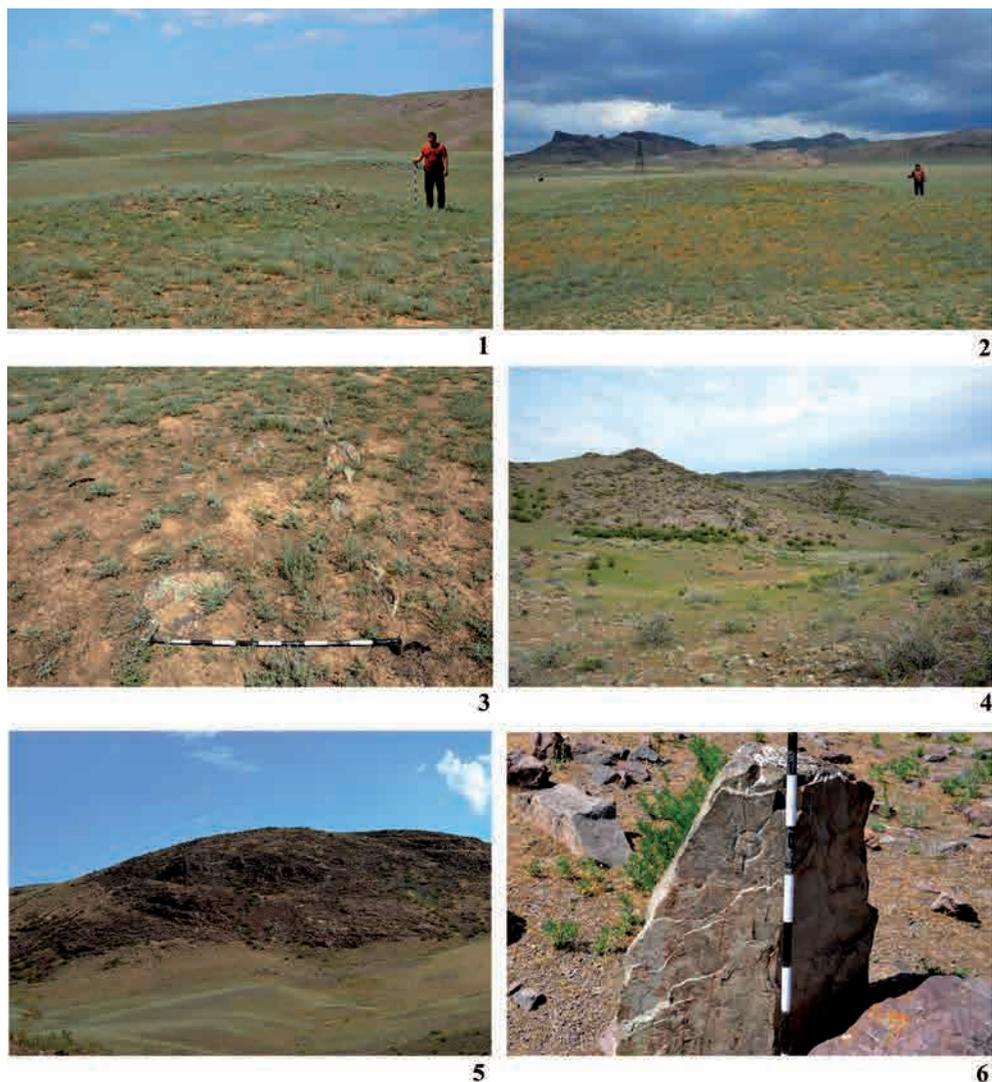

Рис. 2. Археологические памятники западной части гор Архарлы:
 1 – могильник раннего железного века на выходе из ущелья; 2 – могильник на предгорной равнине, ранний железный век; 3 – могильник близ поселения Архарлы 9, эпоха бронзы; 4 – древнее поселение Архарлы 5; 5 – древнее и средневековое поселение близ группы петроглифов 3а; 6 – тамга казахского рода албан на поселении Архарлы 9.
 Фото А.А. Горячева

Fig. 2. Archaeological monuments in the western part of the Arkharly Mountains:
 1 – Early Iron Age burial ground at the outlet of the gorge; 2 – Early Iron Age burial ground on the foothill plain; 3 – Bronze Age burial ground near the Arkharly 9 settlement; 4 – ancient Arkharly 5 settlement; 5 – ancient and medieval settlement near petroglyph group 3a; 6 – tamga of Kazakh Alban family on Arkharly 9 settlement.
 Photo by A.A. Goriachev

структуры этих археологических комплексов. Часть наскальных изображений располагались на традиционных маршрутах скотопробных трасс и связаны с хозяйственной деятельностью древнего населения. Но наиболее многочисленную по количеству группу составляют сопки с петроглифами, которые по своей структурной организации и характеру сюжетов наскального искусства могут быть интерпретированы как святилища (1, 2, 3, 5, 7, 17).

Петроглифы Архарлы 1 находятся в 2,5 км к югу от станции Сайлы и в 3–3,5 км к юго-западу от поселка Архарлинский на территории горного ущелья на двух доминирующих скалистых грядках по правому берегу ручья. Петроглифы встречаются на отдельных каменных блоках с плитами южной и юго-западной экспозиции. Скалы, в основном, имеют черный цвет патины, некоторые – коричневый. Значительная их часть разрушена взрывами с последующим распилом плит. Тем не менее, это наиболее крупное скопление, насчитывающее около 160–170 плит с более чем 1000 рисунков, что дает основание считать его центральным (рис. 3, 1, 2).

В структуре скопления петроглифов отмечены сюжеты эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. На скалах также отмечены регулярные подновления древних сюжетов и отдельные изображения Нового времени. К наиболее ранним относятся выбитые, иногда процарапанные битреугольные и прямоугольные фигуры животных. Бронзовым веком также датируются многочисленные миниатюрные рисунки козлов, архаров, оленей, лошадей, реже верблюдов и быков-туров с

длинными рогами, размещенные преимущественно в срединной и предвершинной части сопки. Наиболее популярный сюжет этого времени – сцены охоты лучников, отмечены сюжеты единоборств двух людей, либо антропоморфных фигур в ритуальных позах. Встречаются отдельные рисунки с крупными фигурами животных (олений, архаров, козлов, быков), реже отмечены солярные символы в виде очевидных знаков. Среди разрушенной части скал выделяется крупное многофигурное панно в срединной части восточной гряды с несколькими десятками изображений людей и животных, где ключевую позицию занимает фигура роженицы (рис. 3, 3–5). Основные аналогии этим рисункам известны в петроглифах эпохи бронзы хребта Ешкиольмес и в Шу-Илейских горах [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 113, 119; Байпаков и др., 2005, с. 133–134; Марьяшев, Железняков, 2013, с. 136–139].

Наиболее значительную группу рисунков (свыше 50% изображений) составляют отдельные изображения и композиции, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, которые датируются ранним железным веком. Они фиксируются как в срединной или вершинной части сопки, так и внизу на скальных плитах у ручья. Среди них выделяются рисунки с крупными фигурами оленей (60–80 см в высоту), козлов и архаров (30–50 см). Сюжетные композиции этого времени представлены также сценами охоты, а наиболее часто встречающийся образ – фигура козы с козленком, архара с ягненком либо оленухи с олененком (рис. 3, 6–8).

Раннесредневековые рисунки на данном скоплении отмечены, пре-

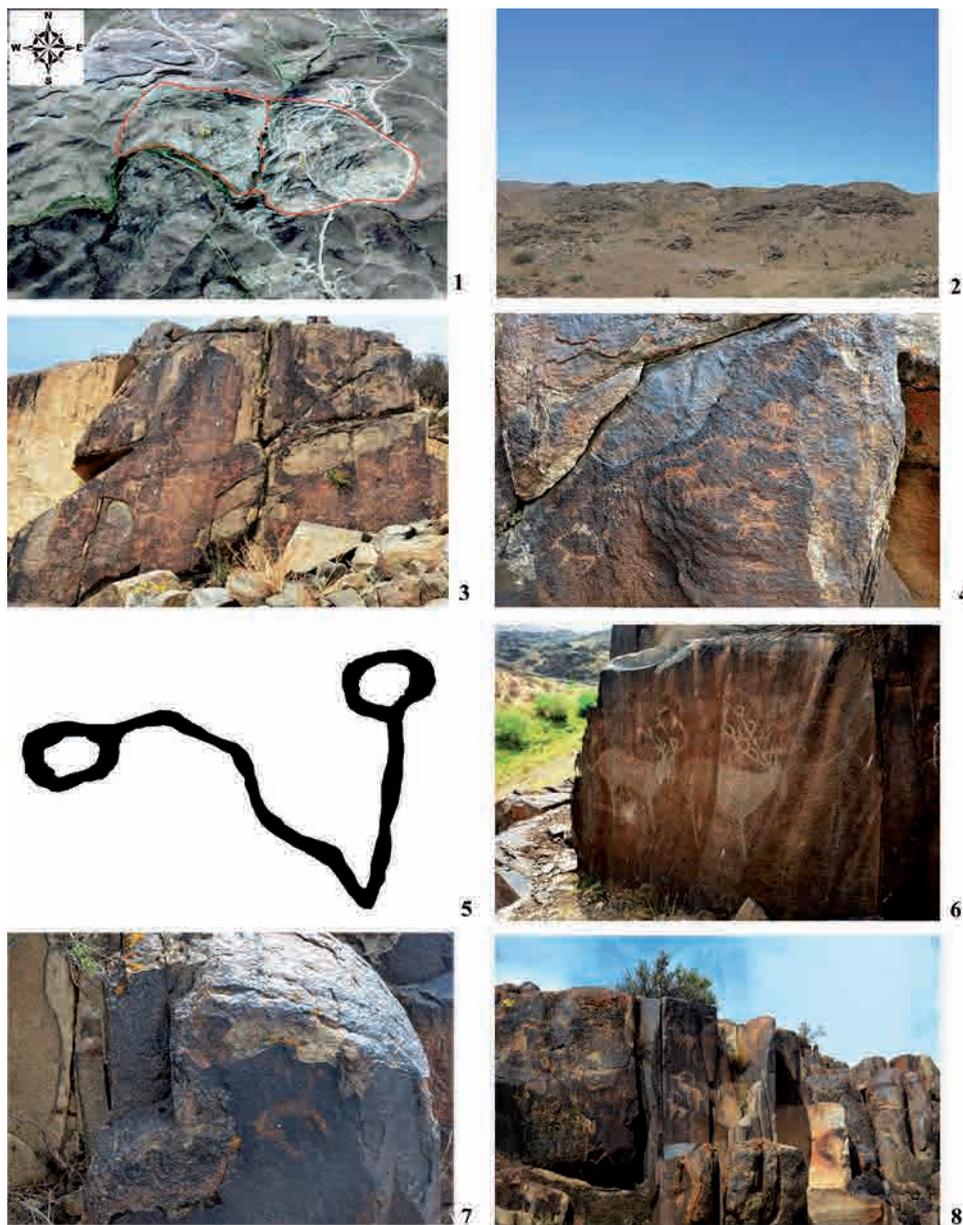

Рис. 3. Древние петроглифы центрального святилища западной части гор Архарлы (группы 1 и 1а):
 1 – центральное святилище на Google-снимке; 2 – сопка с петроглифами 1а, вид на северо-запад; 3, 4 – композиции с петроглифами 1а, эпоха бронзы;
 5 – очковидный знак, эпоха бронзы (прорисовка);
 6–8 – петроглифы, ранний железный век
 Фото А.А. Горячева (2, 4), О.Н. Гумировой (3, 6–8)

Fig. 3. Ancient petroglyphs of the central sanctuary of the western part of Arkharly mountains (groups 1 and 1a):
 1 – central sanctuary on Google image; 2 – hillock with petroglyphs 1a, north-west view;
 3, 4 – compositions with petroglyphs of Bronze Age; 5 – spectacle sign, Bronze Age (drawing);
 6–8 – petroglyphs of early Iron Age.
 Photo by A.A. Goriachev (2, 4) and O.N. Gumirova (3, 6–8)

жде всего, в серии скальных плит в предвершинной части. Как правило, это фигуры животных и всадников на лошадях. Традиционны для данных петроглифов сюжеты с изображением воинов или бытовые сцены выпаса скота, либо охоты (рис. 4, 1–4). Интересно, что на сопках, где концентрируются рисунки этого времени, фиксируются и другие средневековые объекты. В частности, на границе групп 1 и 1а отмечены две треугольные стелы, преднамеренно установленные вертикально на склонах с организованными площадками вокруг них (рис. 4, 5, 6). Одна из стел в верхней части имеет три тщательно заглаженных «роговых отростка», а на южной грани высечены небольшие фигурки козла и архара. В седловинах сопки, находящиеся в прямой видимости от стел, зафиксированы погребально-поминальные сооружения (ограды и курганы) раннего средневековья (рис. 4, 7, 8).

Петроглифы Архарлы 2 находятся в 3,7 км к востоку от аула Жоламан по склонам высокой сопки с плоской вершиной, доминирующей над правым берегом р. Жоламан (рис. 5, 1, 2). Скалы с рисунками обращены в сторону межгорной долины и ровной возвышенности у восточного склона сопки. Рисунки выбиты в предвершинной части сопки на крупных скальных блоках и отдельных плитах, покрытых черной и коричневой патиной, имеющих южную, юго-восточную и юго-западную экспозиции. Они расположены на крутом склоне в труднодоступных местах с едва обозначенной тропой. При подновлении фигур животных, первоначально высеченных в древности, в средние века использовали технику протирки. В скоплении зафиксирова-

но около 50 плит, на которых высечено более 300 петроглифов.

Преобладают рисунки раннего железного века и тюркского периода, реже - эпохи бронзы и Нового времени. Значительную их часть составляют фигуры копытных – козлов и архаров, как одиночные, так и собранные в многофигурные композиции. Встречаются изображения оленей, лошадей, быков и хищников. Среди сюжетов преобладают сцены охоты лучников и выпаса скота. Яркую серию представляют рисунки с крупной фигурой козла, за которой (или перед ней) следуют группы (6–10) небольших изображений козлят (рис. 5, 3). Данный образ в группе становится ведущим для петроглифов всех эпох (рис. 5, 4).

С южной стороны сопки следует особо выделить две многофигурные композиции, на крупных ровных плитах размерами 4×3 м, 3,5×2,5 м. Оба панно были прекрасно видны от подножия сопки со стороны межгорной долины и являлись центральными для своего времени. Расположенная западней композиция относится к бронзовому веку, так как основная группа рисунков высечена в битреугольном стиле и тамгалинской традиции (рис. 5, 5). Выделяются миниатюрные фигуры быков с длинными вытянутыми рогами, лошадей, козлов и архаров, подобные которым известны в художественных традициях хребта Ешкюльмес [Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 132–142; Байпаков и др., 2005, рис. 60–74].

Основным изображением центральной сцены раннего железного века, расположенной восточней первой, были крупные фигуры козы с двумя козлятами, выполненные в скифо-сакском зверином стиле

Рис. 4. Средневековые петроглифы и сакральные объекты центрального святилища западной части гор Архарлы: 1, 2 – древние петроглифы, подновленные в средневековье; 3, 4 – наскальные рисунки тюркского времени; 5, 6 – каменные стелы (5-1а, 6-1); 7, 8 – поминальные ограды и курганы тюркского времени среди петроглифов группы 1а. Фото О.Н. Гумировой (1), А.А. Горячева (2–8)

Fig. 4. Medieval petroglyphs and sacred objects of the central sanctuary of the western part of the Arkharly mountains: 1, 2 – ancient petroglyphs, renovated in the Middle Ages; 3, 4 – petroglyphs of Turkic time; 5, 6 – stone steels (5-1a, 6-1); 7, 8 – memorial fences and barrows of Turkic time among the petroglyphs of group 1a. Photo by O.N. Gumirova (1) and A.A. Goriachev (2–8)

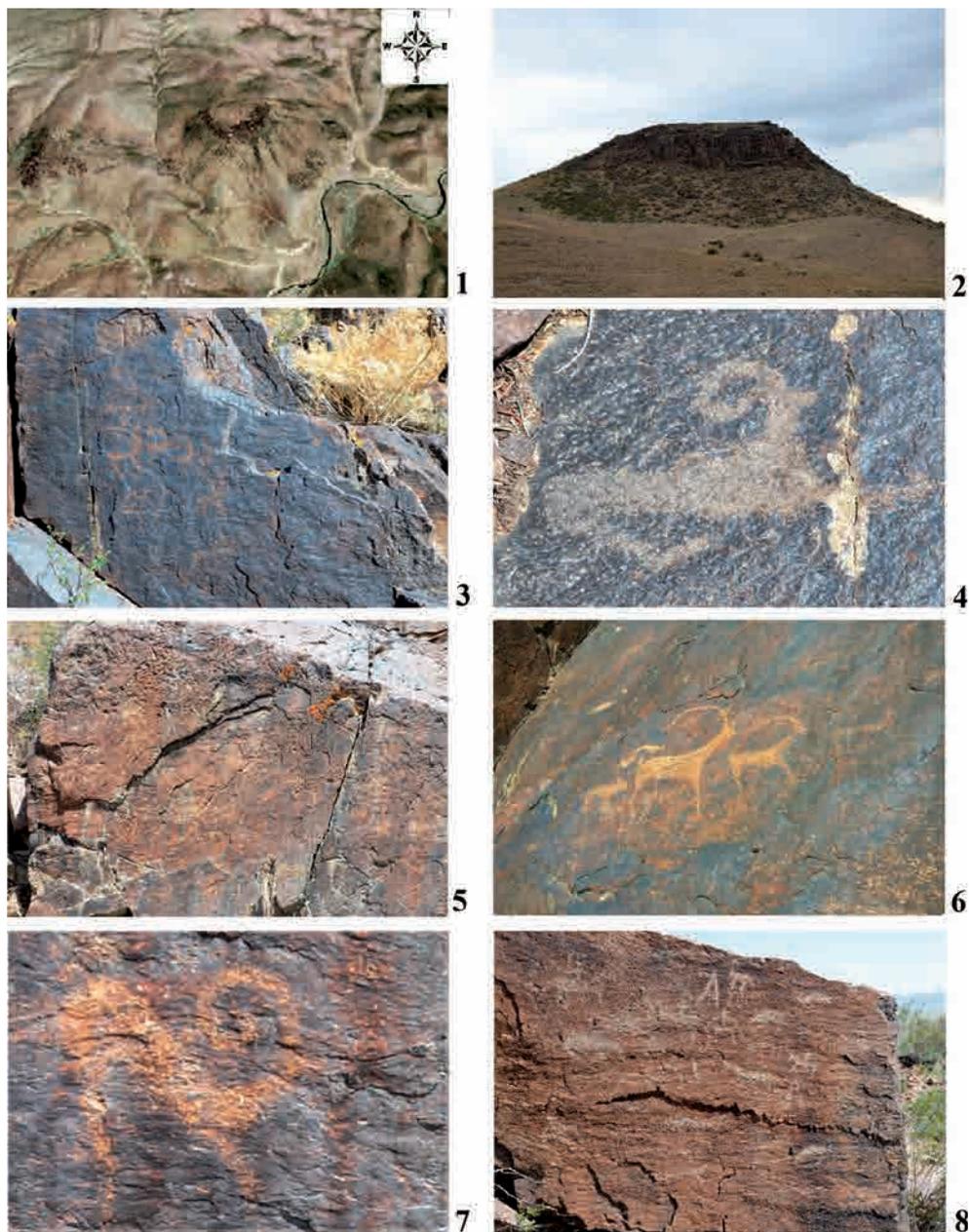

Рис. 5. Петроглифы группы Архарлы 2: 1 – сопка с петроглифами групп 2 и 2а на Google-снимке; 2 – сопка с петроглифами группы 2, вид на север; 3–5 – наскальные рисунки, эпоха бронзы; 6, 7 – наскальные изображения, ранний железный век; 8 – композиция, позднее средневековье или Новое время.
Фото А.А. Горячева (2, 4, 5, 7, 8), О.Н. Гумировой (3, 6)

Fig. 5. Petroglyphs of Arkharly 2 group: 1 – hill with petroglyphs of groups 2 and 2a on Google image; 2 – hill with petroglyphs of group 2, north view; 3–5 – rock art of the Bronze Age; 6, 7 – early Iron Age rock art; 8 – Late Middle Ages or New Age composition.
Photo by A.A. Goriachev (2, 4, 5, 7, 8) and O.N. Gumirova (3, 6)

(рис. 5, 6). Сцена сопровождается фигурами хищников, преследующих козлов, архаров. В нижней части панно выделяется изображение козла в аржано-майэмерской художественной традиции (рис. 5, 7) [Шер, 1980, с. 243]. С восточной стороны сопки наиболее ярким является сюжет с фигурами всадников и кабанов позднего средневековья или Нового времени (рис. 5, 8).

Петроглифы Архарлы 3 находятся в 3,1 км к юго-востоку от села Жоламан на северо-западной оконечности горной гряды (рис. 6, 1). Рисунки компактно расположены на южном и западном склоне сопки, которая через перевал соединена с доминирующей в этой части гор вершиной. На перевале сходятся несколько троп, маркированных на всем своем протяжении одиночными петроглифами с изображением копытных. Петроглифы выбиты с западной стороны на монолитных скалах вершины и отдельно лежащих обломках скал с патиной (черной, темно-коричневой и коричневой) в основном на вертикальных плоскостях, ориентированных на запад. С этой точки открывается обзор на долину, примыкающую к горам Архарлы с запада и севера.

В скоплении отмечено более 50 скальных плит, где размещено около 400 изображений. Петроглифы разновременные, выполнены тщательно в различной технике от мелкоточечной выбивки до протираания. Значительная часть рисунков – многофигурные сцены. На одних и тех же плоскостях одновременно присутствуют изображения эпохи бронзы, раннего железного века и тюркского периода. Отмечена тамга казахского рода албан (рис. 6, 2) [Шакарим Кудайбердыұлы,

1990]. Некоторые изображения неоднократно подновлялись.

Основная часть рисунков – это копытные – козлы и архары, встречаются также хищники, быки, олени, лошади и верблюды. Среди петроглифов эпохи бронзы отмечены антропоморфные фигуры, которые присутствуют в сценах охоты (рис. 6, 3), ведущие верблюдов на поводу, всадники и две композиции с охотой на быков и в ритуальной сцене с фигурой роженицы. К древнейшим петроглифам относятся колесницы и геометрические знаки (рис. 6, 4), аналоги которых известны в Центральной и Средней Азии в эпоху ранней бронзы [Мартынов и др., 1992, рис. 2–15]. Интересна многофигурная сцена охоты на архаров и козлов (рис. 6, 5). Первые изображения появились в эпоху бронзы. Позднее в нее были аккуратно вписаны фигуры животных и всадников на лошадях. Интересна и композиция с изображением копытных – козлов, архаров, оленей, а также хищников (рис. 6, 6). Помимо аккуратного дополнения древних композиций своими рисунками художники средневековой эпохи и Нового времени неоднократно их подновляли, особенно петроглифы, выполненные в зверином стиле (рис. 6, 7). У подножия сопки Архарлы 3 с южной стороны отмечены могильники раннего железного века и тюркского времени. На отдельных камнях средневековых курганов зафиксированы некоторые древние изображения (рис. 6, 8).

Среди крупных скоплений петроглифов в северо-западной части гор Архарлы выделяются три группы, которые устроены близ древних поселений и могильников и в тоже время обладают всеми признаками струк-

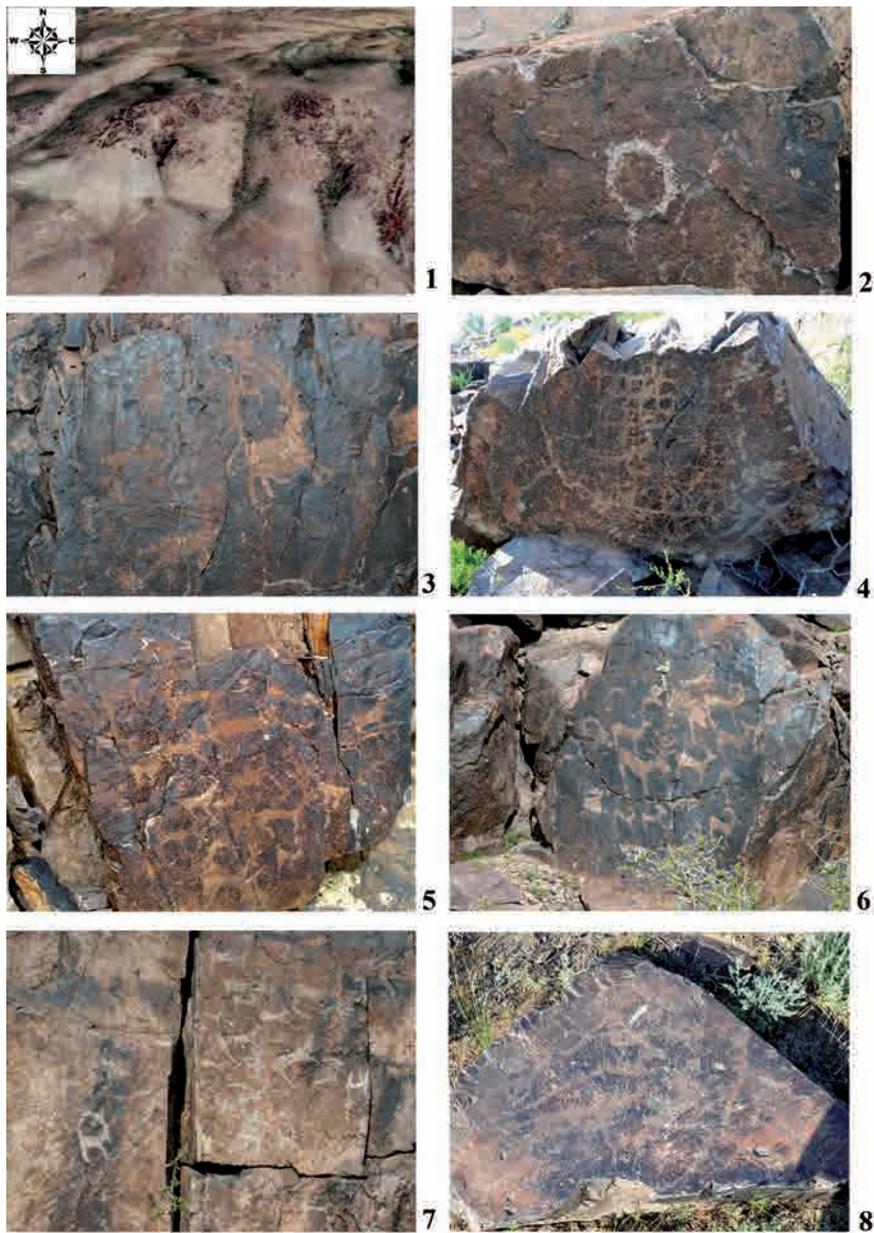

Рис. 6. Петроглифы группы Архарлы 3: 1 – сопка с петроглифами групп 3 и 3а на Google-снимке; 2 – тамга казахского рода албан; 3 – сцена охоты, эпоха бронзы; 4 – геометрические знаки, эпоха бронзы; 5, 6 – многофигурные разновременные композиции с фигурами животных; 7 – древние изображения животных, подновленные в средневековье и Новое время; 8 – плита с древними рисунками в насыпи средневекового кургана.
Фото А.А. Горячева (2, 4, 8), О.Н. Гумировой (3, 5–7)

Fig. 6. Petroglyphs of the Arkharly 3 group: 1 – hill with petroglyphs of groups 3 and 3a on the Google image; 2 – tamga of the Kazakh Alban family; 3 – hunting scene, Bronze Age; 4 – geometric signs, Bronze Age; 5, 6 – multi-figure multi-time compositions with animal figures; 7 – ancient animal images, renovated in the Middle Ages and Modern time; 8 – slab with ancient drawings in the mound of a medieval mound.
Photo by A.A. Goriachev (2, 4, 8) and O.N. Gumirova (3, 5–7)

турной организации святилищ под открытым небом. К ним относятся группы 3а, 5 и 7. Они расположены во вну-тригорной долине южных склонов гор Архарлы и в них насчитывается от 50 до 70 плит с наскальными рисунками, на которых высечено более 300 (3а, 7) и около 500 (5) изображений.

Петроглифы Архарлы 3а находятся в 3,5 км к юго-востоку от станции Жоламан, в 300–350 м на юго-восток от группы Архарлы 3. Петроглифы размещены на доминирующей над правым берегом реки Жоламан сопке рядом с хорошо набитой тропой (рис. 7, 1). С вершины открывается обзор на значительную северо-западную часть гор Архарлы и долины, прилегающие к ней. Петроглифы расположены с западной стороны сопки, у подножия над поселением, в срединной и предвершинной ее частях. Они нанесены на монолитные скалы с вертикальными плоскостями и отдельно лежащие обломки скал с патиной (черной, темно-коричневой и коричневой). Некоторые сцены расположены в труднодоступных местах на вертикальных обрывистых скалах, добраться до которых можно только с помощью навыков скалолазания. Рисунки разновременные, но значительную часть из них можно датировать тюркским периодом. Среди древних сюжетов в скоплении встречаются сцены охоты, преследования хищниками травоядных животных, антропоморфные фигуры, в том числе всадники на конях и композиции с многочисленными изображениями козлов и архаров (рис. 7, 2, 3). Наиболее яркие рисунки также связаны с культом матери-прародительницы, изображенной в образе козы с козленком или оленухи с оленёнком (рис. 7, 4, 5).

Характерная особенность средневековых петроглифов этой группы – изображения верблюдов, в том числе в поводу, и всадников на лошадях (рис. 7, 6, 7). Дважды повторяется сюжет, в котором один всадник на низкорослой лошади (или осле?) ведет на поводу лошадь в одном случае, а в другом – верблюда другого всадника. Возможно, рисунки маркируют караванный путь. В этом смысле представляет интерес петроглиф с изображением встречи двух верблюдов. Камень расположен рядом с тропой. Одна фигура ориентирована на юг, другая – на север (рис. 7, 8).

Под сопкой с петроглифами расположены две древних и позднесредневековых стоянки, а также могильники эпохи бронзы и раннего железного века. Около 20 плит с рисунками находятся непосредственно над поселением (рис. 7, 9, 10). В основном это многофигурные композиции, но есть и одиночные изображения козлов. Среди них отмечена саблеобразная тамга рода туленгут Нового времени (по определению А.Е. Рогожинского).

Петроглифы Архарлы 5 находятся в 2,7 км к северу от аула Самен по северному борту широкой долины на четырех скальных грядах сопки, ориентированной по оси З–В (рис. 8, 1). Большая часть рисунков сконцентрирована в ее южной части от подножия до вершины на плитах с юго-западной, южной и юго-восточной экспозицией. У подножия гряды с центральным скоплением группы расположены поселение и могильник эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 8, 2). Поверх конструкций древних жилищ устроены три усадьбы раннего средневековья. Стоянка Нового времени обнаружена у подножия гряды в вос-

Рис. 7. Петроглифы группы Архарлы 3а: 1 – сопка с петроглифами, вид на северо-восток; 2–5 – древние наскальные рисунки; 6–8 – раннесредневековые композиции с изображениями всадников и верблюдов; 9 – петроглифы позднего средневековья; 10 – тамга рода толенгут. Фото А.А. Горячева (1, 9, 10), О.Н. Гумировой (2–8)

Fig. 7. Petroglyphs of Arkharly group 3a: 1 – hill with petroglyphs, north-east view; 2–5 – ancient petroglyphs; 6–8 – Early Medieval compositions with images of horsemen and camels; 9 – Late Medieval petroglyphs; 10 – tamga of Tolengut family. Photo by A.A. Goriachev (1, 9, 10) and O.N. Gumirova (2–8)

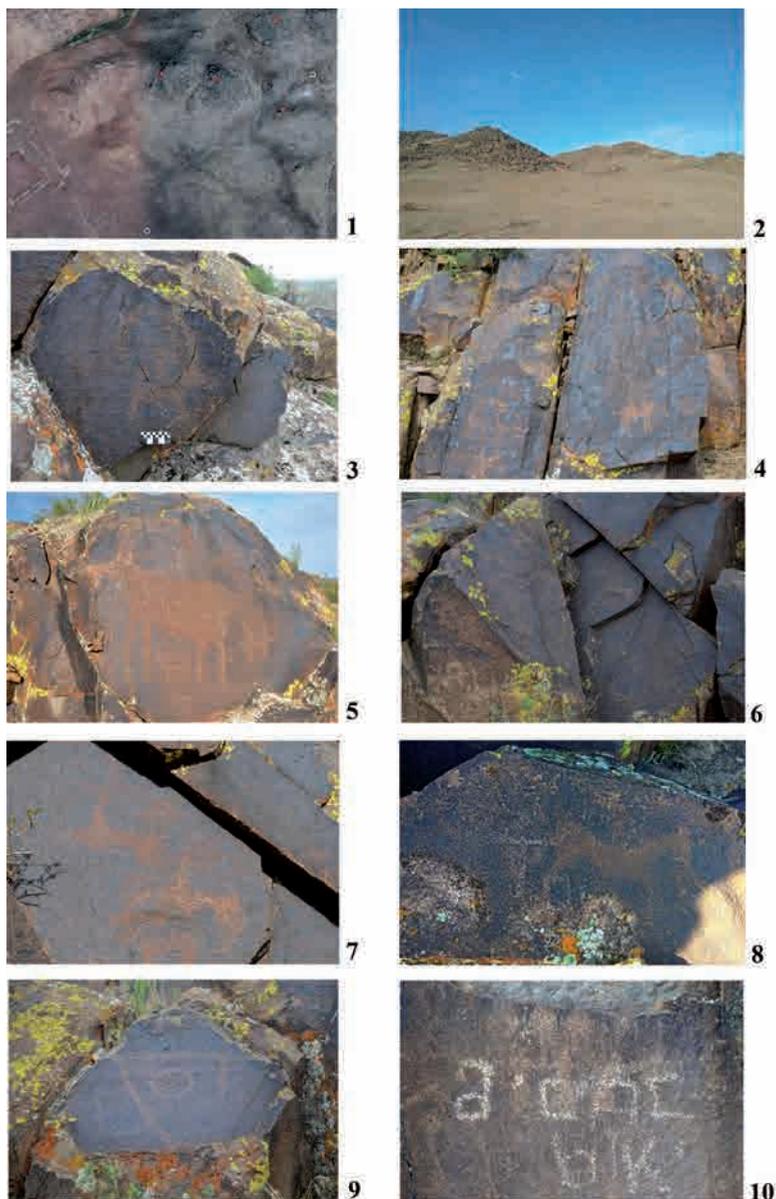

Рис. 8. Петроглифы группы Архарлы 5: 1 – сопка с петроглифами группы 5, поселение и могилиник на Google-снимке; 2 – центральная сопка группы, вид на север; 3, 5 – рисунки эпохи бронзы; 4 – многослойная композиция с изображением роженицы и воинов эпохи бронзы; 6, 7 – центральная сцена с фигурами барса и косуль, ранний железный век; 8 – изображение всадника на коне, раннее средневековье; 9 – родовой знак (тамга) племени карлуков; 10 – изображение «хоровода», позднее средневековье. Фото А.А. Горячева (1, 3, 4, 9, 10), О.Н. Гумировой (2, 5–8)

Fig. 8. Petroglyphs of Arkharly group 5: 1 – sop with petroglyphs of group 5, settlement and burial ground on Google image; 2 – central sop of the group, view to the north; 3, 5 – drawings of the Bronze Age; 4 – multilayered composition with the image of a woman in labor and warriors of the Bronze Age; 6, 7 – the central scene of the Early Iron Age with figures of leopard and roe deer; 8 – image of rider on horseback Early Middle Ages; 9 – clan sign (tamga) of Karluks tribe; 10 – image of «round dance», Late Middle Ages. Photo by A.A. Goriachev (1, 3, 4, 9, 10) and O.N. Gumirova (2, 5–8)

точной части группы по берегу ручья, в пойме которого зафиксированы действующий сезонный родник и следы древнего водонакопителя – тагана.

Большая часть петроглифов датируется ранним железным веком, отмечена серия рисунков эпохи бронзы, тюркского периода и Нового времени. В репертуаре преобладают одиночные изображения животных: козлов, архаров, оленей, лошадей, домашних и диких хищников. Многофигурные изображения представляют в основном стада животных, сцены охоты и преследование хищниками копытных. Ярко выглядит сюжет, где высечены коза с козленком (рис. 8, 3). Среди петроглифов бронзового века выделяется, прежде всего, сцена с фигурой роженицы, которая состоит из двух частей (рис. 8, 4). В левой показаны фигуры двух хищников над изображением козлов, один исполнен в битреугольном стиле, другая фигура с прямоугольным корпусом. В верхней части изображена роженица, возле которой слева выбиты две фигуры козла и архара. В центре протиркой показана фигура коня и, видимо, всадника плохой сохранности. Внизу лучник на коне, стреляющий в козла. Сцена размещена на скалах напротив погребальных конструкций эпохи бронзы. Аналогии мотивам подобных петроглифов известны в крупных святилищах с петроглифами региона, таких как Тамгалы и Ешкюльмес [Байпаков и др., 2005, с. 195; Рогожинский, 2011, рис. 146].

Другой яркой сценой раннего этапа является сцена жертвоприношения козла (рис. 8, 5). У козла показана борода, обозначены ступни как у человека. Под ним высечены два маленьких козлика и протертая фигу-

ра лучника, целящегося в животное. Второй лучник за спиной козла стреляет ему в круп. Подобные сюжеты, где объект ритуальной охоты крупных размеров, также широко представлен среди памятников наскального искусства Шу-Илейских гор, Жетысу Алатау, Каратау и Центрального Казахстана [Кадырбаев, Марьяшев, 2007, с. 26, 27; Новоженов, 2002, с. 84, 86; Байпаков и др., 2005, с. 159, 160; Байпаков, Марьяшев, 2008, с. 116–118; Горячев и др., 2020, с. 165, 168].

Сцены, представляющие наибольший интерес среди петроглифов раннего железного века, выбиты в предвершинной части на вертикальных плитах, ориентированных на запад. Среди них следует выделить редкое в Жетысу изображение барса. Он вписан в многофигурную сцену с оленями, козлами и другими копытными (рис. 8, 6, 7). Плита с хищником занимает центральное место, рядом на соседней плоскости выбиты фигуры бегущих козла и архара в сакском «зверином» стиле. В данной композиции стоит выделить полиморфные изображения [Чернов, 2019, с. 197–218] в виде косуль с рогами оленя и козла. Из петроглифов средневековья интерес представляет сцена с лошадью и всадником (рис. 8, 8). Стилистически и по технике выбивки она имеет аналогии с петроглифом в святилищах Тамгалы, Баянжурек и Ешкюльмес [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 122–123, 222–223; Байпаков, Марьяшев, 2008, с. 190]. Среди петроглифов в центральной части скопления выделяется тамга племени карлуков (рис. 8, 9), высеченная на скале, обращенной к поселению [Рогожинский, 2019, с. 249–295]. Здесь же отмечена серия знаков, схожих с казахскими родовыми тамгами.

В других частях сопки петроглифов немного. Они расположены на скальных выходах, на склонах невысоких сопки, окружающих поселение. Репертуар, стиль и техника выполнения рисунков не отличается от рисунков, находящихся по соседству. В их расположении нет никакой системы, рисунки выбиты там, где есть подходящие плоскости с папиной. Особо стоит отметить сцену Нового времени. Это схематичное изображение «юрты» и хоровода из четырех человек, держащихся за руки (рис. 8, 10). Последние расположены в верхней части гребня на скале-монолите, у подножия которой прослеживается квадратная площадка 4×4 м из обломков камней. Из-за разрушения скал некоторые петроглифы имеют значительные повреждения.

Петроглифы Архарлы 7 находятся в 4,5 км к северо-востоку от аула Самен. Петроглифы сосредоточены в срединной и предвершинной части сопки, доминирующей над близлежащей местностью (рис. 9, 1). Плиты с петроглифами имеют в основном южную и юго-западную экспозицию. Петроглифы устроены на скалах в два яруса на плитах с южной и юго-западной экспозицией. Большая часть из них относится к эпохе бронзы и раннему железному веку. Рисунков тюркского периода, позднего средневековья и Нового времени значительно меньше. В 300 м к юго-западу от сопки с петроглифами устроена средневековая стоянка поверх древнего поселения Архарлы 7 (рис. 9, 2).

Репертуар древних петроглифов весьма разнообразен. Среди рисунков эпохи бронзы встречаются антропоморфные фигуры в сценах охоты и ритуальных композициях, крупные

фигуры животных: козлов, архаров. Следует отметить сцену с изображениями лошадей, быков и других копытных, расположенными по кругу (рис. 9, 3). Интересны рисунки эпохи бронзы и сакского времени, представленные изящными оленями, архарами, козлами, хищниками (рис. 9, 4–6). Эти сцены занимают самые лучшие плиты. Их хорошо видно от подножия сопки. Фигуры раннего железного века выбиты с соблюдением канонов звериного стиля, распространенного на территории Жетысу [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 37–47].

В предвершинной части сопки на вертикальной плите с южной ориентацией выбита многофигурная композиция, которую можно считать центральной на протяжении нескольких исторических периодов (рис. 9, 7). В эпоху бронзы здесь был высечен традиционный сюжет со сценой охоты лучника на козлов и архара, выполненных в битреугольном стиле. В сакский период внизу с особым мастерством древний художник изобразил «семью» оленей – самца с ветвистыми рогами и самку, кормящую детеныша. В средневековую эпоху в левой верхней части композиции добавлены три козла и всадник на коне, стреляющий в архара. С таким же мастерством и тщательностью выполнено изображение козла на вертикальной плоскости (180×140 см) высоко над землей на труднодоступной скале. Позднее сцена была дополнена другими изображениями, предположительно тюркскими. Большинство средневековых рисунков аккуратно вписаны в композицию, выполненные в предыдущие эпохи, в частности, сцена со всадниками на лошадях в окружении козлов или в сопровождении верблюдов

Рис. 9. Петроглифы группы Архарлы 7: 1 – сопка с петроглифами группы 7 и поселение на Google-снимке; 2 – поселение Архарлы 7, вид на север; 3 – изображения лошадей, эпоха бронзы; 4–6 – фигуры животных в сакском зверином стиле; 7 – многослойная композиция эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья с подновлениями; 8, 9 – всадники на лошадях, средневековье.
Фото А.А. Горячева (2, 7–9), О.Н. Гумировой (3–6)

Fig. 9. Petroglyphs of Arkharly 7 group: 1 – hill with petroglyphs of group 7 and the settlement on Google image; 2 – Arkharly 7 settlement, north view; 3 – images of horses, Bronze Age; 4–6 – figures of animals in Saka animal style; 7 – multilayer composition of the Bronze Age, Early Iron Age and Middle Ages with updates; 8, 9 – medieval riders on horseback.
Photo by A.A. Goriachev (2, 7–9) and O.N. Gumirova (3, 6)

(рис. 9, 8, 9). Некоторые сцены имеют не только историческую, но и художественную ценность.

Петроглифы Архарлы 17 находятся в 2,5 км к югу от станции Сайлы, в 1,5 км к западу от центрального святилища (группа 1) по правому берегу ручья Жоламан на южном склоне отдельной горной гряды (рис. 10, 1). Рисунки размещены на отдельных скальных блоках с южной экспозицией. На вершине самой высокой сопки сооружено обо. Здесь с западной стороны на двух ярусах отмечены масштабные скальные блоки с наиболее яркими сюжетами раннего железного века и тюркского времени. Аналогии этим сюжетам известны в других петроглифических комплексах Жетысу, но манера исполнения некоторых рисунков представляется достаточно оригинальной. Перед ними организованы ровные площадки, что дает основание предполагать их функцию как своеобразного алтаря, а всё скопление святилищем. С него открывается вид на долину реки и другие крупные скопления петроглифов (2 и 3). Помимо этого, в восточной части скопления зафиксированы следы полуразрушенной средневековой стоянки, на скалах близ которой также отмечены петроглифы от бронзового века до Нового времени (рис. 10, 2).

Наиболее древние сюжеты святилища относятся к бронзовому веку. В основном это изображения животных – козлов и архаров, иногда в сопровождении собак или хищников (рис. 10, 3–5). На одной плите в восточной части святилища отмечен солярный символ в виде «колеса», а справа друг над другом показаны три козла (рис. 10, 3). Достаточно часто петроглифы стилистически похожие

на рисунки эпохи бронзы подновлялись и дополнялись в более позднее время, как на большой композиции с изображением охоты кошачьих хищников, возможно гепардов (?) на копытных животных (рис. 10, 9). Сцена была переработана в раннем железном веке, где, за исключением нижнего, животные были перебиты заново в традициях сакского звериного стиля. Фигуры верхних хищников несут следы неоднократных и, вероятно, регулярных подновлений. Таким же образом сцена эпохи бронзы с мотивом жертвоприношения в раннем средневековье была переделана в композицию с воинами-всадниками (рис. 10, 10).

Основная часть древних рисунков раннего железного века представлена также фигурами копытных животных (козлов, архаров, лошадей, оленей, реже сайгаков). Отмечена изящная контурная фигура кабана. Ведущим сюжетом многофигурных композиций являются сцены нападения хищников на травоядных и охоты лучников, в том числе и конных (рис. 10, 6–9). В центральной части святилища в раннем средневековье была организована крупная панорама, включавшая серию композиций с изображениями воинов-всадников (рис. 10, 10, 11). Однако центральная плита с фигурой всадника-знаменосца была отколота заготовщиками плитняка и обнаружена на нижнем ярусе скального массива лицевой стороной вниз. Удалось разглядеть только часть композиции. Рисунки раннего железного века и тюркского времени также регулярно подновлялись в позднем средневековье и Новом времени. Объектами подновлений становились как отдельные изображения животных,

Рис. 10. Петроглифы группы Архарлы 17: 1 – сопка с петроглифами группы 17 на Google-снимке; 2 – восточная часть группы Архарлы 17, вид на запад; 3 – композиция с солярным знаком и животными, эпоха бронзы; 4, 5 – сцены с фигурами архаров и других животных, эпоха бронзы; 6 – всадник на коне и верблюд, ранний железный век; 7 – кабан, ранний железный век; 8 – композиция со сценой охоты и изображениями животных в зверином стиле; 9 – изображения кошачьих хищников эпохи бронзы (внизу) и раннего железного века (сверху); 10, 11 – сцены с фигурами тюркских воинов-всадников, раннее средневековье; 12–14 – древние рисунки подновленные и дополненные в позднем средневековье и Новом времени. Фото Т.А. Егоровой (2–14)

Fig. 10. Petroglyphs of Arkharly 17 group: 1 – hill with petroglyphs of group 17 on Google image; 2 – Eastern part of Arkharly 17 group, west view; 3 – composition with a solar sign and animals, the Bronze Age; 4, 5 – scenes with figures of argali and other animals, the Bronze Age; 6 – rider on a horse and a camel, the early Iron Age; 7 – wild boar, the early Iron Age; 8 – composition with hunting scene and images of animals in the animal style; 9 – images of cat predators of the Bronze Age (bottom) and the early Iron Age (top); 10, 11 – scenes with figures of Turkic warriors-horsemen, early Middle Ages; 12–14 – ancient drawings updated and supplemented in the late Middle Ages and New Times. Photo by T.A. Egorova (2–14)

в основном козлов, архаров и оленей, так и многофигурные композиции со сценами охоты или бытовыми сюжетами с антропоморфными фигурами (рис. 10, 12–14).

Скопления петроглифов близ поселений и могильников – явление, широко распространенное на территории Жетысу. Такие памятники известны как в Шу-Илейском междуречье, так и в горах Илейского и Жетысу Алатау [Марьяшев, Горячев, 2002; Сараев, 2017, с. 68–90; Горячев и др., 2020, с. 158–178]. Все они организованы определенным образом и имеют характерный для каждого микрорайона репертуар древних и средневековых наскальных рисунков. В горах Архарлы подобные критерии переменны (4, 6, 8, 9, 10, 16). Встречаются небольшие скопления до 20 плит общей численностью до 50 изображений (10). В таких святилищах рисунки маловыразительны и крайне бедны по сюжетам (сцены охоты и выпаса скота). Основную их серию составляют скопления от 30 до 40 плит, где обнаруживается от 100 до 300 петроглифов (рис. 10, 1–4). Данная группа памятников наиболее пострадала от заготовщиков плитняка (4, 6, 8).

Петроглифы расположены, как правило, на скальных выходах непосредственно у поселения, которые окружают его с западной стороны либо на соседних увалах. Эти скопления отличает наличие определенного центра, где сосредоточены наиболее яркие сюжеты. В них имеется несколько многофигурных сцен с копытными, но большая часть рисунков – одиночные изображения козлов, архаров, верблюдов, оленей, лошадей. Сюжеты с антропоморфными фигурами и хищниками не многочисленны (рис. 10, 5–8).

Среди всех скоплений наиболее сохранившимися и информативными остаются наскальные рисунки скоплений *Архарлы 9 и 16* (рис. 11, 3). Здесь среди петроглифов бронзового века сохранились композиции с изображениями людей и верблюдов, миниатюра с фигурами козлов и хищников, всадники на верблюдах (рис. 11, 1, 2, 4). Как правило, в горах Архарлы ведущим образом для рисунков раннего железного века «домашних святилищ» оставались изображения козы с козленком или архара с ягненком и сцены преследования хищниками травоядных животных (рис. 10, 5–7). Яркую серию древних петроглифов составляют миниатюрные рисунки животных, характерные для традиций наскального искусства в горах Ешкиольмес [Байпаков и др., 2005, с. 60–74]. В средневековую эпоху и Новое время здесь нередко высекали изображения всадника на коне, людей ведущих в поводу лошадей и сцены охоты (рис. 11, 8). Интересную часть этих рисунков составляют знаки и казахские родовые тамги.

Серия памятников с древними петроглифами (2а, 9а, 11–15, 18–20) обнаружена на сопках, через которые проходили скотопрогонные трасы и тропы, которые позволяли попасть из ущелий южных и северных склонов гор Архарлы на перевалы и склоны, богатые растительностью (рис. 12, 1, 2). Петроглифы расположены вразброс на некотором расстоянии друг от друга на скальных выходах и отдельно лежащих камнях вдоль хорошо прослеживаемой скотопрогонной тропы, которая интенсивно используется и в наше время. Рисунки выбиты как на монолитных выходах скал со значительным разру-

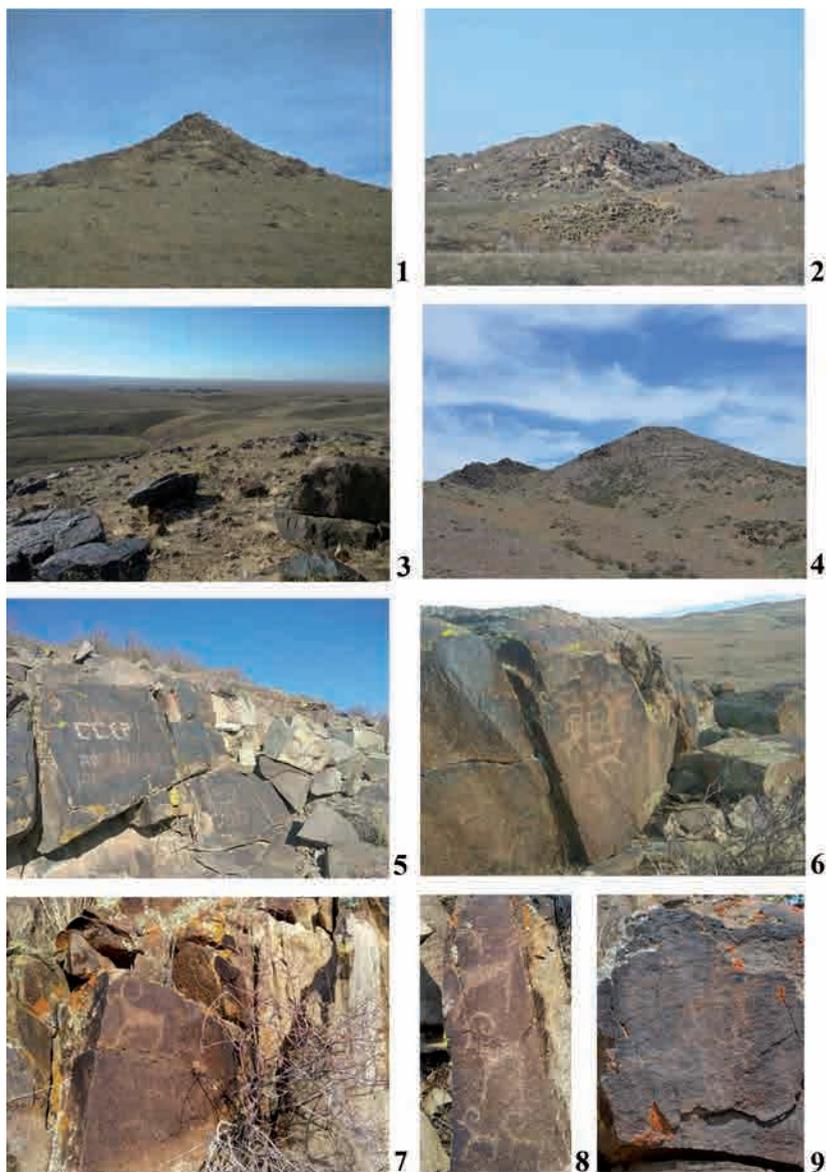

Рис. 11. Петроглифы близ древних и средневековых поселений в западной части гор Архарлы: 1 – сопка с петроглифами Архарлы 6, вид на северо-восток; 2 – сопка с петроглифами Архарлы вид на север; 3 – сопка с петроглифами Архарлы 9, вид на юго-запад; 4 – сопка с петроглифами Архарлы 16, вид на северо-восток; 5, 6 – многофигурные разновременные композиции с фигурами животных; 7, 8 – отдельные изображения козлов в зверином стиле; 9 – древние изображения конного и пешего человека. Фото А.А. Горячева (1–4, 8, 9), О.Н. Гумировой (5–7)

Fig. 11. Petroglyphs near the ancient and medieval settlements in the western part of the Arkharly Mountains: 1 – sopka with petroglyphs Arkharly 6, view northeast; 2 – sopka with petroglyphs Arkharly view north; 3 – sopka with petroglyphs Arkharly 9, view southwest; 4 – sopka with petroglyphs Arkharly 16, view northeast; 5, 6 – multi-figured multi-temporal compositions with animal figures; 7, 8 – individual images of goats in animal style; 9 – ancient images of mounted and footed man.

Photo by A.A. Goriachev (1 4, 8, 9) and O.N. Gumirova (5–7)

Рис. 12. Петроглифы близ древних и средневековых поселений Архарлы 9 (1–4) и 16 (5–8): 1, 2 – древние композиции с изображением хищников и, козлов и архаров; 3 – центральная часть группы 9; 4 – всадник на верблюде, ранний железный век; 5–7 – сцены с древними фигурами козлов, архаров и хищников; 8 – всадник на лошади и знак, Новое время. Фото А.А. Горячева

Fig. 12. Petroglyphs near the ancient and medieval settlements of Arkharly 9 (1–4) and 16 (5–8): 1, 2 – ancient compositions depicting predators and, goats and argali; 3 – the central part of the group 9; 4 – rider on a camel from the Early Iron Age; 5–7 – scenes with the ancient figures of goats, argali and predators; 8 – rider on horseback and sign, New Age. Photo by A.A. Goriachev

Рис. 13. Петроглифы на скотопрогонных тропах в западной части гор Архарлы: 1 – сопка с петроглифами группы 2а, вид на север; 2 – сопка с петроглифами группы 15, вид на запад; 3–6 – древние композиции с фигурами животных; 7, 8 – сцены с антропоморфными изображениями, эпоха бронзы. Фото А.А. Горячева

Fig. 13. Petroglyphs on cattle trails in the western part of the Arkharly mountains: 1 – hill with petroglyphs of group 2a, north view; 2 – hill with petroglyphs of group 15, west view; 3–6 – ancient compositions with animal figures; 7, 8 – scenes with anthropomorphic images, the Bronze Age. Photo by A.A. Goriachev

шением, так и на отдельно лежащих камнях. Плоскости большей частью ориентированы на юг, на проходящую рядом тропу. Некоторые из групп пострадали от деятельности заготовщиков плитняка (11, 15).

Обычно подобные скопления насчитывают около 20 плит, где обнаруживается от 50 до 100 рисунков, так как их основную массу составляют одиночные фигуры животных. Репертуар петроглифов данных групп не богат. Зафиксированы изображения копытных – козлов, архаров, верблюдов, оленей, хищников, реже быков, лошадей. Сюжетные композиции ограничиваются сценами охоты для всех эпох, в раннем железном веке и средневековье регулярно высекали сцены преследования хищниками копытных и изображением козы с козленком (рис. 12, 3–6).

Следует отметить, что петроглифы групп 2а, 9а и 11, расположенные близ более крупных групп, насчитывают 30–50 скальных плоскостей с количеством до 150–250 изображений. Яркую серию среди них представляют крупные фигуры людей, козлов, архаров и интересные сюжеты эпохи бронзы, где показаны козлы, архары и знаки. Среди рисунков присутствуют многофигурные композиции с изображением людей и животных (рис. 12, 7). Выделяется крупная композиция на плите высотой 2 м шириной 1,5 м с антропоморфными фигурами, козлами, архарами и лошадыми. Центральную ее часть занимают козел и лошадь, между которыми высечен солярный знак в виде круга. В группе 9а имеется еще изображение антропоморфного существа с головой животного (буйвола?), которое, вероятно, следует отнести к ритуально-мифологическим (рис. 12, 8).

Обсуждение и анализ

В результате исследований выяснено, что структурная организация древних археологических комплексов (поселений, могильников и святилищ с петроглифами) в горах Архарлы полностью идентична таким же памятникам на западных отрогах горного массива Жетысу Алатау, таким как Ешкильмес, Баянжурек, Шолак и т.д. [Марьяшев, Горячев, 2002; Байпаков и др., 2005; Свод памятников..., 2009; Самашев, 2012]. Основная часть археологических памятников сосредоточена у южных склонов хребта, во внутригорных долинах и горных ущельях этого же направления. Отсутствие следов использования ирригационного земледелия свидетельствует, что основная масса населения занималась здесь скотоводством. Наличие следов горных выработок не исключает данный микрорайон как один из локальных центров добычи металлосодержащих руд. Аналогичная система использования горной местности с пустынно-степными природно-климатическими условиями зафиксирована в Жетысу на территории Шу-Илейских гор [Горячев и др., 2020, с. 25–48; Воякин и др., 2020, с. 91–116].

Первичный анализ материалов древних памятников показывает, что на данном участке горной гряды количество захоронений, прежде всего, в курганных могильниках раннего железного века, превышает и число поселений и, вероятно, численность проживавшего в них населения. Таким образом, южные склоны гор Архарлы были местом погребения жителей всей ближайшей округи. Одним из признаков подобного явления, вероятно, стало плотное скопление здесь святилищ с наскальными рисунками.

Культуролог З. Наурзбаева, исследуя происхождение названия этой местности, также пришла к мнению, что «название Архарлы связано не с тем, что здесь когда-то обитали горные бараны и даже не с изображениями архаров на скалах, а с особым, сакральным значением этой местности для наших предков: Аркарлы - Аркалы (Аруакты) - Земля Духов-предков» [Наурзбаева, 2021].

Хронологический диапазон выявленных петроглифов достаточно широк – от бронзового века до Нового времени, отмечены современные надписи и подражания древним изображениям. Прослеживаются и более ранние их подновления, как достаточно часто рисунки эпохи бронзы «освежались» в раннем железном веке, а фигуры животных в скифо-сакском зверином стиле повторялись техникой протирки в средневековье или Новое время. Рисунки разных исторических периодов отличаются как по степени патинизации, так и способам нанесения на скалы и стилистическим особенностям.

Древние петроглифы выполнены крупно- и мелкоточечной выбивкой с последующей протиркой. Отмечены неоднократные дополнения к более древним композициям нередко с подновлением более древних рисунков. Более поздние рисунки вписывались в композицию так, чтобы не повредить более ранние. К примеру, в группе 3 к изображению козла в зверином стиле в средневековье добавляется фигура всадника на лошади с собакой, что трансформирует его смысловое значение в сцену охоты. Подобные палимпсесты свидетельствуют о том, что святилище действовало на протяжении нескольких тысячелетий,

смысл и значение этой сцены были понятны племенам, населяющим эту территорию в разные эпохи.

Древнейшую группу наскальных изображений западной части гор Архарлы составляют петроглифы бронзового века, которые практически не отличаются по цвету патинизации от скальной поверхности (в зависимости от её экспозиции). Большинство фигур животных этого времени выполнены в битреугольном стиле, реже в тамгалинской традиции. Значительная группа древнейших рисунков высечена в миниатюрном виде, иногда с применением резьбы как в петроглифах хребта Ешкиольмес.

Репертуар петроглифов эпохи бронзы гор Архарлы достаточно разнообразен. Здесь встречаются изображения домашних и диких животных, антропоморфные и полиморфные фигуры в различных композициях и знаки, известные в литературе как солярные символы. Среди наиболее распространенных религиозных идей был культ плодородия, выраженный через образы женщины-роженицы и священных животных. Характерным набором изображений рядом с фигурой матери-прародительницы были воины с оружием, а в 5 группе они показаны верхом на конях. Данная изобразительная традиция этого образа известна, прежде всего, в петроглифах хребта Ешкиольмес этого региона Жетысу [Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 173–176]. К культовым сюжетам можно отнести лишь некоторые изображения животных – козлов, архаров, оленей или быков. Их образы (как правило, наиболее крупные фигуры в композициях) показаны в сценах ритуальной охоты или жертвоприношений. Такая трактовка широко рас-

пространена на территории Жетысу и сопредельных регионов в наскальных изображениях бронзового века.

В раннем железном веке на скалах западной части гор Архарлы встречаются основные образы скифо-сакского искусства: козлы, архары, олени, верблюды и хищники. Наиболее яркими сюжетами этого периода являются сцены охоты и преследования хищниками травоядных животных. В отличие от других святыниц региона достаточно часто встречаются рисунки всадников на лошадях. В иконографии этих сюжетов прослеживается несколько вариантов от наиболее древних, где фигуры животных показаны стоящими на кончиках копыт, до поздних условных рисунков. Наскальные рисунки в горах Архарлы отражают все этапы развития звериного стиля в искусстве сако-усуньских племен Жетысу [Байпаков и др., 2005, с. 67–68]. Такие же по стилю петроглифы обнаружены в близлежащем регионе на святыщах Ешкиольмес и Малый Койтас, но широко известны по всей Центральной Азии [Марьяшев, Горячев, 2002, табл. XII]. Петроглифы в сакском зверином стиле представлены не только на территории Жетысу, но и в горах Каратау и Центральном Казахстане [Новоженков, 2002; Кадырбаев, Марьяшев, 2007; Самашев и др., 2014]. Подобная изобразительная манера получила развитие и в металлопластике на территории всей Евразии [Шер, 1980, с. 243; Яценко, 2006, рис. 25].

Однако основным сюжетом, показанным практически во всех основных композициях древних святыниц, является изображение козы с козленком или овцы с ягненком, символизирующих культ плодородия. Как и в эпо-

ху бронзы, он нашел свое выражение через образ матери-прародительницы, выраженный через зооморфный код сакского звериного стиля раннего железного века. Интересно, что в раннем средневековье эти сюжеты наиболее часто подновлялись либо повторялись на отдельных плоскостях.

Петроглифы раннего средневековья отличаются более светлой патинизацией, значительная их часть выполнена техникой протирки. Изображения позднего средневековья и Нового времени нередко процарапаны. Однотипен и круг их сюжетов, где помимо животных (козлов, архаров, лошадей, верблюдов) показаны всадники на конях с оружием, люди, ведущие животных в поводу, либо сцены охоты. Реже встречаются не характерные для петроглифов этих периодов изображения юрты или ступы [Марьяшев, Горячев, 2002, фото 23, 24] и людей в ритуальных позах. Знаковые символы этих исторических периодов представлены тюркскими и казахскими родовыми тамгами, высеченными, как правило, на святыщах близ поселений.

Заключение

Изучение археологических памятников гор Архарлы, начатое еще в 1980–1990-е гг. с разведки древних и средневековых памятников региона, показало наличие здесь значительного пласта историко-культурного наследия древнего и средневекового Казахстана. Структурная организация древних археологических комплексов (поселений, могильников и святыниц с петроглифами) в горах Архарлы позволяет реконструировать хозяйственно-культурное развитие древнего и средневекового населе-

ния региона. Наиболее яркую серию этих памятников составляют древние и средневековые петроглифы, отражающие характер и особенности религиозного мировоззрения древних людей, их традиции и ритуалы.

Произведенные первичные исследования региона выявили определенные закономерности в характере устройства и расположения древних петроглифов гор Архарлы. Их основная и наиболее значительная масса сосредоточена в ущельях и внутригорных долинах. Выявленная структурная организация скоплений рисунков позволяет утверждать их функциональное назначение как святилищ

под открытым небом. Обнаруженные отдельные сюжеты иллюстрируют великолепные художественные традиции и мифопоэтические образы в сознании людей эпохи бронзы, раннего железного века и тюркского времени. Ряд петроглифов в виде тамгообразных знаков являются важными историческими свидетельствами проживания здесь отдельных древнетюркских племен и казахских родов. Дальнейшие исследования петроглифов гор Архарлы являются перспективными в плане изучения исторического и культурного наследия народов древнего и средневекового Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: «Credo», 2008. 200 с.
2. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алматы: «OST XXI век», 2005. 226 с.
3. Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Методика археологических исследований и маркировка маршрутов древних миграций на территории Хантауского транзитного коридора // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла / История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Вып. 7. С. 91-116.
4. Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы эпохи палеометалла в горах Хантау // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла / История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Вып. 7. С. 158-178.
5. Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Результаты археологической разведки древних памятников в горах Хантау, Айтау и Киндыктас // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7). С. 25-48.
6. Ильдеринов Н.Н., Ярыгин С.А. Реконструкция этапов и технологии строительства сакского кургана по материалам исследований в микрорайоне Алатау г. Алматы // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 60-69.
7. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы: [б. и.], 2007. 147 с.
8. Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата: изд-во КазГПУ им. Абая, 1992. 110 с.
9. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.
10. Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы Восточного, Южного и Центрального Казахстана: открытия 2017 года // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Коллективная монография. / отв. ред. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 147-154.
11. Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

12. Наурызбаева З. Священные архары Архарлы. 25.08.2021. URL: <https://adamdar.ca/post/svyashchennyue-arkhary-arkharly>
13. Новоженев В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 125 с., ил.
14. Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: [б.и.], 2011. 346 с.
15. Рогожинский А.Е. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 249–295.
16. Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Изд. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. 240 с.
17. Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Изд. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 374 с.
18. Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 69-90.
19. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. 1320 с.
20. Чернов М.А. Образы «маскированных коней» в петроглифах эпохи бронзы Южного Казахстана и Средней Азии // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. Вып. 6. С. 197-218.
21. Чупахин В.М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
22. Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий (пер. Б. Каирбеков). Алма-Ата: «Жазушы», 1990. 120 с.
23. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
24. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: «Восточная литература», 2006. 664 с.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2008. *Petroglify Bayan-Zhureka (Petroglyphs of Bayan-Zhurek)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N., Goryachev, A. A., Potapov, S. A. 2005. *Naskalnye izobrazheniya v gorah Eshkiolmes (Rock Images in the Eshkiolmes mountains)*. Almaty: “OST 21st century” Publ. (in Russian).
3. Voyakin, D. A., Goryachev, A. A., Potapov, S. A., Ilyin, R. V. 2020. In: *Hantauskiy tranzitnyi koridor v epohu paleometalla. Istoriya i arheologiya Semirechiya (Khantau transit corridor in the paleometallic epoch. History and archeology of the Semirechye)*. Issue 7. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 91-116 (in Russian).
4. Goryachev, A. A., Egorova, T. A., Egorova, K. A. 2020. In: *Hantauskiy tranzitnyi koridor v epohu paleometalla. Istoriya i arheologiya Semirechiya (Khantau transit corridor in the paleometallic epoch. History and archeology of the Semirechye)*. Issue 7. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 158-178 (in Russian).
5. Goryachev, A. A., Potapov, S. A., Ilyin, R. V. 2020. In: *Kazakhstan archeology*, 1 (7), 25-48 (in Russian).
6. Ilderyakov, N. N., Yarygin, S. A. 2020. In: *Kazakhstan archeology*, 3 (9), 60-69 (in Russian).
7. Kadyrbayev, M. K., Maryashev, A. N. 2007. *Petroglify hrebta Karatau (Petroglyphs of the Karatau Ridge)*: 2nd ed. Almaty: [b.i.] (in Russian).
8. Martynov, A. I., Maryashev, A. N., Abetekov, A. K. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Saimaly-Tasha (Rock Images of Saimaly-Tash)*. Almaty: Abay University (in Russian).
9. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2002. *Naskalnye izobrazheniya Semirechiya (Rock images of Semirechye)*: 2d edition. Almaty: XXI Century Foundation (in Russian).

10. Maryashev, A. N., Gumirova, O. N. 2017. In: Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. (eds.). *Metallicheskie kotly rannih kochevnikov Zhetysu (Metal cauldrons of early Zhetysu nomads)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 147-154 (in Russian).
11. Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kulzhabasy (Antiquities of Kulzhabasy)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute (in Russian).
12. Naurzbaeva, Z. 2021. In: URL: <https://adamdar.ca/post/svyashchennyye-arkhary-arkharly> (in Russian).
13. Novozhenov, V. A. 2002. *Petroglify Sary-Arki (Petroglyphs of Sary-Arka)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute (in Russian).
14. Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify arheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of Tamgaly archaeological landscape)*. Almaty: [b.i.] (in Russian).
15. Rogozhinskiy, A. E. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Centralnoy Azii (Tamgas pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 249-295 (in Russian).
16. Samashev, Z. 2012. *Naskalnye izobrazheniya Zhetysu. Bayanzhurek (Rock images of Zhetysu. Bayanzhurek)*. Astana: Publ. group of the Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Astana (in Russian).
17. Samashev, Z., Murgabayev, S., Eleuov, M. 2014. *Petroglify Sauyskandyka (Petroglyphs of Sauyskandyk)*. Astana: Publ. group of the Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Astana (in Russian).
18. Saraev, V. V. 2017. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archeology of Semirechye)*. Issue 5. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 69-90 (in Russian).
19. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Almatinskaya oblast (Vault of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Almaty Region)*. 2009. Almaty: Agency "Mamatay" (in Russian).
20. Chernov, M. A. 2019. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archeology of the Semirechye)*. Issue 6. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 197-218 (in Russian).
21. Chupakhin, V. M. 1987. *Vysotno-zonalnye geosistemy Srednej Azii i Kazakhstana (Altitude-zonal geosystems of Central Asia and Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Shakarim Kudaiberdy-uly. 1990. *Rodoslovnaya tyurkov, kirgizov, kazahov i han-skih dinastij (per. B. Kairbekov) (Genealogy of Turks, Kirghiz, Kazakhs and khan dynasties (translated by B. Kairbekov))*. Alma-Ata: "Jazushy" Publ. (in Russian).
23. Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Srednej i Centralnoj Azii (Petroglyphs of Middle and Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostum drevnej Evrazii (iranoyazychnye narody) (Costume of ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples))*. Moscow: "Vostochnaya literature" (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.08.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 02.09.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.09.2021.

ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ ОБУГЛЕННОГО ДЕРЕВА (на примере находки с поселения Токсанбай)

© 2021 г. Алтынбеков Кыргыз¹, Чарлина Любовь Филипповна¹,
Лошакова Татьяна Николаевна²

¹директор, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан. E-mail: tengri05@mail.ru

¹заведующая отделом консервации, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», г. Алматы, Казахстан. E-mail: charlina.lf@mail.ru

²автор-корреспондент, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: loshakovat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исследования и консервации объектов из обугленного дерева на примере фрагмента деревянного блюда, обнаруженного при исследовании помещения на северо-восточном склоне поселения Токсанбай (Бейнеуский р-н, Мангистауская обл.) в 2005 г. Раскопки проводились экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева, при участии А.С. Ермолаевой в рамках государственного стратегического проекта «Культурное наследие». В статье на конкретном примере дана оценка действий специалистов-археологов; показаны этапы работы специалистов-реставраторов. Даются рекомендации по работе с предметами из деградированных материалов. При исследовании памятника археологами, как правило, проводится полный комплекс мероприятий по фиксации вещных объектов. Предметы из деградирующих материалов требуют особого подхода в извлечении и хранении. В полевых условиях исследователи, при проведении полевой консервации ослабленных предметов, используют подручные материалы, часто это химические составы и не всегда в наличии имеются нужные, применение которых целесообразно в конкретном случае. Деревянное блюдо из жилища поселения Токсанбай относится к категории «обугленное дерево». Предмет из древесины горел без доступа воздуха, его первоначальная структура разрушилась, однако воздействие огня, в данном случае, стало тем консервирующим фактором, который позволил частично сохранить форму предмета. После проведения комплекса консервационно-реставрационных работ блюдо помещено на хранение в фонды Национального музея Республики Казахстан (г. Нур-Султан).

Ключевые слова: археология, поселение Токсанбай, эпоха бронзы, жилище, обугленное дерево, консервация, реставрация, поливинилацетатный клей, воско-канифольная смесь

КҮЙДІРІЛГЕН АҒАШТЫ САҚТАУ МӘСЕЛЕСІ (Токсанбай қонысынан табылған зат мысалында)

Алтынбеков Кыргыз¹, Чарлина Любовь Филипповна¹,
Лошакова Татьяна Николаевна²

¹директор, «Остров Крым» ғылыми қалпына келтіру лабораториясы, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: tengri05@mail.ru

¹консервация бөлімінің меңгерушісі, «Остров Крым» ғылыми қалпына келтіру лабораториясы, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: charlina.lf@mail.ru

²корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы к., Қазақстан.
E-mail: loshakovat@mail.ru

Аннотация. Мақалада 2005 ж. Токсанбай қонысының солтүстік-шығыс беткейіндегі (Бейнеу ауд., Маңғыстау обл.) үй-жайды зерттеу кезінде табылған ағаш ыдысының фрагменті мысалында күйдірілген ағаштан жасалған нысандарды зерттеу және қорғау мәселелері қарастырылады. Қазба жұмыстарын «Мәдени мұра» мемлекеттік стратегиялық жобасы аясында Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты З. Самашевтың жетекшілігімен, А.С. Ермолаеваның қатысуымен жүргізілген экспедиция барысында өткізілді. Мақалада нақты мысалдармен археологтардың іс-әрекеттеріне баға беріледі. Қалпына келтіруші мамандардың жұмыс кезеңдері көрсетілген. Тозған материалдардан жасалған заттармен жұмыс істеу бойынша ұсынымдар беріледі. Ескерткішті зерттеу кезінде археологтар заттық нысандарды бекіту бойынша іс-шаралардың толық кешенін жүргізеді. Тозған материалдардан жасалған заттар алу мен сақтаудың ерекше тәсілін қажет етеді. Далалық жағдайда зерттеушілер тозығы жеткен заттарды далалық сақтау кезінде қолда бар материалдарды пайдаланады, көбінесе бұл химиялық қосылыстар, және қажетті заттар әрқашан қолда бола бермейді де, оларды нақты жағдайда қолдану ұсынылады. Токсанбай қонысының тұрғын үйінен табылған ағаш ыдыс «күйген ағаш» санатына жатады. Ағаштан жасалған зат ауаға қол жеткізбестен жанып кетті, оның бастапқы құрылымы құлады, бірақ оттың әсері, бұл жағдайда, заттың пішінін ішінара сақтауға мүмкіндік беретін сақтау элементіне айналды. Консервациялық-қалпына келтіру жұмыстар топтамасы жүргізілгеннен кейін табақ Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің (Нұрсұлтан қ.) қорларына сақтауға қойылды.

Түйін сөздер: археология, Токсанбай қонысы, қола дәуірі, тұрғын үй, күйдірілген ағаш, сақтау (консервация), қалпына келтіру, поливинилацетат желімі, балауыз-канифоль қоспасы

PROBLEMS OF CHARRED WOOD PRESERVATION (using the example of a find from the settlement of Toksanbai)

Kyrym Altynbekov¹, Lyubov Charlina¹, Tatyana Loshakova²

¹Director, scientific-restoration Laboratory “Ostrov Krym”,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: tengri05@mail.ru

¹Head of the Conservation Department, scientific-restoration Laboratory “Ostrov Krym”,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: charlina.lf@mail.ru

²Corresponding author, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: loshakovat@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of research and preservation of objects from charred wood using the example of a fragment of a wooden dish discovered during the study of a room on the northeastern slope of the Toksanbai settlement (Beineu district, Mangystau region) in 2005. Excavations were carried out by an expedition of the A.Kh. Margulan Archeology Institute under the leadership of Z. Samashev, with the participation of A.S. Ermolayeva within the framework of the state strategic project “Cultural Heritage”. The article provides an assessment of the actions of archaeological specialists basing on a specific example. The article shows the stages of work of restoration specialists. It also gives recommendations for working with items from degraded materials. During the study of the monument by archaeologists, a full range of measures is being taken to fix real objects. Items of degrading materials require a special approach in terms of extraction and storage. In the field, researchers, when conducting field preservation of weakened objects, use improvised materials, often these are chemical compositions, and not always, there are the necessary ones that are suitable for use in a particular case. A wooden dish from the dwelling of the Toksanbai settlement belongs to the category of “charred wood”. The wood object burned without air

access, its original structure collapsed, but the impact of the fire, in such a case, became the preserving element that allowed to partially preserve the shape of the object. After a series of conservation and restoration works, the dish was deposited in the funds of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan).

Keywords: archaeology, Toksanbai settlement, Bronze Age, dwelling, charred wood, conservation, restoration, polyvinyl acetate cement, wax-rosin mixture

Введение

Конец 1980-х гг. ознаменовался открытием на территории Северо-Восточного Прикаспия нескольких поселений эпохи бронзы [Лошакова, 2020]. Обнаруженные поселения Токсанбай, Айтман, Манайсор I–III позволили поднять важный историко-социальный вопрос о формировании в период эпохи бронзы в зоне полупустынь особого токсанбайского культурного типа [Самашев и др., 2001]. Эти долговременные поселения, расположенные во внутренних районах Устюрта, были основаны населением, ориентированным на хозяйство потребляющего типа [Samashev u.a., 2013; Косинцев и др., 2020]. В исследовании поселения Токсанбай, в 2005 г., произошло событие, которое в целом изменило представление о памятнике и о культуре населения Северо-Восточного Прикаспия в эпоху бронзы. В одном из помещений был обнаружен комплекс вещей ритуального характера.

Обнаружение деревянного блюда

В срединной части останца, на котором было возведено поселение, на юго-восточном склоне завершалось исследование сохранившейся части жилища № 2, в котором были отмечены элементы сакральной деятельности человека. Под остатками упавшей горелой крыши, в северной половине

помещения, сохранился *in situ* комплекс артефактов ритуальной направленности, расположенный на полу жилища. Характерные предметы из металла, кости, рога, фрагменты керамических сосудов, а также остатки жертвенной пищи и, самое главное, порядок расположения предметов на полу помещения свидетельствовали о культовом их назначении. Конструкция жилища имела своеобразную планировку и интерьер. Пол помещения, по всей видимости, был устлан войлоком и шкурами животных, о чем свидетельствуют сохранившиеся оплавленные фрагменты органического происхождения. Поверх них по всей площади помещения были расставлены керамические сосуды, деревянное блюдо, на котором помещалось изделие из рога, рядом располагались трепала, два щитковых псаля, а также жертвенная пища в виде отдельных кусков и частей туш животных. Помещение, несомненно, было предназначено для совершения культовых актов, связанных с существующей системой мировоззренческих представлений населения и, возможно, являлось своеобразным святилищем на поселении [Самашев и др., 2007]. Именно отсюда в 2005 г. сотрудниками экспедиции было осуществлено изъятие фрагмента обугленного деревянного блюда и транспортировка его в научно-реставрационную лабор-

раторию «Остров Крым», сотрудники которой буквально собрали этот предмет из фрагментов и подарили ему вторую жизнь (рис. 1).

Климат и почвы региона не позволяли предположить наличие в раскопе такого хрупкого, требующего особого отношения, предмета. Помня о рекомендациях, которые в устной беседе были даны реставраторами, планировалось вырезать предмет вместе с грунтом и поместить его на плотную основу, а затем закрепить его пленкой. Однако вынуть его вместе с почвой оказалось невозможным, так как грунт, представлявший собой слой карбонатной глины, при попытке прорезать его крошился. В итоге было принято решение пропитать предмет раствором в воде клеем ПВА, захватывая с края часть грунта. Следующий этап - подрезать у края и поместить его на плотную основу.

Работа в научно-реставрационной лаборатории

При исследовании памятника археологам важно зафиксировать предмет, провести полный комплекс мероприятий – фото- и графическая фиксация, описание. Предметы из де-

градирующих материалов (например, дерево) – это большая удача, особенно для Устюрта, откуда был доставлен фрагмент деревянного блюда. Такого рода материальные остатки требуют особого подхода в консервации и сохранении.

Присутствие специалиста-реставратора во время исследования археологического объекта было бы идеальным решением. Однако зачастую возможности пригласить профессионального реставратора отсутствуют: здесь и фактор времени, если раскопки уже ведутся, и удаленность объекта, и финансовая составляющая, а самое главное – это малочисленность специалистов-реставраторов. В результате археологи продолжают самостоятельно извлекать из грунта предметы из деградирующих материалов, предпринимая попытки провести полевую консервацию предметов собственными силами, используя подручные материалы (чаще химические составы). Но не всегда в полевых условиях имеются именно те химические составы, применение которых целесообразно в конкретном случае [Алтынбеков, 2010; 2014].

Рис. 1. Местонахождение деревянного блюда в раскопе: 1 – в процессе расчистки; 2 – после расчистки. Фото Т.Н. Лошаковой

Fig. 1. Location of the wooden dish in the excavation: 1 – in the process of clearing; 2 – after clearing. Photo by T. Loshakova

Методика консервации обугленного дерева, разработанная в Эрмитаже в 1950-х годах, предусматривает полевую консервацию при извлечении из земли, лабораторное закрепление воско-канифольной смесью с последующей мастиковкой трещин, мешающих восприятию изображения и ослабляющих прочность предмета [Костров, 1959, с. 178].

В 2007 г. на консервацию в научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым» поступил фрагмент деревянного блюда из жилища № 2 поселения Токсанбай. Предмет горел без доступа воздуха, превратившись в особый тип археологического материала – обугленное дерево. Первоначальная структура древесины при этом разрушилась, остались угольки, не сцепленные между собой. Но именно воздействие огня в подобных случаях часто и позволяет сохранить не только форму предмета, но и резьбу, украшающую его поверхность.

В процессе выемки предмет был закреплен поливинилацетатным клеем (ПВА), что облегчило его перемещение из раскопа на картон, но и привело к разрушению поверхностного слоя. Слой ПВА, нанесенный на пласт грунта толщиной до 2 мм, обеспечил консолидацию частиц почвы и прикрепление их к поверхностному слою обугленного дерева. Однако это не привело к желаемому результату и не предотвратило перемещение внутренней массы угольков, не сцепленных между собой. Кроме того, фрагмент находился на мягком картоне, что вызвало при транспортировке разрушение предмета.

После обследования состояния деревянного блюда стало ясно, что сначала надлежит работать с тыль-

ной стороной фрагмента, не пропитанной ПВА, и, возможно, менее разрушенной. Исходя из этой гипотезы, на первом этапе работ лицевая поверхность предмета была закреплена воско-канифольной смесью, укреплена двумя слоями марли на этой же смеси, после чего объект перевернут тыльной стороной вверх (рис. 2).

Тыльная поверхность предмета была покрыта слоем грунта толщиной до 1 см. Воско-канифольная смесь пропитала предмет на всю его толщину, за исключением отдельных участков, которые освобождались от грунта кисточкой. Прямо на дереве фиксировался слой сгоревших растительных остатков. После заливки расчищенных участков воско-канифольной смесью проведена полная расчистка тыльной поверхности от грунта. На втором этапе работ небольшие участки изделия разогревали феном и размягченные загрязнения удаляли скальпелем. Таким образом, был выявлен слой мелких костей, врезавшихся в деревянную поверхность предмета практически на всю его толщину. Стало возможным четко проследить края изделия, но лишь на отдельных фрагментах поверхности блюда.

Поверхностный слой имеет значительные утраты, частично в результате воздействия огня, а отчасти в результате транспортировки (рис. 3).

В процессе расчистки ликвидирована деформация в месте разлома, удалены инородные предметы с поверхности изделия (кости), отделяющие основной фрагмент от небольшого обломка, составлены воедино отдельные фрагменты блюда. В результате выявлена первоначальная форма фрагмента предмета. На третьем этапе тыльная поверхность изделия

Рис. 2. Первый этап работы с объектом: 1 – внешний вид предмета после распаковки; 2 – закрепление лицевой поверхности объекта воско-канифольной смесью; 3 – укрепление лицевой поверхности двумя слоями марли и воско-канифольной смесью. Фото из архива научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым»

Fig. 2. The first stage of work with the object: 1 – appearance of the object after unpacking; 2 – fixing the front surface of the object with a wax-resin mixture; 3 – strengthening the face with two layers of gauze and a wax-resin mixture. Photo from the archive of the scientific and restoration laboratory “Ostrov Krym”

1

2

3

Рис. 3. Второй этап работ: 1 – распаковка оборотной стороны деревянного блюда; 2 – закрепление оборотной поверхности объекта воско-канифольной смесью; 3 – оборотная поверхность блюда после проведения первого этапа работ. Фото из архива научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым»

Fig. 3. The second stage of work: 1 – unpacking the back of a wooden dish; 2 – fixing the back surface of the object with a wax-rosin mixture; 3 – the back surface of the dish after the first stage of work. Photo from the archive of the scientific and restoration laboratory “Ostrov Krym”

была покрыта алюминиевой фольгой и фрагмент залит гипсом, а затем перевернут лицевой стороной вверх. После удаления марлевой ткани обозначилась почти первоначальная форма лицевой стороны.

Заключительным и самым трудоемким этапом работ стала расчистка лицевой поверхности от ПВА. Несмотря на существующее мнение о его повторной растворимости, в процессе высыхания он полимеризуется и становится практически нерастворимым, особенно когда нанесен на менее прочный материал [Пежемский, 2009]. Клей размягчался спирто-ацетоновыми компрессами и удалялся кистью. При этом удален лишь поверхностный слой ПВА, смешанный с грунтом. Нижележащий слой клея схватился с мельчайшими частицами

угля и разделить их без повреждения материала практически невозможно. Затвердевший клей привел к дополнительной деформации поверхности дерева в виде вспухания пропитанного слоя. При детальном рассмотрении поверхности предмета отмечаются резы, похожие на резьбу, но из-за сильного повреждения поверхности блюда проследить их четко практически невозможно [Отчет, 2016].

В результате анализа обстоятельств проведения консервационно-реставрационных работ блюда из обугленной древесины с поселения Токсанбай, сложностей, возникших во время проведения отдельных этапов, и появилась идея написания этой статьи. К сожалению, не все археологи владеют знаниями и умениями консервации предметов в полевых усло-

Рис. 4. Предмет после реставрации: 1 – лицевая сторона блюда; 2 – оборотная сторона блюда.

Фото из архива научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым»

Fig. 4. Item after restoration: 1 – the front side of the dish; 2 – the back of the dish.
Photo from the archive of the scientific and restoration laboratory “Ostrov Krym”

виях, и подробное рассмотрение этапов проведения работ, анализ ошибок, совершенных в конкретном случае, дает право надеяться, что в последующем археологи смогут их избежать.

Заключение

В заключении хочется подчеркнуть, что самый лучший способ в полевой консервации – изъять предмет со слоем грунта и надежно упаковать для транспортировки, в этом случае повреждения предмета минимальны. Он не разрушает поверхность объекта и позволяет значительно сократить время реставрационных работ в лаборатории. Однако если применить

этот способ по каким-то причинам не представляется возможным, предлагаем второй вариант, которым можно было воспользоваться: залить разогретым парафином и надежно упаковать. Весь процесс работы реставраторов проиллюстрирован в статье и читатель может убедиться, какой это сложный и долговременный процесс.

После проведения консервационно-реставрационных работ блюдо из жилища № 2 поселения Токсанбай (рис. 4) помещено на хранение в фонды Национального музея Республики Казахстан в г. Нур-Султан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтынбеков К.О.* сохранении археологических находок // Кадырбаевские чтения–2010: м-лы II Междунар. науч. конф. / ред. А.А. Бисембаев. Актөбе: Ақтөбінскіі обласітнй ценірін исторії, этнографії и археології, 2010. С. 177-183.
2. *Алтынбеков К.* Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 84-91.
3. *Косинцев П.А., Бачура О.П., Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Самашев З., Лошакова Т.Н., Онгарулы А., Бисембаев А.А., Большаков В.Н.* Новые данные о фауне млекопитающих плато Устюрт в голоцене // Доклады РАН. Науки о жизни. 2020. Т. 492. С. 276-279.
4. *Костров П.И.* Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 139-182.
5. *Лошакова Т.Н.* История изучения памятников эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 47-69.
6. *Отчет «Консервация и реставрация археологических находок на могильнике сакских курганов в Восточно-Казахстанской области».* Алматы, 2016 // Архив ТОО «Остров Крым».
7. *Пежемский Д.В.* Методика первичной обработки и консервации скелетных останков в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. М.: Московский Кремль, 2009. С. 80-90.
8. *Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.* Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: м-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Изд-во ООО «НТЦ». 2001. С. 347-352.

9. Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. Вып. 1. С. 87-102.

10. Samashev Z., Ermolaeva A., Loshakova T.N. Die Siedlung Toksanbaj auf dem Ustjurt Plateau: Eine Kultur in der Wüste // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. T. I [Catalogue of the exhibition] / Ed. by Z. Samashev and T. Stoellner. Bochum, 2013. P. 245–258.

REFERENCES

1. Altynbekov, K. 2010. In: Bisembayev, A. A. (ed.). *Kadyrbayev readings–2010*. Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arheologii, 177-183 (in Russian).

2. Altynbekov, K. 2014. *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazahstana: opyt nauchnoy restavratsii (Revived Treasures of Kazakhstan: Experience of Scientific Restoration)*. Almaty: “Ostrov Krym” Publ., 84-91 (in Russian).

3. Kosintsev, P. A., Bachura, O. P., Gasilin, V. V., Gimranov, D. O., Samashev, Z., Loshakova T. N., Onggaruly, A., Bisembaev, A. A., Bolshakov, V. N. 2020. In: *Doklady Biological Sciences*, 492 (1), 103–106 (in Russian).

4. Kostrov, P. I. 1959. In: *Skulptura i zhivopis drevnego Pyandzhikenta (Sculpture and painting of ancient Panjikent)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 139-182 (in Russian).

5. Loshakova, T. N. 2020. In: *Kazakhstan Archeology*, 4 (10), 47-69 (in Russian).

6. In: Archive of scientific and restoration laboratory “Ostrov Krym” (in Russian).

7. Pezhemskiy, D. V. 2009. In: Panova, T. D. (ed.-compl.). *Nekropol russkih velikih knyagin i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. T. 1. Istoriya usypalnitsy i metodika issledovaniya zahoroneniy (Necropolis of Russian Grand Duchesses and queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. Vol. 1. History of the tomb and methods of burial research)*. Moscow: Moscow Kremlin, 80-90 (in Russian).

8. Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2001. In: *Bronzovyi vek vostochnoy Evropy: harakteristika kultur, hronologiya i periodizatsiya (The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: Izd-vo OOO “NTC”, 347-352 (in Russian).

9. Samashev, Z., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2007. In: *Voprosy istorii I arheologii Zapadnogo Kazahstana (Questions of history and archeology of Western Kazakhstan)*, 1, 87-102 (in Russian).

10. Samashev, Z., Ermolaeva, A., Loshakova, T. N. 2013. In: Samashev, Z., Stoellner, T. (eds.). *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. T. I [Catalogue of the exhibition]*. Bochum, 245–258.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.08.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 09.08.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.09.2021.

**К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА
НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОДИЩА КУЛЬТОБЕ:
по данным археозоологического анализа (2020–2021 гг.)***

© 2021 г. Шагирбаев Мамбет Сапарбекович¹,
Ержигитова Айсұлу Асқаровна², Казизов Ерлан Сатыбалдыевич¹,
Сорокин Денис Викторович³

¹автор-корреспондент, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: mambet_87@mail.ru;

²научный сотрудник, Туркестанский областной историко-краеведческий музей,
г. Шымкент, Казахстан. E-mail: aisulu6767@mail.ru;

¹научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: kazizov83@mail.ru;

³научный сотрудник, ТОО «Rutrum», г. Алматы, Казахстан. E-mail: ddac_denis@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты археозоологических исследований, проведенных на материалах, собранных в ходе археологических раскопок средневекового городища Культобе в период с 2020 по 2021 гг. Остеологический материал изучался и группировался по видам животных, элементам скелета и возрастным особенностям. Изучено 3815 костей, из которых определено 3197 костей. Остатки мелкого рогатого скота составляют 62,4%, крупного рогатого скота – 17,1%, лошади – 15,6%. Найдены кости верблюда, осла, собаки, кулана, сайги, архара и птиц. Роль охоты в хозяйстве у жителей городища была незначительной. В ходе проведения морфометрического анализа костей животных было установлено, что у ряда животных имеются анатомические особенности. Среди остеологических материалов было выявлено большое количество (более 800) лопаток и все они принадлежали мелкому рогатому скоту. Лопатки этого вида были найдены на нескольких объектах в сгруппированном виде. В большинстве случаев на них сохранились следы от «порезов» и «проколов». Массовое обнаружение лопаток мелкого рогатого скота связывается с обрядом «гадания на лопатке». Раскопанные объекты датируются XVIII–XIX вв. В отечественной археозоологической науке остеологические материалы из культурных слоев памятников, датируемых таким поздним временем, ранее не рассматривались. Изучение остеологических материалов, обнаруженных на городище Культобе, является актуальным в определении динамики роста численности животных в хозяйстве населения Туркестанского региона, анатомических особенностей и обрядов, связанных с костями животных.

Ключевые слова: археология, Туркестанский регион, средневековое городище Культобе, археозоология, остеология, остеометрия, средневековая фауна, скотоводство, рацион питания, обряды

**КУЛТӨБЕ ҚАЛАСЫ ТҮРҒЫНДАРЫНЫҢ
ШАРУАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ЕРЕКШЕЛІКТЕРДІ ЗЕРТТЕУ:
археозоологиялық талдаулар негізінде (2020–2021 жж.)**

Шагирбаев Мәмбет Сапарбекұлы¹, Ержігітова Айсұлу Асқарқызы²,
Казизов Ерлан Сатыбалдыұлы¹, Сорокин Денис Викторович³

¹корреспондент-авторы, ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: mambet_87@mail.ru;

²ғылыми қызметкер, Түркістан облыстық тарихи-өлкетану музейі, Шымкент қ., Қазақстан. E-mail: aisulu6767@mail.ru;

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: kazizov83@mail.ru;

³ғылыми қызметкер, Rutrum ЖШС, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: ddac_denis@mail.ru

Аннотация. Мақалада 2020–2021 жылдар аралығында ортағасырлық Күлтөбе қаласына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында жиналған остеологиялық материалдары археозоологиялық тұрғыдан қарастырылды. Остеологиялық материалдар жануар түрлеріне, қаңқа элементтеріне және жас ерекшеліктеріне қарай топтастырылып, зерттелді. Жалпы 3815 дана сүйек зерттелініп, оның ішінде 3197 данасы жануар түріне қарай анықталды. Остеологиялық материалдардың ішінде уақ мал сүйектерінің мөлшері – 62,4%, ірі қара сүйектерінің мөлшері – 17,1%, жылқы сүйектерінің мөлшері – 15,6%. Аталған жануарлардан бөлек, түйе, есек, ит, құлан, ақбөкен, арқар және құс сүйектері анықталды. Қала тұрғындарында аңшылықтың рөлі үлкен болмаған. Жануар сүйектеріне морфометриялық талдау жүргізу барысында, бірқатар жануарларда анатомиялық ерекшеліктер бар екендігі анықталды. Остеологиялық материалдардың ішінде, бірнеше нысаннан уақ мал жауырындары топтастырылды (800-ден астам) және жауырындардың басым бөлгінде «кесу» және «тесуден» қалған іздер сақталған. Массалық деңгейде табылған қой жаруырындары «жауырыншылық» немесе жауырын арқылы бал ашу, болжам жасау ғұрпымен байланыстырылады. Археологиялық қазба жүргізілген нысандар XVIII–XIX ғасырлармен мерзімделеді. Отандық археозоология ғылымында мұндай кейінгі дәуірлермен мерзімделетін ескерткіштердің остеологиялық материалдары бұған дейін қарастырылмаған. Күлтөбе қаласынан табылған остеологиялық материалдарды зерттеу өз кезегінде Түркістан өңірі тұрғындарының шаруашылығындағы жануарлар санының өсу динамикасын, анатомиялық ерекшеліктерін және жануар сүйектерімен байланысты ғұрыптарды анықтауда өзекті болып табылады.

Түйін сөздер: археология, Түркістан өңірі, ортағасырлық Күлтөбе қаласы, археозоология, остеология, остеометрия, ортағасырлық жануарлар әлемі, мал шаруашылығы, тағам рационы, ғұрыптар

STUDYING of the PECULIARITIES of the FARMING of the POPULATION of the MEDIEVAL KULTOBE SITE: according to archaeozoological analysis (2020–2021)

Mambet Shagirbayev¹, Aisulu Erzhitova², Erlan Kazizov¹, Denis Sorokin³

¹corresponding-author, researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mambet_87@mail.ru;

²researcher, ATurkestan Regional Museum of History and Local Lore, Shymkent, Kazakhstan. E-mail: aisulu6767@mail.ru;

¹researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: kazizov83@mail.ru;

³researcher, Rutrum LLP, Almaty, Kazakhstan. E-mail: ddac_denis@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of the conducted archaeozoological studies, based on materials collected during the archaeological excavations of the medieval settlement of Kultobe during the period from 2020 to 2021. The osteological material was studied and grouped by animal species, skeletal elements and age characteristics. 3815 bones were studied, of which 3197 bones were determined. The remains of small cattle make up 62,4%, cattle – 17,1%, horses – 15,6%. The bones of camel, donkey, dog, kulan, saiga, argali and birds were found. The role of hunting in the economy of the inhabitants of the settlement was

insignificant. During the morphometric analysis of animal bones, it was found that a number of animals have anatomical features. Among the osteological materials, a large number (more than 800) of shoulder blades were identified, and all of them belonged to small cattle. The shoulder blades of this species were found on several objects in a grouped form and, for the most part, traces of “cuts” and “punctures” were preserved on them. The mass discovery of the scapular bones of small cattle is associated with the rite of “divination on the scapula”. The excavated objects date back to the XVIII–XIX centuries. In the Russian archeozoological science, osteological materials from the cultural layers of monuments dating from such a late time were not previously considered. The study of osteological materials found at the Kultobe settlement is relevant in determining the dynamics of the growth of the number of animals in the economy of the population of the Turkestan region, anatomical features and rituals associated with animal bones.

Keywords: archaeology, Turkestan region, medieval settlement of Kultobe, archaeozoology, osteology, osteometry, medieval fauna, cattle breeding, diet, rituals

Введение

В отечественной науке исследование костных остатков, происходящих из культурных слоев средневековых городов Южного Казахстана, находится на начальном этапе. Osteологические материалы из Туркестанского региона остаются совершенно неизученными. В статье впервые в научный оборот вводятся результаты исследования остеологических материалов, полученных в ходе раскопок средневекового городища Культобе (рис. 1).

Археологический памятник городище Культобе является частью старого города Туркестан (Ескі Түркістан) и расположен в буферной зоне объекта Всемирного наследия – Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави (в 350 м от него). Географические координаты памятника: 43°17'35"N 68°16'15"E. Территория памятника занимает 27 га (рис. 1–2) [Хазбулатов, 2020, с. 13]. Е.А. Смагулов по результатам исследования городища Культобе выявил следующие периоды: 1. Кангуйский (II в. до н.э. – IV в.); 2. Тюркский (VI–IX вв.); 3. Караханидский (XI–XIII вв.); 4. Тимуридский (XIII–XVI вв.); 5. Казахского ханства (XVI–XVIII вв.); 6. Кокандский (XIX в.);

7. Российский (1867–1917 гг.); 8. Советский (1917–1992 гг.); 9. Слой мусора и завалов 1992–2019 гг. [Смагулов, 2017, с. 13]. Изученные костные остатки животных были собраны из слоя, соответствующего Кокандскому периоду.

В ходе археологических исследований, проведенных на памятнике в 2020–2021 гг., выявлено в общей сложности – 3815 костей животных. Около 50% костей животных обнаружены на археологических объектах под названием «Зикр хана» и «Тахарат хана», остальные костные останки обнаружены в различном объеме на нескольких археологических объектах, выявленных в городище Культобе. Среди костей животных, найденных в вышеупомянутых «зикр хана» и «тахарат хана», более 50% составляют лопатки мелкого рогатого скота. В связи с этим ниже приводится описание двух археологических объектов.

Зикр-хана XVII–XIX вв. Анализ архитектурно-планировочной структуры объекта, массивность стен и изолированность от окружающей застройки указывает на его культовый характер. Объект структурно состоит из двух частей: ритуальное помеще-

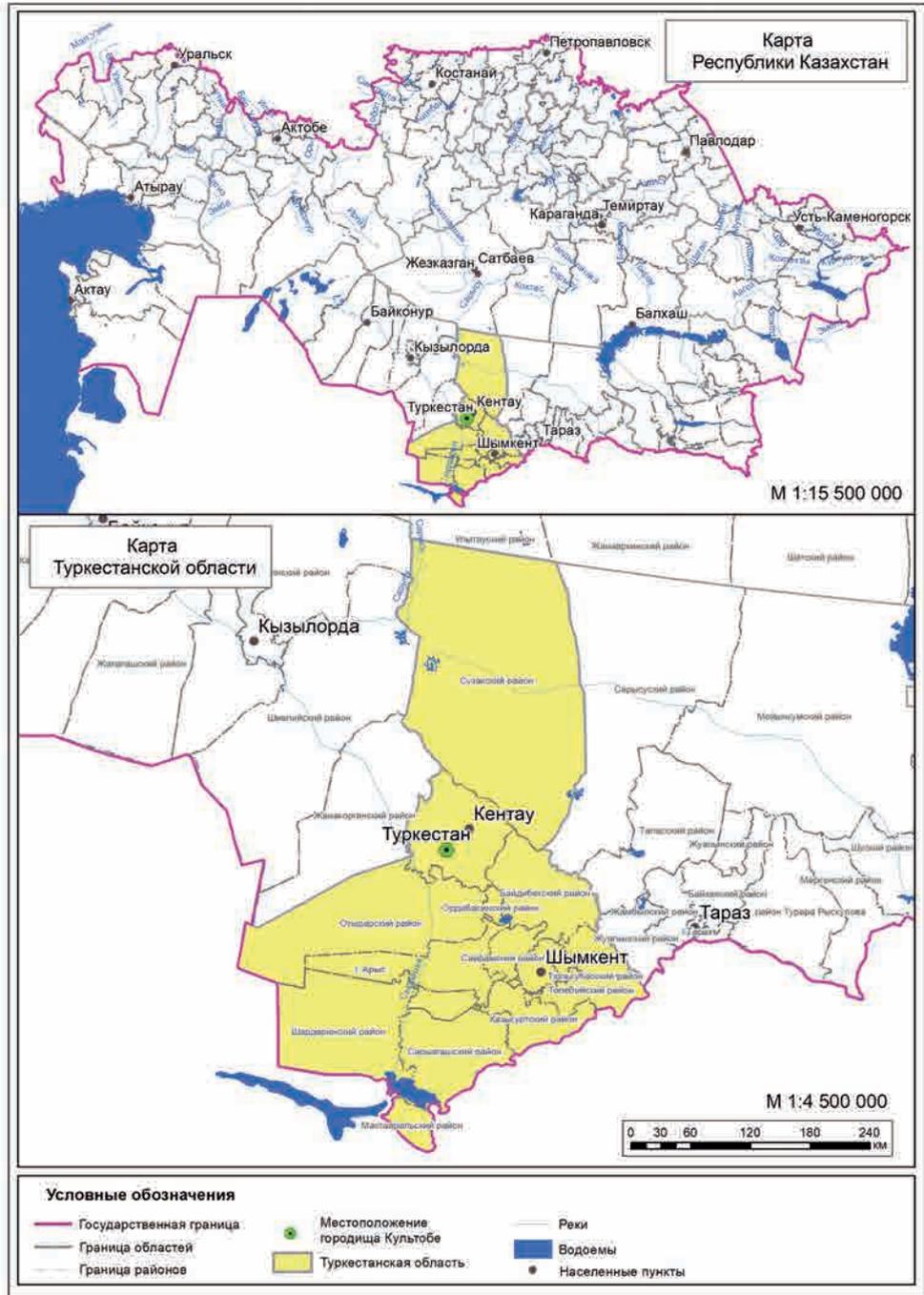

Рис. 1. Местонахождение городища Культобе на карте Казахстана.
Исполнитель карты Е. Казизов

Fig. 1. Location of the settlement of Kultobe on the map of Kazakhstan.
Map by E. Kazizov

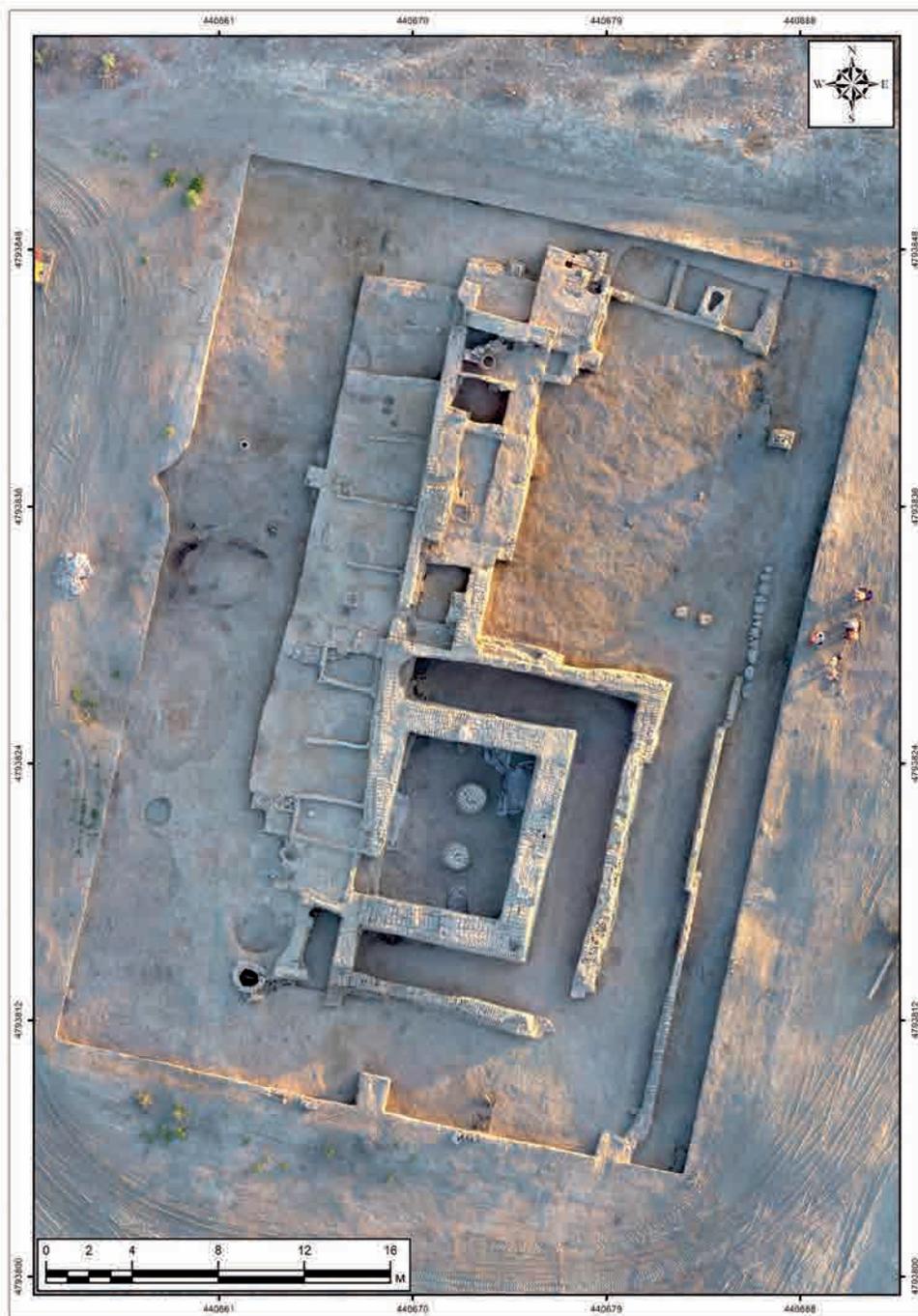

Рис. 2. Аэрофото городища Культобе. Фото ТОО «Rutrum»

Fig. 2. Aerial photo of the settlement of Kultobe. Photo by "Rutrum" LLP

ние (зикр-хана) для осуществления обрядов, расположенное в южной части объекта; комплекс жилых и хозяйственных помещений, состоящий из 12 худжр и трех хозяйственных комнат. Ритуальное помещение состоит из центрального зала, перекрытие которого поддерживалось двумя массивными колоннами и обходного коридора, ведущего на второй этаж. Данный комплекс существовал в течение 300 лет и содержит несколько строительных периодов. К первому периоду относится древнее кладбище, на котором был построен данный комплекс; ко второму – зикр-хана; к третьему – жилые и хозяйственные постройки, опоясывающие зикр-хану. Наличие жилых помещений, отме-

ченных наличием напольных очагов, однако подразумевавших временное проживание, позволяет предположить регулярное посещение комплекса паломниками для совершения духовных медитативных практик (зикр), развитых в среде суфиев. Комплекс хозяйственных помещений, напротив, обращен во внутренний двор, окруженный глинобитной стеной (дувалом) и сосредотачивал в своих границах всю хозяйственно-бытовую деятельность комплекса (рис. 3). Из *Зикр-ханы* происходит 315 костей, из которых 261 кость определена до вида (табл. 1). Кроме этих костей в скоплениях было найдено 120 лопаток мелкого рогатого скота. На поверхности большинства лопаток присутствуют порезы и от-

*Рис. 3. Зикр-хана (культурное сооружение суфиев). XVII–XIX вв.
Фото Е. Казизова*

*Fig. 3. Zikr-hana (the cult structure of the Sufis). 17th–19th centuries.
Photo by E. Kazizov*

верстия в заострой ямке, а также выемки в дорсальных краях.

Тахарат-хана XIX в. Объект имеет культовое значение, так как в первую очередь предназначался для осуществления омовения перед молитвой. Представляет собой комплекс, состоящий из трех частей: 1. Место омовения, расположенное в центральной части постройки, выделяется сплошной выстилкой жженым кирпичом и несколькими очагами для подогрева воды; 2. В южной части расположены помещения для массажа и лечебных процедур, обозначенные рядом суф, которые с большой долей вероятности по верху были выложены жженым кирпичом; 3. В северной части расположен большой зал с колоннами для отдыха. В юго-восточной части к тахарат-хане пристроен большой резервуар для воды – сардоба, из которого доставляли воду в сам объект. Планировочная структура указывает на сложную взаимосвязь процессов (в т. ч. технологических), происходивших внутри данного комплекса. Конструктивная схема предполагает по большей части плоские балочные перекрытия, поддерживаемые стойками-колоннами (залы в северной и центральной частях комплекса), что, однако, не исключает вероятности того, что часть помещений имела купольные перекрытия (рис. 4). Из тахаратханы происходит 530 костей, из них 477 костей определены до вида (табл. 1). Кроме них на участке, расположенном ближе к резервуару, найдено 744 лопатки мелкого рогатого скота, которые также имеют разные следы (отверстия, порезы и выемки).

Методы исследования

Изучено 3815 костей млекопитающих, три кости пресмыкающихся

и три кости птиц, среди которых 3197 (84%) кости определены до вида (табл. 1). Описание материала проводилось по стандартным методикам: определялся видовой состав костных остатков, состав элементов скелета каждого вида, возрастные особенности костных остатков (приросли или нет эпифизы, состояние зубной системы или смена зубов, зарастание швов на черепахах) и характер раздробленности. Отмечалось наличие на костях порезов, погрызов животными, следов огня и другие особенности.

По степени раздробленности кости разделены на три группы – целые, условно целые и фрагменты. К условно целым отнесены: целые верхние и нижние концы и целые диафизы плечевой, лучевой, бедренной, берцовой кости и метаподий, целые суставные впадины лопатки и таза; целые зубные ряды верхних и нижних челюстей; целые тела позвонков; ребра, сохранившиеся более чем на половину и локтевой отросток с суставной впадиной локтевой кости. К фрагментам отнесены более мелкие фрагменты костей. В таблицах к «целым» костям отнесены все целые и условно целые кости. Ряд костей представлены мелкими фрагментами, для которых было невозможно определить элемент скелета и видовую принадлежность. В этом случае определение проводилось до уровня таксонов разного ранга – от рода до класса. Сильно фрагментированные кости млекопитающих определялись как «млекопитающие не определимые». Помимо костей млекопитающих и птиц определялись кости черепахи. При раскопках было найдено несколько скоплений лопаток. Их описание дано отдельно.

Для анализа соотношения отделов скелета кости каждой группы до-

Рис. 4. Тахарат-хана (место для омовения). XIX в. Фото Е. Казизова
Fig. 4. Taharat-hana (a place for performing ritual ablution). 19th century.
Photo by E. Kazizov

машних копытных были сгруппированы следующим образом (табл. 3). Отдел «Голова» включает кости черепа, нижнюю челюсть и подъязычную кость. Отдельно выделена группа «Изолированные зубы». «Туловище» включает позвонки, ребра и грудину. «Верхний отдел конечностей»: лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая кости и коленная чашечка. К «Нижнему отделу конечностей» отнесены карпальные и тарзальные кости, пястные, плюсневые и метаподиальные кости и фаланги 1–3.

В ходе проведения описания костных остатков животных использовано руководство А.И. Акаевского [Акаевский и др., 2005, с. 65–120], при определении состава отделов скелета использована методика П.А. Косинцева [Косинцев, 2017, с. 301; Косинцев и др., 2020, с. 203; Шагирбаев, 2020а, с. 163]. При определении отдельных фрагментов использовалась коллекция эталонов, собранных М.С. Шагирбаевым и Б.У. Байшашовым в лаборатории археологических технологий Института археологии им. А.Х. Маргулана [Шагирбаев, 2020в, с. 147]. Кости крупного рогато-

го скота, овцы и лошади измерялись по методике А. Дриш [Driesh, 1976], некоторые кости лошади измерялись по методике В. Эйзенманн [Eisenmann, 1982, с. 75–103]. Определение индивидуального возраста забитых особей проведено по состоянию зубной системы [Silver, 1970, с. 286–295]. При описании сохранности костей использовался метод Н.Г. Ерохина и О.П. Бачуры [Ерохин, Бачура, 2011, с. 62–69]. В отдельном описании костей использовалась международная ветеринарная анатомическая номенклатура, утвержденная Всемирной ассоциацией ветеринарных анатомов [Международная..., 2013, с. 33–55]. Полученные данные при морфометрическом исследовании костных остатков из городища Культобе сравнивались с остеометрическими данными костных остатков из средневековых торткулей Таласской [Ақымбек, Шагирбаев, 2020, с. 91–94] и Илейской долин [Савельева, Шагирбаев, 2020, с. 393–397], а также средневековыми городищами Талгар [Шагирбаев, 2020б, с. 117–123], Шымкент [Шагирбаев и др., 2021, с. 25–45] и Жанкент [Гайдученко, 2014, с. 165–175].

Таблица 1 – Видовой состав костных остатков из культурного слоя городища Культобе

Table 1 – Species composition of bone remains from the cultural layer of the settlement of Kultobe

Зикр-хана XVII–XIX вв.		
Виды	Количество костей (экз.)	Количество костей в (%)
<i>Домашние животные</i>		
МРС – <i>Capra et Ovis</i>	71*/15	27,5
Овца – <i>Ovis aries</i>	50/10	19,3
Коза – <i>Capra hircus</i>	9/3	3,4
КРС – <i>Bos taurus</i>	61/7	23,6
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	43/6	16,6
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	8/4	3,1

Собака – <i>Canis familiaris</i>	9/2	3,4
<i>Дикие животные</i>		
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	4/2	1,5
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	3/1	1,1
Всего (экз.)	258/50	100,0
Млекопитающие (крупные неопределимые)	26	
Млекопитающие (мелкие неопределимые)	28	
Журавль – <i>Grus B.</i>	1	
Курица – <i>Gallus gallus</i>	2	
Тахарат-хана XIX в.		
Виды	Количество костей (экз.)	Количество костей в (%%)
<i>Домашние животные</i>		
МРС – <i>Capra et Ovis</i>	231**/31	48,4
Овца – <i>Ovis aries</i>	51/3	10,6
Коза – <i>Capra hircus</i>	58/7	12,1
КРС – <i>Bos taurus</i>	61/4	12,7
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	66/6	13,8
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	10/3	2,0
Всего (экз.)	477/54	100,0
Млекопитающие (крупные неопределимые)	41	
Млекопитающие (мелкие неопределимые)	12	
Из остальных раскопок городища Культобе		
Виды	Количество костей (экз.)	Количество костей в (%%)
<i>Домашние животные</i>		
МРС – <i>Capra et Ovis</i>	732/29	45,9
Овца – <i>Ovis aries</i>	235/8	14,7
Коза – <i>Capra hircus</i>	20/3	1,2
КРС – <i>Bos taurus</i>	279/19	17,5
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	256/7	16,0
Осел – <i>Equus asinus</i>	2/2	0,1
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	37/2	2,3
Собака – <i>Canis familiaris</i>	9/2	0,5
<i>Дикие животные</i>		
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	14/6	0,8
Архар – <i>Ovis ammon</i>	1/1	-
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	2/2	0,1
Собака или волк – <i>Canis sp.</i>	2/1	0,1
Всего (экз.)	1592/82	100,0
Черепаша	3	
Млекопитающие (крупные неопределимые)	332	
Млекопитающие (мелкие неопределимые)	179	
<i>Примечание: *без учета лопаток МРС (120 экз.); **без учета лопаток МРС (744 экз.)</i>		

Таблица 2 – Состав элементов скелета домашних животных

Table 2 – The composition of the elements of the skeleton of domestic animals

Название костей	Лошадь		КРС		Верблюд		МРС		Овца		Коза		Осел	Собака	
	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф	В	Ц	Ф
Рог	0	0	1		0	0	0	1	6	2	8	4	0	0	0
Череп	1	9	0	1	0	2	0	24	1	13	1	2	0	4	0
Вер. челюсть	0	7	0	5	0	4	0	11	1	10	0	3	0	0	0
Ниж. челюсть	0	17	0	11	0	5	5	115	11	21	1	15	0	0	0
Зубы	13	8	36	16	6	2	6	85	0	0	0	0	0	0	0
Атлант	3	1	2	2	0	0	1	3	1	0	0	0	0	0	0
Эпистрофей	1	1	1	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0
Позвонок	7	13	9	10	1	3	4	112	5	1	1	0	0	0	0
Ребро	17	36	11	50	0	3	18	195	4	0	0	0	0	3	0
Лопатка	18	28	5	25	0	5	3	38	1	64	5	1	0	1	0
Плечевая	4	11	3	14	0	3	3	51	0	22	1	8	0	0	3
Лучевая	3	7	5	11	0	4	2	55	0	3	0	0	0	0	0
Локтевая	3	8	0	6	0	1	2	24	0	11	4	2	0	2	0
Таз	4	6	1	4	0	0	2	67	0	17	0	1	1	0	0
Бедренная	3	5	2	15	0	1	2	54	0	16	0	1	1	0	2
К. чашечка	1	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
Берцовая	6	10	3	10	0	0	3	87	1	30	0	1	0	3	0
Пястная	7	18	1	14	0	0	2	23	7	30	9	5	0	0	0
Плосневая	4	5	1	20	0	1	1	12	5	15	3	5	0	0	0
Грифельная	7	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Метаподия	0	15	0	57	0	3	0	13	0	4	0	0	0	0	0
Пяточная	6	2	7	6	0	0	0	2	1	1	0	1	0	0	0
Таранная	4	1	6	9	4	1	0	0	22	4	4	1	0	0	0
Кости запяст.	2	1	2	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Кости запл.	8	1	1	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Фаланга 1	11	1	5	4	3	1	2	0	5	0	0	0	0	0	0
Фаланга 2	4	4	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Фаланга 3	6	1		1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего (экз.):	143	222	105	296	15	40	58	976	71	265	37	50	2	13	5
	365		401		55		1034		336		87		2	18	
2298															

Таблица 3 – Соотношение отделов скелета домашних копытных

Table 3 – The ratio of the departments of the skeleton of domestic ungulates

Отдел скелета	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Голова	18	4,4	34	9,3	255	17,5
Изолированные зубы	52	12,9	21	5,7	91	6,2
Туловище	86	21,4	79	21,6	345	23,6
Верхний отдел конечностей	104	25,9	118	32,3	587	41,2
Нижний отдел конечностей	141	35,1	149	40,8	179	12,2
Всего:	401	100	365	100	1457	100

Видовой обзор

Мелкий рогатый скот – *Ovis aries* и *Capra hircus*. Кости мелкого рогатого скота весьма многочисленны в культурном слое городища Культобе и составляют почти 62,4% от общего количества костных остатков животных, которые были найдены при рас-

копках этого памятника (табл. 1). Всего было определено 1457 костей, происходящих минимально от 108 особей разного пола и возраста (рис. 5).

Овце принадлежит 336 кости, козе – 87 и 1034 – определено как мелкий рогатый скот. Далее эти кости будут рассматриваться обобщенно.

Рис. 5. Костные остатки мелкого рогатого скота: 1 – роговые стержни; 2 – фрагменты черепов; 3 – плечевые кости; 4 – лучевые и локтевые кости; 5 – плюсневые кости; 6 – пястные кости.

Фото М. Шагирбаева

Fig. 5. Bone remains of small cattle: 1 – horn rods; 2 – fragments of skulls; 3 – humerus bones; 4 – radius and ulna bones; 5 – metatarsal bones; 6 – metacarpal bones. Photo by M. Shagirbayev

Подавляющее большинство костей (88,7%) фрагментировано (табл. 2). Доля костей МРС занимает 62,4% от общего объема костей домашних копытных (табл. 1). Среди отделов скелета преобладают кости верхних отделов конечностей (41,2%), т. е. самые «мясные» части (табл. 3). Доля остальных отделов заметно меньше.

Об индивидуальном возрасте животных позволяют судить следующие данные. Так, 104 изученные с этой целью нижние челюсти дают такую картину распределения по возрасту животных (табл. 4):

Таблица 4 – Возрастной состав мелкого рогатого скота

Table 4 – Age composition of small cattle

Состояние системы коренных зубов нижних челюстей	Возраст, месяц	Количество костей	
		Абс.	%
M ₁ нет	До 3	4	3,8
M ₁ есть, M ₂ нет	3–12	14	13,4
M ₂ есть, M ₃ нет	12–24	35	33,6
M ₃ есть	Старше 24	51	49,0
Всего:		104	100

Мы видим, что большинство нижних челюстей (86%) принадлежит особям в возрасте от 12–24 до 24 мес. и старше, причем обе эти возрастные группы представлены близко друг к другу. Следовательно, овцы и козы в более раннем возрасте употреблялись в пищу в ограниченном количестве. Еще более многочисленные данные для суждения о возрасте животных мы получаем при изучении прорастания эпифизов костей конечностей. О сроках синостозирования эпифизов упоминаются в трудах В.И. Цалкина [Цалкин, 1967, с. 123]. Исследования, проведенные на основе данных указанного автора, показывают следующие результаты (табл. 5).

Таблица 5 – Возрастной состав мелкого рогатого скота (по состоянию эпифиза)

Table 5 – Age composition of small cattle (according to the state of the epiphysis)

Признаки	Возраст	Экз.	%
Плечевая кость свободно от нижнего эпифиза	Возраст до 3–4 мес.	5	12,5
Берцовая кость свободно от нижнего эпифиза	Возраст моложе 15–20	15	37,5
Метаподии свободно от нижнего эпифиза	Возраст моложе 20–24	7	17,5
Пяточная кость свободно от <i>tuber calcanei</i>	Возраст моложе 3 лет	1	2,5
Лучевые и бедренные кости свободно от нижних эпифизов	Возраст моложе 3 лет	12	30,0
Всего:		40	100

Приведенные выше цифры дают картину возрастного состава использованных в пищу животных аналогичную той, которая была получена при изучении нижних челюстей. Почти половина всех животных имела возраст 15–20 мес. или 1–2 года. Возрастная группа до 3–4-месячного возраста показала одинаковый процент особей с полученными данными при изучении нижних челюстей.

Кроме вышеописанных методов в археозоологии широко используются метод определения возраста по зарастанию швов черепа. Метод позволяет выделить особей в фазе активного роста – молодых. При исследовании черепа под микроскопом зафиксировано две стадии зарастания швов: 1) шов открыт (контакт между костями не полный); 2) шов полностью зарос. В результате исследования было установлено, что на 9 из 10 черепов зарастание швов полностью не завершено (рис. 6).

В археозоологических исследованиях встречаются трудности в

видовом определении костей коз и овец. Во-первых, это связано с тем, что анатомическое строение двух названных животных сильно сходно между собой. Во-вторых, кости овец и коз в большинстве случаев являются типичными «кухонными» остатками, которые доходят до исследователей в сильно фрагментированном виде.

Тем не менее, изучение количественного соотношения между двумя этими видами в остатках из раскопа Культобе обнаруживает значительное преобладание овец над козами. Например, из 17 фрагментов черепа 14 (82,3%) оказались принадлежащи-

ми овцам и только три (17,6%) – козам. Равным образом, из 79 метаподий – 57 (75%) принадлежали овцам и 22 (25%) – козам. Костные стержни баранов немногочисленны и все настолько сильно разрушены, что непригодно для измерений. Среди костных остатков встречались фрагменты мозгового отдела черепа, на которых стержни рогов отсутствуют. Возможно, большую часть поголовья составляли комылые животные.

Ниже приведены остеометрические данные костей овец, происходящие с городища Культобе (табл. 6).

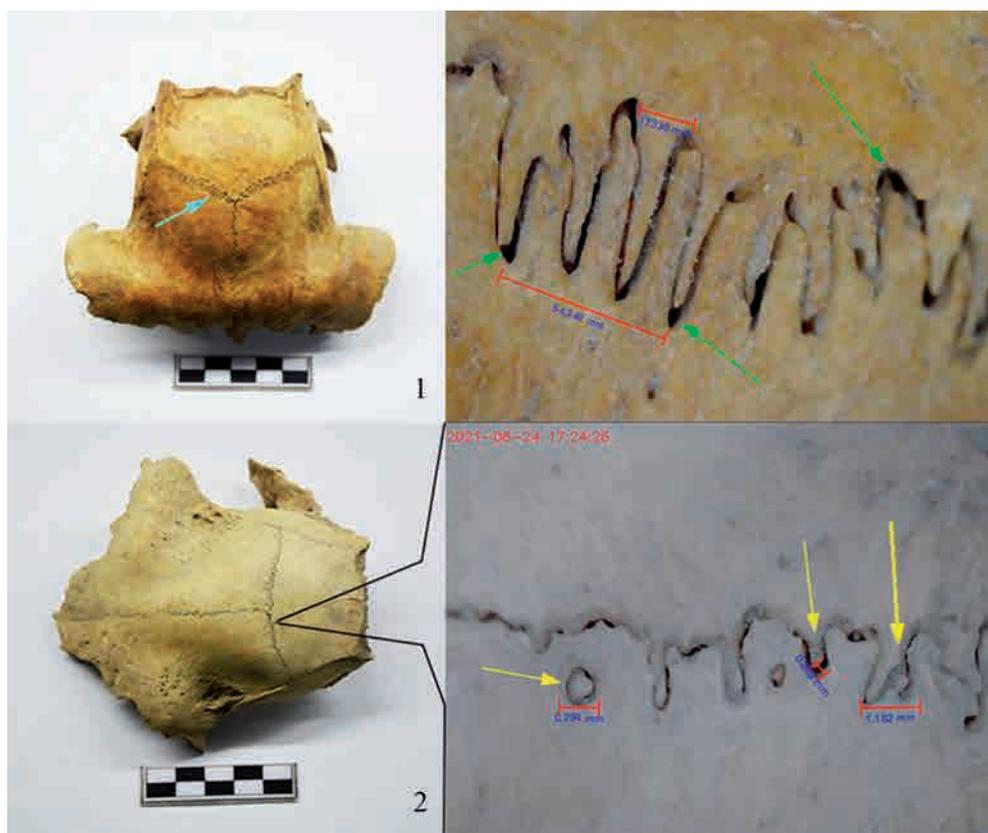

Рис. 6. Состояние швов между теменными и лобными костями (*sutura coronalis*).
Фото М. Шагирбаева

Fig. 6. The condition of the sutures between the parietal and frontal bones (*sutura coronalis*).
Photo by M. Shagirbayev

Таблица 6 – Размеры костей овцы из городища Культибе

Table 6 – The size of the bones of a sheep from the settlement of Kultobe

Признаки	n	Lim	M
Рог – Cornu*			
Диаметр основания рога (латеро-медиально)	15	56,3–35,1	44,33
Нижняя челюсть – Mandibula			
Альвеолярная длина зубного ряда (pm-m)	40	88,0–70,5	80,21
Альвеолярная длина моляров (m)	39	59,5–47,9	54,91
Альвеолярная длина премоляров (pm)	52	44,6–22,5	30,86
Длина диастемы	19	52,5–32,4	43,16
Высота нижней челюсти после m3	7	48,6–36,4	41,47
Высота нижней челюсти перед m1	27	30,7–23,2	26,65
Высота нижней челюсти перед p1	31	24,0–16,3	19,89
Плечевая – Humerus			
Ширина нижнего суставного блока	59	39,6–29,8	34,05
Наибольшая ширина диафиза	37	21,4–15,0	18,03
Лучевая – Radius			
Ширина верхнего конца	52	42,7–27,9	35,38
Ширина нижнего конца	8	35,9–31,2	33,64
Таз – Os coxae			
Длина вертлужной впадины включая ацетабулярного края	45	40,6–28,2	34,91
Длина запертого отверстия	12	49,9–12,9	36,26
Наименьшая ширина большой седалищной вырезки	18	14,9–11,3	12,36
Бедренная – Femur			
Ширина верхнего конца	6	52,8–42,5	50,03
Ширина головки бедренной кости	8	25,0–21,9	23,26
Берцовая – Tibia			
Ширина дистального конца (медиа-латерально)	47	36,0–25,4	30,07
Ширина дистально конца (кранио-каудально)	47	27,9–19,6	23,02
Наибольшая ширина диафиза	21	16,1–12,2	13,52
Коленная чашечка – Patella			
Наибольшая длина	3	34,0–31,2	32,7
Наибольшая ширина	3	26,7–23,8	25,46
Таранная – Talus			
Длина медиальная	8	35,2–28,0	31,13
Длина латеральная	7	36,5–29,5	32,54
Длина сагиттальная	9	28,6–24,3	26,4
Ширина дистального конца	10	22,7–18,7	21,03
Поперечник с латеральной стороны	9	20,1–16,7	18,37
Пясть – Metacarpale III+IV			
Ширина верхнего конца	40	30,5–23,9	27,07
Ширина диафиза	41	19,5–13,0	16,02
Ширина нижнего конца	20	31,1–26,9	29,13
Длина наибольшая	15	164,1–133,7	143,09
Плюсна – Metatarsale III+IV			
Ширина верхнего конца	30	27,2–20,1	24,36
Ширина диафиза	29	16,6–11,9	14,58
Ширина нижнего конца	5	30,2–26,9	28,24
Длина наибольшая	9	160–122,7	144,0

Примечание: *кости принадлежат козе

Вопросы о гадании на лопатке

Ранее мы уже упоминали о бараньих лопатках, найденных в скоплении. Всего изучено 864 лопаток, из них 450 – левые, 414 – правые. В ходе археозоологического исследования определена принадлежность шести лопаток козе и 65 лопаток – овце. Остальные 793 лопаток из-за отсутствия некоторых анатомических признаков определены как происходящие от МРС.

Большинство лопаток имеет разные следы: сквозные порезы, от-

верстия, выемки и т.д. Лопатки с двумя или тремя сквозными порезами – 79 экз., из них 34 левых, 45 правых. С одним сквозным порезом – 125 экз., из них 70 левых, 55 правых. С одним или двумя сквозными отверстиями – 20 экз., из них 13 левых, 7 правых. Лопатки со срезанной остью 15 экз., из них 5 левых, 7 правых. Лопатки с патологическими изменениями 8 экз., из них 1 левая, 7 правых. Лопатки с отверстием латеральной поверхности шейки – 22 экз., из них 8 левых, 14 правых (рис. 7–8).

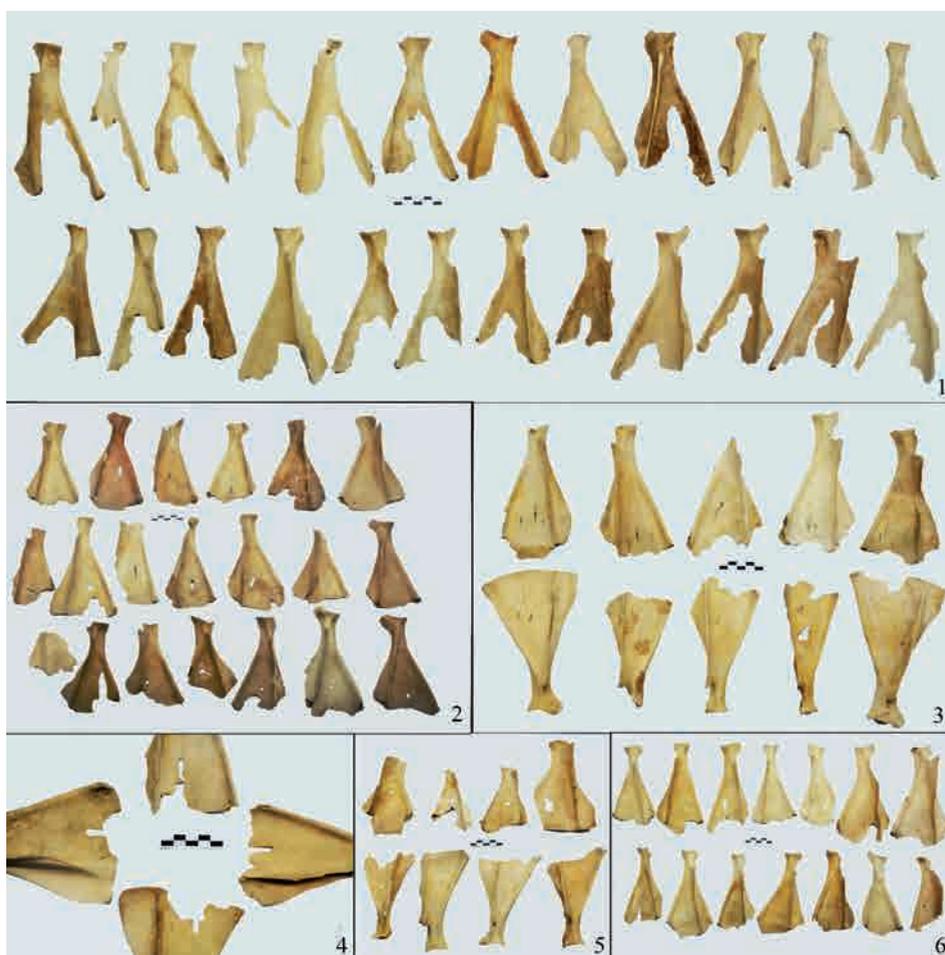

Рис. 7. Лопатки мелкого рогатого скота со следами порезов, проколов и выемок.
Фото М. Шагирбаева

Fig. 7. Scapulae of small cattle with the traces of cuts, punctures and recesses.
Photo by M. Shagirbayev

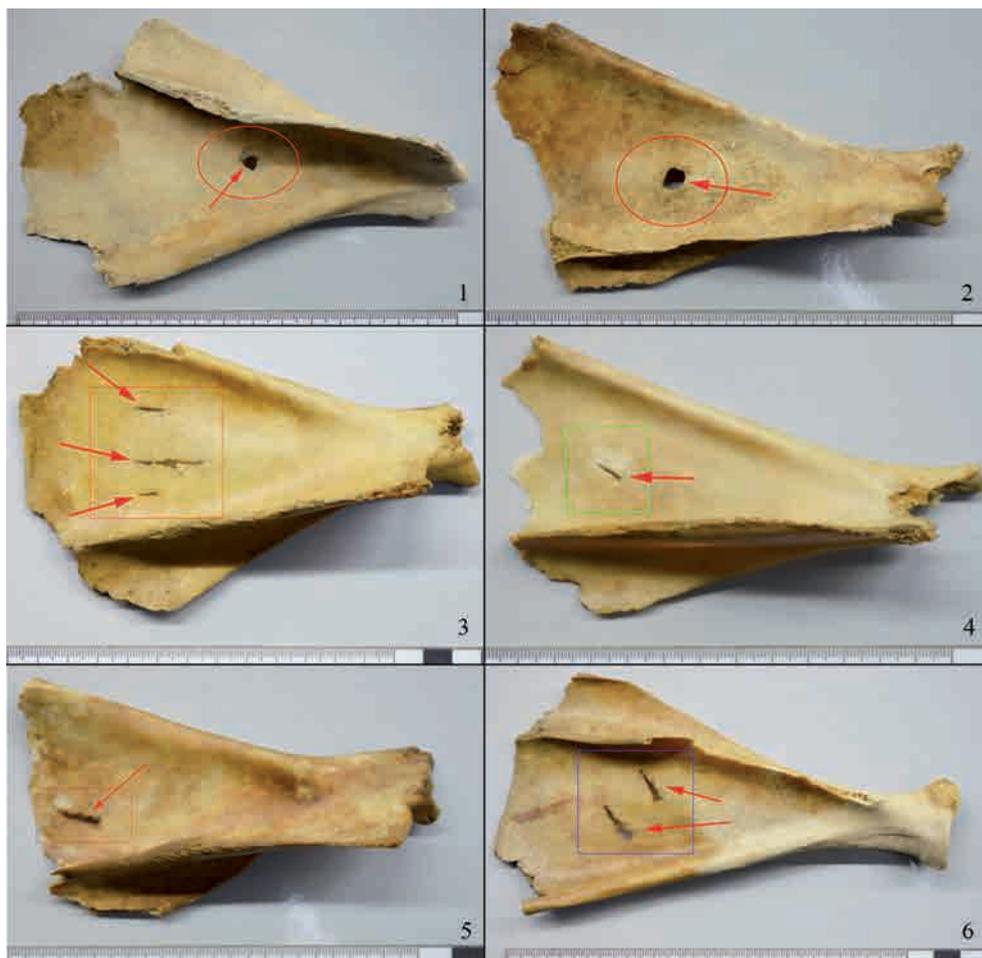

Рис. 8. Бараньи лопатки со следами сквозных порезов и отверстиями.
Фото М. Шагирбаева

Fig. 8. Sheep's shoulder with traces of through cuts and holes.
Photo by M. Shagirbayev

Верования, связанные с отношением человека к определенным частям тела домашних животных, занимают важное место в традиционном понимании казахов и берут начало с древности. Например, в обряде «жертвоприношение», встречающемся с древнейших времен, главным атрибутом был баран (овца). В сакральном отношении особое место занимает лопатка овцы. Первые письменные источники об искусстве гадания на бараньей

лопатке у кочевников встречаются у Гильома де Рубрука и Плано Карпини [Путешествие..., 1957, с. 149, 152, 156]. В записках Рубрука было написано, что он видел «гадание овечьей лопаткой» во дворце Мангу-хана: «<...> Этот способ гадания происходит так: когда хан хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет

искать совета, приступать к нему или нет, а затем передает служителю кости для сожжения» [Путешествие..., 1957, с. 149]. В.В. Радлов в своем труде дает следующие сведения о гадании лопаткой: «<...> Гадание по трещинам на бараньей лопатке, которую некоторое время подержали в огне – широко распространено у киргизов. Этим также занимаются в равной мере, как профессиональные прорицатели, так и другие люди. Лопатку следует с определенными заклинаниями очистить. Нельзя ни обглаживать ее, ни срезать хрящи ножом» [Радлов, 1989, с. 305]. Кроме того, В.В. Радлов пишет, что турецкие мясники в Анадолах ломали (вследствие чего также могли происходить определенные следы на кости – Ш.М.) лопатку, прежде чем продать покупателю [Радлов, 1989, с. 305]. Б. Хинаят, проведя исследования о сакральности бараньих лопаток, пишет, что гадание на бараньей лопатке берёт свое начало с древнейших времен и доходит до XX в. [Хинаят, 2001, с. 119–124]. В письменных источниках сообщается о сжигании бараньей лопатки. Но лопатки, найденные на городище Культобе, не были сожжены. На 30% лопаток сохранились следы механического воздействия (порезы, отверстие) и почти у всех лопаток на дорсальных краях имеются треугольные или квадратные выемки. Возможно, механизм гадания с использованием лопатки мог претерпеть изменения в более позднее время. Это подтверждают различные антропогенные признаки. В целом, несомненно, что найденные на городище Культобе бараньи лопатки являются ярким проявлением ритуального использования костей животных. Представленные в статье данные, являются ценным ис-

точником информации для этнографических исследований.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*. Крупному рогатому скоту принадлежит 401 кость, что составляет почти 17,1% от общего количества костных остатков животных, которые удалось определить из раскопок городища Культобе. Происходят они не менее чем от 30 особей разного пола и возраста. По обоим этим показателям он уступает только МРС, занимая в остатках из городища Культобе второе место. Подавляющее большинство костей (74%) фрагментировано (табл. 2). Среди отделов скелета преобладают кости нижнего отдела конечностей (35,1%), т. к. наиболее хорошо сохраняются плотные фрагменты трубчатых костей и фрагменты фаланг. Это характерно для костного материала из культурных слоев поселений и городищ. А доля костей головы животного заметно ниже остальных отделов (табл. 3). Многочисленные данные позволяют составить представление об индивидуальном возрасте животных, которым принадлежали кости из городища Культобе. Так, например, изучение состояния системы коренных зубов нижних челюстей (18 экз.) обнаруживает следующее распределение их по возрасту (табл. 7):

Таблица 7 – Возрастной состав крупного рогатого скота

Table 7 – Age composition of cattle

Состояние системы коренных зубов нижних челюстей	Возраст, месяц	Количество костей	
		Абс.	%
M ₁ имеется, M ₂ отсутствует	от 5–6 до 15–18	4	23%
M ₂ имеется, M ₃ отсутствует	от 15–18 до 24–28	3	16%
M ₃ имеется	Старше 24–28	11	61%
Всего:		18	100,0

Как показывают приведенные цифры, более 61% всех исследованных нижних челюстей происходит от животных старше 24–28 месяцев, то есть – от уже взрослых особей. К аналогичным результатам приводит изучение еще более многочисленных данных по состоянию синостозов на костях конечностей. Известно, в частности, что процесс срастания нижних эпифизов метаподии с телом кости завершается к 24–28 мес. [Цалкин, 1967, с. 116–117]. У изученных с этой целью 36 экз. пястных и плюсневых костей только 13,8% оказались еще свободными от эпифизов и, следовательно, 86,2% принадлежали животным старше 2–2,5 лет. Из 15 пяточных костей у 20% еще не произошло срастание *tuber calcanei* с телом кости, которое наблюдается в 3-хлетнем возрасте, тогда как у остальных 80% процесс синостозирования уже завершен, и они должны быть отнесены к животным старше 3 лет. Среди костных остатков были найдены кости телят (4 особи). Все эти данные показывают, что в преобладающем большинстве кости происходят от взрослых особей и, таким образом, стадо крупного рогатого скота содержалось в основном для получения молока. На 16 костях фиксируются следы погрызов собакой, две кости сожжены до белого цвета (кальцинированы).

Лошадь – *Equus caballus*. Этому виду принадлежит 365 кости от 19 особей (табл. 1). Разрушение костей весьма сильно, а его характер не оставляет сомнений в том, что оно связано с использованием мяса лошадей в пищу. Кости лошади, как и остальных копытных, сильно фрагментированы (61%) (табл. 2). Среди отделов скелета преобладают кости конечностей, доля

остальных отделов заметно меньше (табл. 3) (рис. 9).

Среди костных остатков лошади редко встречаются резцы и коренные зубы. Довольно редки и свободные от эпифизов длинные трубчатые кости конечностей. Из 6 пяточных костей 50% имеют *tuber calcanei* уже сросшийся с телом кости и, следовательно, принадлежат особям старше трех лет. Среди изученных 30 пястных и плюсневых костей только 13% оказались еще свободными от эпифизов. Таким образом, в пищу использовались, преимущественно взрослые животные. Высокий процент взрослых животных указывает на то, что лошадь использовали как тягловое животное или для верховой езды.

Хорошо сохранившиеся экземпляры длинных трубчатых костей позволяют определить рост культобинских лошадей, пользуясь для этой цели расчётами В.О. Витта [Витт, 1952, с. 172–173].

Культобинские лошади представляются довольно однородными по росту (табл. 8). Среди них не было обнаружено ни очень мелких, ни мелких, ни крупных по росту. Наиболее многочисленную группу среди них составляют средние лошади, а малорослые и рослые были очень редки. При сравнении с аналогичными данными по шымкентским, акыртасским и жанкентскими лошадьми, обращает на себя внимание заметное уменьшение у культобинских лошадей процента малорослых и увеличение процента средних. На поверхности 25 костей лошади фиксируются следы погрызов хищником, видимо собакой. Обнаружена одна кость с характерными следами погрызов копытным животным.

Рис. 9. Кости лошади: 1 – шейные позвонки; 2 – пястные;
3 – кости заплюсны и запястий, коленная чашечка, пяточная и таранная;
4 – плюсневые; 5 – лопатки; 6 – фаланги. Фото М. Шагирбаева

Fig. 9. Bone remains of a horse: 1 – the cervical vertebrae; 2 – metacarpal;
3 – the bones of the ankles and wrists, the kneecap, the heel and the talus;
4 – metatarsal; 5 – the shoulder blades; 6 – the phalanges. Photo by M. Shagirbayev

Таблица 8 – Сравнение высоты в холке лошадей из средневековых городищ

Table 8 – Comparison of the height at the withers of horses from medieval settlements

Высота в холке, в см	Культобинские XVII–XIX вв.	Шымкентские XVI–XIX вв. (по: [Шагирбаев и др., 2021, с. 43–44])	Акыртас X–XIII вв.	Жанкент VI–XI вв.
Очень мелкие (112–120)	–	28,5	–	–
Мелкие (120–128)	–	7,1	–	–
Малорослые (128–136)	16,6	7,1	–	25
Средние (136–144)	75,1	50,2	100,0	62,5
Рослые (144–152)	8,3	7,1	–	12,5
Крупные (152–160)	–	–	–	–
Всего:	100% (n=12)	100% (n=14)	100%(n=1)	100% (n=8)

Верблюды – *Camelus bactrianus*. Кости верблюдов довольно редки в культурном слое городища Культобе. Всего было найдено 55 костей, принадлежащих минимально 9 особям. В их числе обломки черепа (2 экз.), верхние и нижние челюсти (9), отдельные зубы (3), позвонки (6), ребро (10), лопатки (6), плечевые кости (3), лучевые кости (5), метаподии (4), а также, целые таранные (5) и фаланги (2). Судя по характеру разрушения костей, мясо верблюдов жителями городища Культобе использовалось в пищу. Немногочисленные кости верблюда происходят с ряда средневековых памятников Южного Казахстана.

Собака – *Canis familiaris*. На общем фоне остатков животных кости собаки выделяются своей гораздо лучшей сохранностью. Среди 18 определимых костей, происходящих минимально от четырех особей, имеются целые черепа и неповрежденные длинные трубчатые кости. Последних значительно больше, чем

разрушенных. Все эти признаки указывают на то, что мясо собак жителями городища Культобе в пищу не употреблялось. Все черепа происходят от взрослых особей (рис. 10–11).

Осел – *Equus asinus*. Обнаружены фрагменты тазовой и бедренной костей (табл. 2). Судя по состоянию эпифиза, бедренная кость принадлежала взрослому животному.

Сайга – *Saiga tatarica*. Всего данному виду принадлежит 18 костей. Выявлены три элемента скелета: рог (13 экз.), плечевые кости (2), плюсневые (3). На всех стержнях рогов костная ткань плотная, цвет желто-коричневый, в основании имеются следы рубки. Эпифизы плечевых костей срослись. Все кости принадлежат взрослому животному. Плюсневые кости сайги длинные, тонкие и костная ткань плотная. Цвет костей бело-желтый. Имеются следы порезов на дистальных концах диафиза.

Архар – *Ovis ammon*. Обнаружена плечевая кость. Диафиз плечевой

Рис. 10. Черепа собак. Фото М. Шагирбаева
 Fig. 10. Skulls of dogs. Photo by M. Shagirbayev

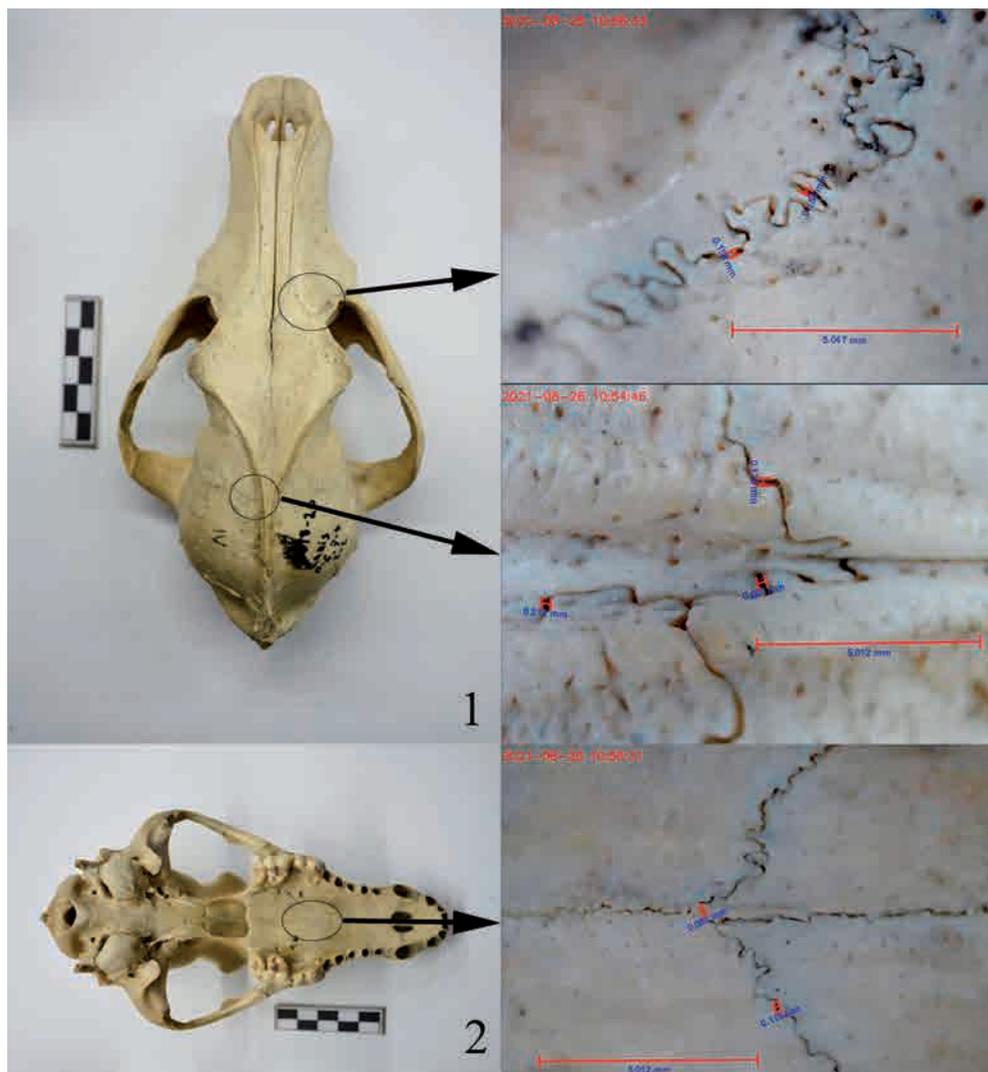

Рис. 11. Состояние швов на разных участках черепов собаки:
1 – вид с дорсальной поверхности; 2 – вид с вентральной поверхности.
Фото М. Шагирбаева

Fig. 11. The condition of the sutures on different parts of the dog's skulls.
1 – view from the dorsal surface; 2 – view from the ventral surface.
Photo by M. Shagirbayev

кости толстый, проксимальный эпифиз крупный. Костная ткань плотная, синтезирование костей полностью окончено, кость принадлежит взрослому животному. Ширина нижнего суставного блока – 43,6 мм. Наименьшая ширина диафиза – 25,1 мм.

Кулан – *Equus hemionus*. Обнаружены целые грифельные кости, а

также, фрагменты тазовой кости и лопатки. Все кости происходят от трех особей (минимально).

Собака или волк – *Canis sp.* Одна плечевая кость и ребро определены как волчьи. При определении учитывались только размерные особенности костей. Возможно, кости принадлежат крупной собаке.

Черепаша. Три фрагмента вентральной части панциря обнаружены среди костных материалов. Кости рыхлые, цвет костей серо-коричневый. Следы механических воздействий не обнаружены.

Курица – *Gallus gallus*. Фрагменты бедренной кости и грудины определены как куриные. Кости плохой сохранности. Костная ткань не плотная, цвет костей бело-серый.

Журавль – *Grus* В. Кость трубчатая, проксимальный и дистальный эпифиз разрублены, сохранился только диафиз. Поверхность кости не имеет следов механического воздействия.

Заклучение

Анализ видового состава костных остатков показывает, что почти все определяемые до рода и вида костные остатки принадлежат домашним копытным (99,0%). Среди них большую часть (73,4%) занимают кости мелкого рогатого скота. Среди МРС доминирует овца. Возрастной состав МРС неоднородный, встречаются кости животных разного возраста. Возможно, это связано с использованием овцы для получения шерсти и мяса. Количество коз, как уже отмечалось выше, было весьма ограничено.

Второе место по количеству костей занимает крупный рогатый скот (12,5%). Характер использования крупного рогатого скота имел мясомолочное направление (молочное доминирует). Следы использования КРС для физических работ не выявлено. Возможно, вместо КРС для физических работ использовались ослы.

Третье место занимает по своей численности лошадь (11,4%), использовавшаяся, видимо, наиболее разно-

сторонне: под седлом, как вьючное и как упряжное животное. Подобно крупному рогатому скоту, лошадь была источником получения молочных продуктов. Мясо лошади сушили и употребляли в пищу главным образом в зимние месяцы как «согым». Об этом свидетельствует большое количество раздробленных костей.

Верблюды были, по-видимому, малочисленны и образовывали очень незначительную часть стада. Животное использовалось как вьючное, а употребление его мяса в пищу не имело широкого распространения. Поскольку среди костных остатков данный вид составляет всего 1,7%.

Среди костных остатков домашних животных присутствуют кости собаки и осла. Кости собаки, обнаруженные в культурном слое, а также большое количество костей со следами погрызов собакой (свыше 200 экз.), свидетельствуют о том, что они постоянно жили на территории городища.

Дикие животные очень малочисленны и представлены как «мясными» (сайга, архар, кулан), так и «пушными» (волк) видами.

Костный материал из Культобе сильно фрагментирован (89,1%) и является типичными «кухонными» остатками. Части туши разных видов домашних копытных использовались по-разному, о чем свидетельствует соотношение остатков разных отделов.

На городище совершались обрядовые действия, например, «гадание на лопатке». В пользу этого свидетельствует обнаружение около 1000 лопаток МРС, половина которых - со следами механических воздействий.

Примечание

*Статья подготовлена в рамках реализации задач по Договору оказания услуг № ЮЛ/2021-8 от 23.02.2021 г., заключенному между ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» и РГКП «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» Комитета науки МОН РК.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акаевский А.И., Юдичев Ю.Ф., Селезнев С.Б.* Анатомия домашних животных / под ред. С.Б. Селезнева. М.: ООО «Аквариум-Принт», 2005. 5-е изд., перераб. и доп. 640 с.
2. *Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С.* Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің остеологиялық материалдары // Қазақстан археологиясы. 2021. № 1 (11). 72-100-бб.
3. *Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. XVI. С. 163-206.
4. *Гайдученко Л.Л.* Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009–2012 гг.) // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: «Арыс», 2014. С. 161-178.
5. *Ерохин Н.Г., Бачура О.П.* Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований / отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Наука, 2011. С. 62-69.
6. *Косинцев П.А.* Фауна позвоночных из святилищ раннего железного века на плато Устюрт // Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья / отв. ред. З. Самашев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 301-319.
7. *Косинцев П.А., Гимранов Д.О., Ломан В.Г.* Костные остатки животных из поселения финального бронзового века Донгал (Центральный Казахстан). Новые исследования // История и культура Великой Степи: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 26–27 августа 2020 г.) / отв. ред. М.К. Абусейтова. Алматы. «Шығыс пен Батыс», 2020. С. 200-205.
8. Международная ветеринарная анатомическая номенклатура на латинском и русском языках. 5-я ред.: Справочник / пер. и русская терминология проф. Н.В. Зеленецкого. СПб.: «Лань», 2013. 400 с.
9. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука / ред. Н.П. Шастин. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. 287 с.
10. *Радлов В.В.* Из Сибири. М.: Наука, 1989. 755 с.
11. *Савельева Т.В., Шагирбаев М.С.* Остеологические материалы из каравансарая Шенгельды // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». 2020. № 1 (64). С. 390-400.
12. *Смагулов Е.А.* Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 342 с.: ил.
13. *Хазбулатов А.* Архивно-библиографические материалы // Научный отчет по проекту «Реставрация исторических объектов городища Культобе» за 2020 год. Кн. 1. Нур-Султан, 2020. 399 с.
14. *Хинаят Б.* Жауырынның сакральды қызметінің тарихи-этнографиялық аспектілері // Отан тарихы. 2001. № 1. 119-122-бб.
15. *Цалкин В.И.* Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1967. Т. LXXII (1). С. 114-124.
16. *Шагирбаев М.С.* Екатеринбург қаласына ғылыми іс-сапар туралы // Қазақстан археологиясы. 2020а. № 1 (7). 161-166-бб.

17. Шағирбаев М.С. Остеологические материалы средневекового городища Талгар // Культурное наследие. 2020б. № 4. 115-128 бб.
18. Шағирбаев М.С. Палеозоолог Болат Уапиұлы Байшашов – 75 жаста // Қазақстан археологиясы. 2020в. № 2 (8). 145-149-бб.
19. Шағирбаев М.С., Сорокин Д., Казизов Е.С., Марыксин Д.В., Бычков В.С. Исследования остеологических материалов с городища Шымкент (2019–2020 гг.) // Культурное наследие. 2021. № 2 (93). С. 23-47.
20. Driesch A. V. A Guide to the measurement of animal bones from archeological sites // Preabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University. 1976. Bulletin 1. P. 21-101.
21. Eisenmann V., Karchound A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bulletin du Museum national histoire naturelle. Paris, 4 (1/2), 1982. P. 75–103.
22. Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research / D.R. Brothwell, E.S. Higgs (eds.). 2nd edition. New York: Praeger Publishing, 1970. P. 283–302.

REFERENCES

1. Akaevskiy, A. I., Yudichev, Yu. F., Seleznev, S. B. 2005. Seleznev, S. B. (ed.). *Anatomiya domashnikh zhivotnykh (Pet Anatomy)*. Moscow: “Akvariym-Print” (in Russian).
2. Akymbek, E. Sh., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Kazakhstan Archeology*, 1 (11), 72-100 (in Kazakh).
3. Witt, V. O. 1952. In: *Sovetskaya archeologia (Soviet archeology)*, XVI, 163–206 (in Russian).
4. Gaiduchenko, L. L. 2014. In: *Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Jankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive studies of the Jankent town (works 2011–2014))*. Almaty: “Arys” Publ., 161–178 (in Russian).
5. Erokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In: Tataurova, L. V. (ed.). *Metodika mezhdisciplinarnykh arheologicheskikh issledovaniy (Methodology of interdisciplinary archaeological research)*. Omsk: “Nauka” Publ., 62-69 (in Russian).
6. Kosintsev, P. A. 2017. In: Samashev, Z. (ed.). *Ancient sanctuaries of Ustyurt and the Eastern Aral Sea region*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 301-319 (in Russian).
7. Kosintsev, P. A., Gimranov, D. O., Loman, V. G. 2020. In: Abuseitova, M. K. (ed.). *Istoriya i kultura Velikoy Stepi (History and culture of the Great Steppe)*. Almaty: “Shygys pen Batys” Publ., 200-205 (in Russian).
8. Mezhdunarodnaya veterinarnaya anatomicheskaya nomenklatura na latinskom i russkom yazykah. 2013. (*International Veterinary Anatomical Nomenclature in Latin and Russian*). 5-ed.: Translation and Russian terminology by Prof. Zelenevskiy, N. V. Saint Petersburg: “Lan” Publ. (in Russian and Latin).
9. Shastin, N. P. (ed.) Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Gilioma de Rubruka. 1957. (*Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk*). Moscow: State-Publishing House of Geographical Literature (in Russian).
10. Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri (From Siberia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Savelyeva, T. V., Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskiye i sotsialno-politicheskiye nauki» (Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University. Series «Historical and socio-political sciences»)*, 1 (64), 390–400 (in Russian).

12. Smagulov, E. A. 2017. *Drevnii Turkestan: shtrihi k istoricheskomu portretu (Ancient Turkestan: touches to a historical portrait)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute (in Russian).
13. Khazbulatov, A. 2020. In: *Nauchnyi otchet po projektu «Restavrasia istoricheskikh obektov gorodishcha Kultobe» za 2020 god (Scientific report on the project "Restoration of historical objects of the settlement of Kultobe" for 2020)*. Book 1. Nur-Sultan (in Russian).
14. Khinayat, B. 2001. In: *Otan tarihy (History of the homeland)*, 1, 119-122 (in Kazakh).
15. Salkin, V. I. 1967. In: *Blliten moskovskogo obestva ispytatelei prirody. Otdel biologii (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, LXXII (1), 114-124 (in Russian).
16. Shagirbayev, M. S. 2020a. In: *Kazakhstan Archeology*, 1 (7), 161-166 (in Kazakh).
17. Shagirbaev, M.S. 2020б. In: *Kulturnoe nasledie (Cultural heritage)*, 4. 115-128 (in Russian).
18. Shagirbaev, M.S. 2020в. In: *Kazakhstan Archeology*, 2 (8), 145-149 (in Kazakh).
19. Shagirbayev, M. S., Sorokin, D., Kazizov, E. S., Maryksin, D. V., Bychkov, V. S. 2021. In: *Kulturnoe nasledie (Cultural heritage)*, 2 (93). 23-47 (in Russian).
20. Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University*. Cambridge, Bulletin 1, 21–101 (in English).
21. Eisenmann, V., Karchound A. 1982. In: *Bulletin du Museum national histoire naturelle*. Paris, 4 (1/2), 75-103 (in English).
22. Silver, I. A. 1970. In: *Science in archaeology: a survey of progress and research, 2nd edition*. New York: Prager Publishing, 283-302 (in English).

Мүдделер кактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер кактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.09.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 13.09.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.09.2021.

КҮЛТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ СҮЙЕК және МҮЙІЗ АРТЕФАКТІЛЕРІНЕ ТРАСОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУ (алдын ала мәліметтер)*

© 2021 ж. Саргизова Гүлзада Балтабекқызы¹

¹PhD докторант, кіші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: gulzada-87@mail.ru

Аннотация. Археологиялық ескерткіш – Күлтөбе қалашығы ескі Түркістан қаласының (Ескі Түркістан) бір бөлігі болып табылады және Дүниежүзілік мұра нысаны – Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің (одан 350 м қашықтықта) буферлік аймағында орналасқан. 2020–2021 жылдары Күлтөбе қалашығының аймағында бірнеше нысанда қазба жұмыстары жүргізілген болатын. Мақалада Күлтөбе ескерткішінен табылған сүйек құралдары мен бұйымдарының типологиялық және трасологиялық зерттеулері қарастырылған. Ағымдағы жылы трасологиялық зерттеу жұмыстарына 22 дана сүйек және мүйіз үлгілері алынды. Сүйек және мүйіз құралдары мен бұйымдары С.А. Семеновтың әдістемесі бойынша зерттелді. Сүйектен жасалған өнімдер Levenhuk DTX 700 LCD сандық микроскопында қаралып, фотоға түсірілді. Талдау нәтижесінде жеке құралдарда жұмыс іздері және олардың ерекшелік сипаттамалары анықталды. Сүйектен жасалған бұйымдарға тексеру жүргізілді; қолдан жасалған және өзге де түрленулердің іздері бар үлгілерді анықталды; алынған материалдарды – бұйымдарды, дайындау мен өндіріс қалдықтарын жүйелеу жүргізілді; бұйымдардың морфологиялық деректері анықталды. Ортағасырлық Күлтөбе тұрғындары қолда бар шикізатты тиімді пайдалана білген. Олар сойылған жануарлардың етін жеп, сүйектерін өңдеп, кейіннен күнделікті өмірде өз қажеттіліктері үшін пайдаланды.

Түйін сөздер: археология, Күлтөбе, ортағасыр, ескерткіш, трасология, сүйек және мүйіз индустриясы

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ ИЗ КОСТИ и РОГА ГОРОДИЩА КУЛЬТӨБЕ (предварительные данные)

Саргизова Гульзада Балтабековна¹

¹PhD докторант, младший научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, КазНУ им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: gulzada-87@mail.ru

Аннотация. Археологический памятник городище Культобе является частью старого города Туркестан (Ескі Түркістан) и расположено в буферной зоне объекта Всемирного наследия – мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави (в 350 м от него). В 2020–2021 гг. на территории городища Культобе проведены раскопочные работы на нескольких объектах. В статье представлены типологические и трасологические исследования костяных орудий и изделий, найденных на территории городища Культобе. В текущем году для проведения трасологического анализа отобрано 22 образца из коллекции ко-

стяных и роговых предметов. Для изучения изделий и орудий применялась методика С.А. Семенова. Поверхность артефактов была изучена с помощью цифрового микроскопа Levenhuk DTX 700 LCD. В результате анализа выявлено наличие следов от работы на отдельных орудиях, определены их характерные особенности. Произведен осмотр костяных артефактов; выполнено выявление образцов со следами рукотворных и иных видоизменений; проделана систематизация полученных материалов – изделий, заготовок и отходов производства; определены морфологические данные предметов. Население средневекового Күлтөбе эффективно использовало имеющееся сырье. Они питались мясом забытых животных, обрабатывали их кости и использовали в последующем для собственных нужд в повседневной жизни.

Ключевые слова: археология, Күлтөбе, средневековье, памятник, трасология, костяная и роговая индустрия

A USE-WEAR ANALYSIS of BONE and ANTLER ARTIFACTS from KULTOBE (preliminary data)

Gulzada Sargizova¹

¹PhD student, Junior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: gulzada-87@mail.ru

Abstract. The archaeological site of the Kultobe settlement is part of the old city of Turkestan (Eski Türkistan) and is located in the buffer zone of the World Heritage Site – the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (350 m from it). In 2020, excavation work was carried out on the territory of the Kultobe settlement at 9 sites. The article presents typological and trace evidence studies of bone tools and artifacts found in the Kultobe settlement. This year, 22 samples from the collection of bone and antler objects were selected for use-wear analysis. To study artifacts and tools, the technique of S. Semenov was used. The surface of the artifacts was studied using a Levenhuk DTX 700 LCD digital microscope. As a result of the analysis, the presence of traces of work on individual tools was revealed, their characteristic features were determined. Bone artifacts were inspected; identification of samples with traces of man-made and other modifications; systematization of the obtained materials – artifacts, samples and production wastes; raw materials and morphological data of objects are determined. The population of medieval Kultobe effectively used the available raw materials. The diet of residents included the meat of slaughtered animals. They processed their bones and then used them for their own needs in everyday life.

Keywords: archaeology, Kultobe, Middle Ages, monument, use-wear analysis, bone and antler industry

Kіріспе

Күлтөбе қалашығы Ұлы Яссауи кесенесінің аймағында Жібек жолы бойында орналасқан орналасқан¹. Күлтөбе қалажұрты ірі ежелгі мәдени, діни және сауда б.д.д. I мыңж. соңында пайда болған. орталығы. Қалашық Ескі Түркістан Ал, Ясы-Түркістан ретінде XIX ғ. қаласының бөлігі және Қожа Ахмет екінші жартысына дейін болған.

¹ Ескерткіштің орналасқан жері туралы ақпарат, зерттелген нысандардың қысқаша сипаттамасы және басқа да мәліметтерді М.С. Шағырбаевпен бірлескен авторлардың журналдың осы санындағы мақаласынан қараңыз – ред. ескертпесі.

Ескерткіштің аумағында 1973 ж. бастап Т.Н. Сенигованың жетекшілігімен археологиялық зерттеулер жүргізіле бастаған [Смагулов, 2017, с. 208–211]. Ескерткіштің археологиялық зерттелуі барысында мал сүйектері өңделген және өңделмеген түрде кездесіп отырған. Кейбір артефактілердің сипаттамалары беріліп отырғанымен, арнайы лабораториялық жұмыстары жүргізілмеген.

2020 ж. Күлтөбе қалашығының аймағында бірнеше қазба жұмыстары жүргізілген болатын [Хазбулатов, 2020, с. 19–23]. Мақалада 2020 ж. Күлтөбе ескерткішінен табылған сүйек құралдары мен бұйымдары типологиялық және трасологиялық зерттеулері қарастырылған. Ағымдағы жылы зерттеу жұмыстарына 22 дана сүйек және мүйіз үлгілері алынды. Аталған бұйымдарға алдымен типологиялық, морфологиялық талдау жұмыстары жүргізілді.

Зерттеу әдістері

Археологиялық жәдігерлерді, оның ішінде сүйек және мүйіз құралдарын зерттеуде типологиялық, трасологиялық, морфологиялық және басқа да сараптамалық әдістер бар. Осылардың ішіндегі трасологиялық әдістің маңыздылығы зор. Жалпы, трасология (французша «la trace» – «із» сөзінен шыққан) криминалистика ғылымының техникаларының бірі [Аверьянова, Белкин, 2000, с. 10]. Ол қылмыстың жасалу механизмін көрсететін іздердің пайда болу заңдылықтары мен теориялық негіздерін зерттейді және болған оқиғаны анықтау үшін оларды табу, тану әдістері және қылмысты ашу, зерттеу мақсатында із үлгілерін алу әдістерін көрсетеді.

XX ғ. археологияда трасологиялық зерттеу әдісі қолданыла бастады. Алғашқы рет ағылшын археологы У. Гринвел (1965) палеолиттік қырғыштарда өңдеу іздерін байқаған. Кейін Дж. Эванс құралдардан сызықты іздерді байқады. 1934 ж. С.А. Семенов тас және сүйек құралдарға микроскоптың көмегімен трасологиялық сараптама жұмыстарын жүргізді [Семенов, 1957, с. 17]. П.П. Ефименко «Костенки 1» еңбегінде трасологиялық сараптаманың әдістемесін қарастырды [Ефименко, 1958, с. 38]. Трасологиялық зерттеулердің дамуындағы жаңа сатысы американдық зерттеуші Л. Килидің еңбегінің жарық көруімен байланысты болды [Keeley, 1976, p. 115].

Сүйек және мүйіз артефактілер Levenhuk DTX 700 LCD сандық микроскоптың көмегімен қаралып, суретке түсірілді. Зерттеу жұмыстарының мақсаты – сүйек артефактілерді қарастыру және олардың түрлеріне қарай жіктеу, сандық микроскопты пайдалана отырып, трасологиялық зерттеулер жүргізу. Аталған мақсаттарды орындау барысында:

- адамның ықпалымен дайындалған, яғни арнайы дайындалған сүйек және мүйіз артефактілер қаралып, анықталды;
- алынған мәліметтерді жүйелеу жұмыстары жүргізілді;
- сүйек және мүйіз бұйымдардың шикізатты және морфологиялық сипаттары анықталды;
- сүйек құралдар мен бұйымдардың жалпы сипаттамасы жасалынды.

Күлтөбе ескерткішін зерттеу барысында сүйек және мүйіз бұйымдардың классификациялық кестесі құрылды (1-кесте).

1-кесте – Күлтөбе қалашығының сүйек және мүйіз бұйымдардың классификациясы
Table 1 – Classification of bone and antler tools and items of Kultobe monument

	Өңделген және тозған іздері сақталған	Алғашқы өңдеу жұмыстары жүргізілген	Өңделмеген және ешқандай іздер сақталмаған
Құралдар	Уақ малдың жауырындары (4 дана)	Ірі қара малдың төменгі жақ сүйектері (2 дана); ұсақ малдың жауырындары (6 дана)	
Бұйымдар	Уақ малдың түтікшелі жілік сүйектері (4 дана)		Уақ малдың асықтары (2 дана)
Дайындамалар		Уақ малдың (ешкі) мүйізі (1 дана); Ақбөкен мүйіздері (2 дана) Уақ малдың түтікшелі жілік сүйегі (1 дана)	

Көрсетілген сүйек артефактілердің негізгі шикізаты ретінде уақ малдың, қойдың түтікшелі сүйектері, жылқының төменгі жақ сүйектері, ақбөкен мүйізі және уақ малдың мүйізі таңдалған.

Алынған сүйек үлгілердің арасында көптеп кездесетіні уақ малдың жауырындары болып табылады. Күлтөбе ескерткішінен трасологиялық зерттеуге ұсынылған жауырындар – 10 дана. 4 дана жауырынның дорсальды² жиегі арнайы түзетілген (сур. 1), әсіресе екі жауырында түзету іздері өте жақсы сақталған. Бір түзетілген жауырынның каудальды бұрышында қызыл бояудың іздері сақталған. 3 дана жауырынның дорсальды жиегінде үшбұрышты сынық жасалған, біреуі көлемді болып келген, ал қалған екеуі кішіректеу. Барлық жауырындардың жалпақ, тегіс бетінде метал құралмен жасалған сызықты тесіктер бар. 4 дана жауырында бір сызықты тесіктер, біреуінде 2 сызықты тесік, 2 жауырында үш сызықты тесік жасалған. Тек бір жауырында сызықты тесік

кездеспейді, өйткені жауырынның негізгі жалпақ бөлігі үшбұрышты болып кесілген. Жауырындардың қыры (*spina scapulae*) көп жағдайда арнайы өңделмеген, табиғи жолмен сынған, тек 2 дана жауырында қырлары (*spina scapulae*) арнайы кесілген. Жауырындардың басқа бөліктерінде адам ықпалымен жасалған арнайы өңдеу іздері сақталмаған. Трасологиялық зерттеулер нәтижесінде Күлтөбе ескерткішінен табылған 4 жауырын арнайы метал құралдың көмегімен өңделгені анықталды. Сонымен қатар, жауырындарға бірнеше өңдеу жұмыстары жүргізілген: 1) 2 дана жауырынның қыры (*spina scapulae*) кесілген, 2) 4 жауырынның дорсальды жиегі кесілген және метал құралдармен түзетілген, 3) метал құралмен 9 дана жауырынның қырарты шұңқырына (*fossa infraspinata*) сызықты тесіктер салынған.

Жауырын – қазақтардың дәстүрлі идеологиялық таным-түсінігінде маңызды орын алатын,

² Оңтайлы сәтті пайдалана отырып мақаланы дайындау барысында берген кеңестері үшін М.С. Шағырбаевқа алғысымды білдіремін.

Сур. 1. Күлтөбе қалашығы. Қой (*Ovis aries*) жауырыны:
 А – жауырынның каудальды бұрышында сақталған қызыл бояу іздері;
 В – жауырынның дорсальды жиегінде сақталған өңдеу іздері.
 Сурет авторы Г.Б. Саргизова

Fig. 1. Kultobe monument. Scapula of the sheep (*Ovis aries*):
 A – traces of red paint on the caudal angle of the scapula;
 B – processing traces on the caudal edges of the scapula.
 Photo by G. Sargizova

малдың алдыңғы аяқ қаңқасының иық белдеуіндегі үш бұрыш пішінді, жалпақ мал сүйегінің қадірлі саналған бөлігі. Жауырын көне заманнан қазақ халқының тұрмысында ерекше орын алған. Жауырынды тұрмыста көп жағдайда құрал ретінде пайдаланса, екінші жағынан халықтың дүниетанымында жауырынмен байланысты наным-сенімдер қалыптасқан.

Қола дәуіріндегі еңбек құралдар қатарында мал сүйектері, әсіресе жауырын елеулі мәнге ие болған: солтүстік Бетпақдаладан табылған б.д.д. II–I мыңж. остеологиялық материалдары арасынан жауырыннан

жасалған қорғаныс құралдары, тері илейтін тырнағыш (чесало), қож (совок), шикі қайысты тартатын тесік жауырындардың көптеп табылуы аталған сүйектің түрлі мақсатта кең қолданылғанын байқатады [Маргулан, 1950, с. 16]. Байырғы қазақтарда молдалар бала оқытқанда түйе, жылқы сияқты ірі малдың жауырындарын жазу материалы ретінде пайдаланып, сиямен әріп жазған. Сиыр мен жылқы жауырынын әліпби жазу мен ұсталар құралына қолданған [Бабақұмар, 2012, 50–57-бб.].

Политеистік түсінікке негізделген жанды, жансыз дүниенің

қамқоршысына баланған мал сүйектерінің өлген рухты еске түсіру мен құрбандық рәсімдеріне қолданылғаны туралы мысалдар Еуразия даласында молынан ұшырасады. Мұндай мақсаттарға мал сүйектерінің ішінен жауырынның кеңірек қолданылуы Андронов мәдениетінің жерлеу ескерткіштерінен бастап орта ғасырдың соңына дейін сақталған.

Жауырынның әр түрлі тарихи кезеңдерде түрленіп бүгінге жеткен киелі қызметі бар. Оның бірі – жауырынды жағу (отқа қақтау) арқылы (отқа қақтаған кезде пайда болған сызат, белгілерге қарап) бал ашу. Жауырынға қарап бал ашу өнері жайлы алғашқы жазбаша дерек Гильом де Рубрук еңбегінен бастап П.С. Паллас, А.И. Левшин, Ш. Уәлиханов, В.В. Радлов т.б. авторлар жазбаларында кездеседі [Бабақұмар, 2012, 50–57-бб.].

Сонымен, Күлтөбе ескерткішінен табылған жауырындардың өңделуі алтынордалық Болгар қаласының орталық бөлігінен табылған жауырындарға өте ұқсас [Антипина, Яворская, 2017, с. 12–20]. Трасологиялық зерттеулердің нәтижесі бойынша және жауырында қызыл бояудың табылуына қарай жауырындар бояу араластыруға арналған құрал немесе тұрмыста қалақ ретінде пайдаланған болуы мүмкін. Сонымен қатар, жоғарыда келтірілген этнографиялық деректерге сәйкес зерттелген жауырын үлгілері сакральды мақсатта да пайдаланылуы мүмкін. Ал жауырынның арнайы кесіліп, түзетіліп, өңдеу жұмыстары жүргізілгеніне қарағанда жазба «тақтайшасының» («таблички» для письма) дайындамасы болуы да мүмкін деп пайымдаймыз [Антипина, Яворская, 2017, с. 12–20].

Аталған ескерткіштердің жиынтығындағы қызықты сүйек артефактілердің бірі – ұсақ малдың түтікшелі жілік сүйектері. Олардың саны – 4 дана. Екі түтікшелі жілік сүйектердің жоғарғы бөлігінің диаметрі 0,5 мм болатындай етіп тесілген (сур. 2), ал сүйектің төменгі жағы сынған. Дайындалуы және табылған сызықты іздері бойынша кішкентай нәрестенің бесігіне арналған шүмектер болуы мүмкін. Жілік сүйегіне арнайы жасалған тесік арқылы бесікте жатқан баланың нәжісі өтіп, арнайы ыдысқа, түбекке ағады.

Қалған екі түтікшелі жілік сүйектері де сипатталған жілік сүйектерінің өңделуіне өте ұқсас. Жоғарғы жағы 0,5 мм көлемінде тесілген, басқа жілік сүйектеріне қарағанда сәл қысқалау келген. Сүйектің беткі қабатында, баланың аяқтары жанасатын тұсында аздаған жылтырланған іздері сақталған, бұл іздер шүмектің белгілі бір уақыт қолданыста болған кезде пайда болуы мүмкін.

Этнографияда осыған ұқсас жілік сүйектерінен жасалған бұйымдар баланың төсегі, бесіктің құрамдас бөлігі, жабдығы көптеп кездеседі. Ұл баланың шүмегін асықты жіліктің асық тұрған басынан ойық ойып әзірлейді. Екінші қарама-қарсы басын шорт кесіп, қырларын егеп, жұмырлайды. Қыз баланың шүмегін ескі, көп ұсталып, майсінді болған уықтың қарынан (иінінен) жасайды, ойығын ұлдыкіне қарағанда сәл сопақтау етіп қойған жөн. Шүмек баланың денесіне батпау үшін қырларын тегістеп, жылтырлатып, зәрді сорып алмауы үшін майға қайнатып алған [Куспеков, 2012, 128–136-бб.]. Күлтөбе қалашығынан

Сур. 2. Күлтөбе қалашығы. Ақбөкеннің (*Saiga tatarica*) мүйіз бөлішегі:
 А – мүйізде сақталған кесу іздері; В – мүйіздің беткі қабатында сақталған өңдеу іздері.
 Сурет авторы Г.Б. Саргизова

Fig. 2. Kultobe monument. Fragment of antelope (*Saiga tatarica*) antler:
 A – cutting traces on the antler; B – processing traces on the antler. Photo by G. Sargizova

табылған шүмектерге ұқсас бұйымдар Қырым ескерткіштерінде [Пальцева и др., 2012, с. 208–215], Солтүстік Кавказ және Еділ/Волга бойындағы ескерткіштерде [Пальцева и др., 2012, с. 20–26], Фанагорияның антикалық қабаттарыннан табылған [Логофаст, Добровольская, 2018, с. 77–90].

Бөлшектенген уақ малдың (қой) түтікшелі жілік сүйегі. Жоғарғы жағы табиғи жолмен сынған. Сүйектің төменгі жағы көлденеңінен метал құралмен кесілген және түзетілген. Басқа арнайы адам ықпалымен жасалған іздер кездеспейді. Сүйекті дайындау барысында сынып кеткендіктен өңдеу жұмыстарын жалғастырмаған, сондықтан арнайы

бұйымның бүлінген дайындамасы болуы мүмкін. Басқа адам ықпалымен жасалған сызықты іздер сақталмаған.

Уақ (қой) малдың асықтары – 2 дана. Екеуі де жақсы сақталған. Кейбір бөлшектерінде аздаған табиғи сынық іздері бар. Арнайы адам ықпалымен жасалған өңдеу іздері сақталмаған. Бір асықтың сыртқы қабатында аздаған жылтырланған іздері сақталған, олар адам қолымен ұстағаннан қалуы мүмкін. Асықтар ас үйдегі тамақ қалдықтары немесе асық ойындарында аз уақыт пайдаланылған секілді.

Жалпы, мал сүйектерімен қатар, мүйіздердің де пайдаланылуы ежелгі тұрғындардың өмірінде ерекше орын

алған. Мүйіз құралдар тас, қола дәуірінен бастап қолданыста болған, адамдар мүйізді өңдеуді білген. Күлтөбе ескерткішінен өңделген жалпы мүйіз өнімдерінің 3 данасы зерттелді, оның 1 данасы ешкі мүйізі, 2 данасы ақбөкен мүйізі.

Уақ малдың мүйізі – 1 дана, бүтін. Мүйіздің ұшы сынған, негізі бөлшектене сынған. Мүйіздің негізі метал құралмен кесілген, сондықтан мүйіздің негізі тегіс кесілген. Мүйіздің іші борпылдақ келген, басқа арнайы өңдеу белгілері жоқ.

Ақбөкен мүйіздері – 2 дана. Екеуі де сынған, мүйіздер түбінен кесілген. Мүйіздің ұштары арнайы метал құралмен кесілген, іздері жақсы сақталған. Беткі қабаттарында арнайы өңдеу жұмыстары жүргізілген, метал құралмен өңдеуге тырысқан, бірнеше кесу, түзету іздері кездеседі (сур. 2). Бірақ мүйіздер толыққанды құрал ретінде өңделмеген. Екеуінің де беткі қабаттарында жылтырлату, қажаяу, қашау секілді арнайы өңдеу белгілері сақталмаған. Сондықтан үлгілер бұйымның немесе құралдың дайындамасы болуы әбден мүмкін.

Ұсынылған мүйіз үлгілердің ішінде құралдарға, бұйымдарға жататын үлгілер жоқ. Мүйіздерде алғашқы өңдеу жұмыстарының іздері сақталған, бірақ толыққанды өңдеу жұмыстары жүргізілмеген. Сондықтан мүйіз үлгілерді жүргізілген алғашқы өңдеу жұмыстарына қарай арнайы құралдың сабына дайындама ретінде немесе өндіріс қалдықтары ретінде қарастыруға болады.

Қола дәуірінен Қазақстан тұрғындарында тері өңдеу кәсібінде кең қолданыста болған құралдар – қырғыштар болып табылады. Осындай құралдар Күлтөбе жиынтығынан

да табылған. Ірі қараның төменгі оң жақ сүйектерінен дайындалған 2 дана үлгілері бар. Екеуінің де тістері және тіс түптері тазаланған. Біреуінің беткі қабатында аздаған жылтырлатылған іздері сақталған. Мұндай төменгі жақ сүйектерінен дайындалған құралдарды тері өңдеу кәсібінде қырғыштар («тупик», «трепало») деп атайды [Семенов, Коробкова, 1983, с. 151]. Олар көп жағдайда тері шелдеу, тіпті жұмсарту үрдістерінде пайдаланылған, соның нәтижесінде құралдың беткі қабатында абразивті өңдеуден қалған іздер секілді ұсақ және ірі, әр жаққа бағытталған сызықты іздер қалады. Беткі қабатында жылтырлатылған іздері сақталған құралмен көп пайдаланбаған, өте қысқа мерзімде, тіпті бір реттік қана қолданыста болған болуы мүмкін. Құралда бірінші өңдеу жұмыстары жүргізілген, ал тозу белгілері (қатты жылтырлату іздері, қажалғаннан пайда болатын сызықты іздер) кездеспейді.

Екінші жақ сүйегінен дайындалған үлгі өте қатты күйген, соның нәтижесінде қара түсті болып келген (сур. 3). Жұмыс аймағының беткі қабатында алғашқы өңдеу жұмыстарының белгілері бар. Құралдың беткі қабаты әктастанып кеткендіктен қатты тозу немесе өңдеу белгілері анық байқалмайды. Сонымен зерттеу нәтижесінде ірі қараның жақ сүйектеріне адам ықпалымен жасалған үрдістер мынадай болып табылады: 1) тіс және тіс түптері арнайы алынған, 2) метал құралмен тіс орындары кесіліп, тегістелген, 3) бір төменгі жақ сүйекті күйдірген. Анықталған белгілері бойынша жақ сүйектер құрал қырғыштың дайындамасы болуы мүмкін немесе екінші үлгі ошаққа отын ретінде пайдаланған болуы да мүмкін.

Сур. 3. Күлтөбе қалашығы. Жылқының (*Equus caballus*) төменгі жақ сүйегінің бөлішегі: А – жақ сүйектегі кесу жұмыстарының іздері; В – жақ сүйекте сақталған жону іздері; С – жақ сүйекте сақталған беткі қабатында алғашқы өңдеу жұмыстарының іздері.
Сурет авторы Г.Б. Саргизова

Fig. 3. Kultobe monument. Fragment of the lower jaw of a horse: А – traces of cutting work on the lower jaw; В – grinding traces on the lower jaw; С – processing traces on the lower jaw.
Photo by G. Sargizova

Осындай жақ сүйектерінен дайындалған өте қатты күйген құралдар қола дәуіріне жататын Талдысай (Орталық Қазақстан) қонысында жиі кездеседі [Панковский, Саргизова, 2020, 165 б.]. Олардың көпшілігі тері өңдеу кәсібінде көп уақыт қолданыста болған. Олар теріні тазалау жұмыстары, шелдеу секілді үрдістерден бастап сапалы тері өнім дайындау барысында барлық өңдеу жұмыстарында әмбебап құрал болған. Кейін сапалы, су өтпейтін былғары алу үшін арнайы кермеге теріні кере отырып, отқа кептіріп, қырғыштың көмегімен теріні өндеп, жұмсартқан. Осындай үрдістерден кейін өте сапа-

лы, көп жағдайға төзімді тері өнімін алған [Бейри и др., 2002, с. 83].

Зерттелген жануардың жақ сүйектерінен дайындалған үлгілер Орталық Қазақстан жеріндегі қола дәуірі қоныстарының құралдарына, Алтай өңірінің Жарково-3 кейінгі қола дәуірі ескерткішінің құралдарына өте ұқсас [Федорук, Вальков, 2015, с. 231]. Ортағасырлық ескерткіштерде өңделген ірі қара малдың сүйектері сирек кездеседі. Дегенмен, Күлтөбе ескерткішінде кездескен құралға ұқсас артефакті Жамбыл облысында орналасқан Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) ескерткішінен табылған [Тәлеев, Шагирбаев, 2020, 240 б.]. Бұл жақ сүйектердің жасалу

техникасы мен типологиялық сипаттамалары өте ұқсас.

Қорытынды

Күлтөбе қалашығынан малдың сүйектері көптеп кездеседі. Бүгінгі күнде оларға археозоологиялық, трасологиялық зерттеулер жүргізіліп жатыр. Сүйек құралдар қала тұрмысында қолданылған және олар тұрғындардың өмір салттары мен дәстүрлерімен байланысты болған. Ортағасырлық тұрғындар қолдағы бар шикізаттарды тиімді пайдалану жолдарын білген. Сойылған малдың етін жеп, сүйегін өңдеп, тұрмыстық жағдайда құралдарға айналдыра білген. Қолдағы бар сүйек құралдарды тұрмыста тері өңдеуде, киіз басу, тұрмыста пышақ, біз секілді құралдарды, баланың бесігінің жабдықтарын дайындауда, ойын түрлеріне, тиімді пайдалана білген. Кейбір сүйек бұйымдар (жауырын)

тұрғындардың дүниетанымында сакральды, рухани дүниемен байланысты болған.

Күлтөбе қалашығынан табылған сүйек және мүйіз құралдардың басым көпшілігі көп қолданыста болмаған, тозу белгілері жоқ. Бұйымдардың бір бөлігі дайындама түрінде кездеседі, яғни құралдарды дайындау барысында кездейсоқ сынып, жарамсыз болып қалғандықтан, қолданыста болмаған. Бұйымдардың келесі бір бөлігі алғашқы өңдеуден өтіп, бір рет қана қолданыста болған. Мұндай ерекшеліктің болуын қалашықтың кешенді өмір сүргендігімен байланыстыруға болады.

Қорыта айтқанда, ортағасырлық тұрғындар сүйек және мүйізді өңдеп, тұрмыстық қажеттеріне жаратқан және ол үрдіс ғасырлар, жылдар бойы жалғасып, қазақ халқының салт-дәстүрі мен тіршілігіне беки түскен.

Ескертпе

*Мақала «Қазақғылыми-зерттеу мәдениет институты» ЖШС және «Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты» РМҚК арасында 23.02.2021 жылы № ЮЛ/2021-8 қызмет көрсету Келісім-шарты міндеттерін іске асыру шеңберінде дайындалды.

ӘДЕБИЕТ

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. Криминалистика. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 2000. 990 с.
2. Антипина Л.Л., Яворская Л.В. Трасологический анализ и интерпретация инструментально обработанных бараньих лопаток из городов Золотой Орды // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 248. С. 12-20.
3. Бабақұмар Х. Қой жауырынының киелі қасиеті және оның дәстүрлі мәдениеттегі орны // Ұлттық тәрбие. 2012. № 3 (11). 50-57-бб.
4. Бейри С., Васильев С.А., Давид Ф., Карлен К., Дьяченко В.И., Чесноков Ю.В. Опыт реконструкции процесса обработки шкур (по материалам верхнепалеолитической стоянки Уй 1 на Енисее и этноархеологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 79-86.
5. Ефименко П.П. Костенки I. М.–Л.: АН СССР, 1958. 483 с.

6. Куспеков Д.Ж. Бесік түрлері және оның жасалу жолдары // Зерттеуші. 2012. № 12 (80). 128-136-бб.
7. Логофаст Л.А., Добровольская Е.В. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 2018. Вып. 4. С. 77-90.
8. Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 г. // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1950. Вып. 2. С. 3-36.
9. Пальцева Д.У., Буржаков Р.А., Сьянова О.А. Косторезное производство Нижнего и Среднего Поволжья на основе анализа костяных заготовок и бракованных изделий Биляра и Самосдельского городища // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4 (33). С. 20-26.
10. Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 208-215.
11. Панковский В.Б., Саргизова Г.Б. Кейінгі қола дәуіріндегі Талдысай қонысының сүйек және мүйіз индустриясын жүйелеу // Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 1 том. 163-168-бб.
12. Семенов С.А. Первобытная техника: (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 140 с.
13. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983. 252 с.
14. Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, 2017. 341 с.
15. Талеев Д.Ә., Шағирбаев М.С. Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) қаласының остеологиялық материалдары // Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 1 том. 230-241-бб.
16. Хазбулатов А.Р. Археологический парк «Городище Культобе» в системе культурного наследия Казахстана // Традиции, актуальные вопросы и инновации в образовании, воспитании, науке и производстве в рамках программы «Рухани жаңғыру»: труды междунар. конгресса, посвящ. 3-х летию программы «Рухани жаңғыру», празднованию 2200-летия Абу Насыра аль-Фараби, статуса культурной столицы СНГ города Шымкент в 2020 г. (г. Шымкент, 24–26 июня 2020 г.) Шымкент: Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова. 2020. С. 19-23.
17. Федорук А.С., Вальков И.А. Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/2 (88). С. 229-234.
18. Keeley L.H. Microvear polishes on Flint: some experimental results // 2nd International Symposium on Flint. Staringia, 1976. Vol. 3. P. 49-51.

REFERENCES

1. Averyanova, T. V., Belkin, R. S. 2000. *Kriminalistika (Criminology)*. Moscow: “NORMA–INFRA–M” Publ. (in Russian).
2. Antipina, L. L., Yavorskaya, L. V. 2017. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 248, 12-20 (in Russian).
3. Babakumar, Kh. 2012. In: *Ultyq tarbiye*, 3 (11), 50-57 (in Kazakh).
4. Beyri, S., Vasilyev, S. A., David, F., Karlen, K., Diachenko, V. I., Chesnokov, Yu. V. 2002. In: *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2 (10), 79-86 (in Russian).

5. Yefimenko, P. P. 1958. *Kostenki I*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of science (in Russian).
6. Kuspekov, D. Zh. 2012. In: *Zertteushi*, 12 (80), 128-136 (in Kazakh).
7. Logofast, L. A., Dobrovolskaya, Ye. V. 2018. In: *Materialy po arkhologii i istorii Fanagorii (Materials on the archeology and history of Phanagoria)*, 4, 77-90 (in Russian).
8. Margulan, A. Kh. 1950. In: *Izvestia AN Kaz SSR. Seria arkhool. (Izvestia of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. Archeology)*, 2, 3-36 (in Russian).
9. Paltseva, D. U., Burzhakov, R. A., Syanova, O. A. 2012. In: *Kaspiysky region: politika, ekonomika, kultura (The Caspian region: politics, economy, culture)*, 4 (33), 20–26 (in Russian).
10. Paltseva, D. U., Shakirov, Z. G., Khudyakov, A. V. 2012. In: *Filologia i kultura (Philology and culture)*, 1 (27), 208–215 (in Russian).
11. Pankowski, V. B., Sargizova, G. B. 2020. In: *Margulan readings–2020*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, vol. 1, 163-168 (in Kazakh).
12. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) (Primitive technique (experience in studying the oldest tools and products on the traces of work))*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of science (in Russian).
13. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevneyshikh proizvodstv (The technology of the most ancient industries)*. Leningrad: “Nauka” (in Russian).
14. Smagulov, Ye. A. 2017. *Drevniy Turkestan: shtrikhi k istoricheskomu portretu (Ancient Turkestan: touches to a historical portrait)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute (in Russian).
15. Taleev, D. A., Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Margulan readings–2020*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, vol. 1, 230-241 (in Kazakh).
16. Khazbulatov, A. R. 2020. In: *Traditsii, aktualnye voprosy i innovatsii v obrazovanii, vospitanii, nauke i proizvodstve v ramkakh programmy “Rukhani zhangyru” (Traditions, topical issues and innovations in education, upbringing, science and production within the framework of the “Rukhani Zhangyru” program)*. Shymkent: M. Auezov South Kazakhstan State University, 19-23 (in Russian).
17. Fedoruk, A. S., Valkov, I. A. 2015. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya os Altai State University)*, 4/2 (88), 229-234 (in Russian).
18. Keeley, L. H. 1976. In: *2nd International Symposium on Flint*. Staringia, 3, 49-51.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 14.09.2021.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2021.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2021.

**СЯНЬБИ КЕЗЕҢІ БОЙЫНША СОНЫ¹
РАДИОКӨМІРТЕКТІК ЗЕРТТЕУЛЕР²**© 2021 ж. Самашев Зайнолла¹, Жүнісханов Айдын Сенғалиұлы²

¹тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер,
«Берел» Мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы, Жамбыл ауылы,
Қатонқарағай ауданы, Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан.
E-mail:archaeology_kz@mail.ru

²Корреспондент авторы, докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық
университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Аннотация. Сяньби – б.д. I мыңжылдығының басында Орталық Азия өңірінде қалыптасқан көшпелі полиэтникалық қауымдастық. Сяньбилердің батысқа жылжуы б.д. III ғ. ғұн империясының ыдырауымен тұспа-тұс келеді. Осы уақыттан бастап Қазақстанның Шығыс өңірінде Сяньбилер қоныстана бастап, өздерінің саяси үстемдіктерін орнатады. Шығыс Қазақстандағы Сяньбилердің археологиялық ескерткіштерін зерттеу 2016 ж. бастап жүйелі түрде жүргізіліп келе жатыр. Осы уақыт аралығында Сяньби кезеңімен мерзімделетін 60-тан аса қоршауларда археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Осы уақытқа дейін Сяньбилердің Шығыс Қазақстанға келуі, қоныстануы және таралуы сияқты өзекті мәселелер салыстырмалы-типологиялық әдістер шеңберінде қарастырылып келген болатын. Осы ретте Сяньби кезеңі бойынша калибрленген радиокөміртектік сараптауларға негізделген зерттеулердің маңызы зор. Мұндай мағлұматтарды созбай, уақытылы ғылыми айналымға енгізу осы бағыттағы ғылыми-зерттеу жұмысының негізгі міндеттерінің бірі. Мақалада Берел қорымындағы № 68 қоршаудан және Елекесазы қорымындағы Патша обасының үймесінің үстіне қойылған жерлеуден алынған остеологиялық материалдарға жасалынған радиокөміртектік анализ қортындылары тұңғыш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Сараптама Литва мемлекетінің астанасы Вильнюс қаласындағы Физикалық және технологиялық ғылымдар орталығы мемлекеттік ғылыми-зерттеу институтында Жилвинас Ежеринскисдің жетекшілігімен жасалынды. Алынған мәліметтер Сяньбилердің Шығыс Қазақстанға қоныстануы туралы соны мәліметтер берді.

Түйін сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, Берел, Елекесазы, Сяньби, археологиялық зерттеулер, радиокөміртектік анализ, мерзімдеу

**НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ
ПО СЯНЬБИЙСКОМУ ПЕРИОДУ**Самашев Зайнолла¹, Жунисханов Айдын Сенгалиевич²

¹Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел» МКИС РК,
с. Жамбыл, Катон-Карагайский р-н, Восточно Казахстанская обл., Казахстан.
E-mail:archaeology_kz@mail.ru

¹ Соны – бұрын болмаған, жаңа, тың [Sozdikqor].

² Мақала Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің жобасы аясында дайындалды. Жоба ИРН BR101642221

²Автор-корреспондент, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Аннотация. Сяньби – полиэтническая общность, возникшая в начале I тыс. н.э. в пространствах Центральной Азии. Продвижение сяньбийцев на запад совпало с распадом империи хуннов в III в. н.э. Начиная с этого периода сяньбийцы стали расселяться на территории Восточного Казахстана и устанавливать свое политическое господство. Изучение археологических памятников сяньбийцев проводится систематично с 2016 г. За это время исследовано свыше 60 выкладок. Проблемы расселения и миграции сяньбийцев на территории современного Восточного Казахстана расмастривались в основном в рамках сравнительно-типологического анализа. В связи с этим огромное значение имеет получение и оперативное введение в научный оборот радиоуглеродных калиброванных дат, связанных с сяньбийским периодом. В данной статье впервые в научный оборот вводятся результаты радиоуглеродного анализа, полученного из остеологического материала приходящего из выкладки № 68 могильника Берел и впускного погребения царского кургана могильника Елекесазы. Радиоуглеродный анализ был выполнен в Государственном научно-исследовательском институте Центра физических и технологических наук г. Вильнюс (Литва) (ответственный за исследование Жилвинас Ежеринскис). В результате были получены новые данные о расселении сяньбийцев на территории Восточного Казахстана.

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, Берел, Елекесазы, сяньби, археологические исследования, радиоуглеродный анализ, датирование

NEW RADIOCARBON DATES on the XIANBEI PERIOD

Zainolla Samashev¹, Aidyn Zhuniskhanov²

¹Author, Doctor of Historical Sciences, Leader Researcher, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Berel”, village Zhambyl, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

²Corresponding author, doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Abstract. Xianbei is a multiethnic community that arose at the beginning of the 1st millennium AD in Central Asia. The advance of the Xianbians to the west coincided with the collapse of the Xiongnu Empire in the 3rd century AD. Starting from this period, the Xianbians began to settle in the vastness of East Kazakhstan and establish their political domination. The study of the archaeological sites of the Xianbians has been carried out systematically since 2016. During this time, more than 60 burial sites have been investigated. The problems of settlement and migration of the Xianbei on the territory of modern East Kazakhstan were considered mainly within the framework of comparative typological analysis. In this regard, it is of great importance to obtain and promptly introduce into scientific circulation the radiocarbon calibrated dates associated with the Xianbei period. In this article, for the first time, the results of radiocarbon analysis are introduced into scientific circulation, obtained from the osteological material from layout No. 68 of the Berel burial ground and the inlet burial of the royal burial mound of the Elekesazy burial ground. The radiocarbon analysis was carried out at the State Research Institute of the Center for Physical and Technological Sciences in Vilnius (Lithuania) (Responsible for the research is Žilvinas Ežerinskis). As a result, new data were obtained on the settlement of the Xianbians in the territory of Eastern Kazakhstan.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, Berel, Elekesazy, Xianbei, archaeological research, radiocarbon analysis, dating

Kіріспе

Сяньби (қыт. Шяньбэй 鮮卑)³ – ішкі Моңғолия, Оңтүстік Маньчжурия, Байкал өңірлерінде б.д. I мыңж. басында қалыптасқан көшпелі полиэтникалық қауымдастық [Худяков, ЮйСу-Хуа, 2005, с. 8]. Зерттеушілер Сяньбилер Қытаймен мәдени және әскери-саяси тығыз байланыста болғандығын жазады [Крюков и др., 1979]. Сяньби, динлин және чешистерден (*Тұрпан оазисі тұрғындары*) құрылған Қытай біріккен күштері б.д. 95 ж. ғұндарға үлкен соққы береді. Ал 115 ж. Сяньби көшбасшысы Таңшығай ғұндарды тасталқан етіп талқандайды. Бұл оқиға ғұндардың төрт бөлікке ыдырауына әсер етті [Гумилев, 1998, с. 105–106].

Б.д. III–IV ғғ. Ғұнимпериясының құлдырауы нәтижесінде Сяньбилердің саяси үстемдіктері басталады. Осы кезеңнен бастап Сяньби қазіргі географиялық және әкімшілік номенклатурада Шығыс Қазақстан деп аталатын өңірдің басты су артериясы саналатын Ертіс өзенінің оң сағасы Бұқтырманьң жоғары ағысының бойына қоныстана бастайды.

Сяньбилердің археологиялық ескерткіштері Моңғолияда, Оңтүстік Сібірде және Ресейдің Таулы Алтай аймағында жақсы зерттелінген. Қазақстан территориясында Сяньби кезеңімен мерзімделетін жерлеу ескерткіштерін зерттеу ісі 2016 ж. Бұқтырма өзенінің оң жағалауында орналасқан Берел қорымындағы жерлеу орындарын зерттеумен басталды. Дегенмен, Берел обасындағы Сяньби кезеңіне жататын жерлеулерді тұңғыш рет 1865 ж. В.В. Радлов қазған

еді. Өткен ғасырдың 50–60 жылдары В.В. Радловтың материалдарына ғылыми талдау жасаған мамандар бұл ескерткіштерді «ежелгі түркілердің Берел кезеңі» деп атап б.д. V–VI ғасырлармен мерзімдеген еді [Гаврилова, 1965, с. 54]. Бұның себебі ол уақытта ғұндар мен көне түркілер аралығындағы ескерткіштер туралы ғылыми түсініктер әлі толыққанды қалыптаса қоймаған болатын.

Негізгі бөлім. Материалды талдау

Қазақстан территориясында Сяньби кезеңі ескерткіштерінің алғашы рет анықталып, кешенді зерттеу ісі енді ғана қарқынды түрде жүре бастады. Осы ретте Сяньби кезеңі ескерткіштерін зерттеушілердің алдында бірінші кезекте ескерткіштердің нақты хронологиялық мерзімдерін анықтау міндетті тұр. Сондай-ақ, Сяньби ескерткіштеріне қатысты екінші кезекті тұрған маңызды мәселелердің бірі олардың таралу аймағын анықтау. Ұсынылып отырған мақалада Шығыс Қазақстан облысына қарасты Қатонқарағай және Тарбағатай аудандарында (1 сур.) жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде алынған сүйектерге жасалған радиокөміртектік зерттеулердің алғашқы нәтижелері беріледі. Болашақта Сяньбилер бойынша радиокөміртектік зерттеулер қорын ұлғайтып, абсолютті және салыстырмалы хронология негізінде Сяньби тарихының ақтаңдақ беттерін ашу жоспарлануда.

³ Мақала жазу барысында сяньби атауының қытайша жазылуы және қазақша транскрипциялануы бойынша кеңес берген Гарвард университетінің Хэрбэнк зерттеу орталығының зерттеушісі Нұрлан Кенжеахметке алғыс білдіреміз.

Сур. 1. Қазақстан картасында Берел мен Елекесазы ескерткіштерінің орналасуы

Fig. 1. Location of Berel and Elekesazy sites on the map of Kazakhstan

Шығыс Қазақстан аумағындағы алғашқы Сяньби ескерткіштері жоғарыда айтып өткеніміздей Берел қорымында зерттелінген болатын. Берелдегі Сяньбилердің жерлеу ескерткіштерінің басым бөлігі Пазырық уақытымен мерзімделетін № 1 және 2 «Патша» обаларының маңында топтасқан. Олар бір-біріне өте тығыз орналасады. Жоспарда шеңбер тәріздес немесе тіктөртбұрышты пішіндес үш-төртқоршаудан тұрады [Самашев, 2018, с. 56]. Бүгінгі таңда Берелде Сяньбилердің 60-тан аса жерлеу ескерткіштері зерттелді. Шетелдік *peer review* журналдарда Сяньбилерге қатысты алғашқы мақалалар топтамасы шыға бастады. Ол мақалаларда Орталық Азияның далалық бөлігін қоныстанған көшпелі халықтардың байырғы ДНК-сын зерттеген халықаралық мамандар тобы Берелдегі Сяньби обаларынан алынған материалдар негізінде б.д. Ш ғ. шығыс

Еуразияға жаңа гендік ағынның қарқынды түрде келе бастағандығын жазды [Gnecchi-Ruscione et al., 2021, p. 10]. Бұл мәлімет Сяньбилердің саяси тарихында болған оқиғалармен дәлме-дәл сәйкес келеді.

Шығыс Қазақстандағы Сяньбилердің ескерткіштерінен алынған радиокөміртектік анализ Литва мемлекетінің астанасы Вильнюс қаласындағы Физикалық және технологиялық ғылымдар орталығы мемлекеттік ғылыми-зерттеу институтында Жилвинас Ежеринскисдің жетекшілігімен жасалынды. Төменде зерттелінген обалардың сипаттамалары мен радиокөміртектік сараптамаларының қорытындылары беріледі.

Берел, № 68 қоршау

Берел қорымы Берел ауылынан оңтүстікке қарай 8 шақырым жерде орналасқан (Шығыс Қазақстан обл., Қатонқарағай ауд.). Қоршау 2018 ж.

зерттелген. Қазбаға дейін қандай да бір құрылыс элементтері көрінбеді. Шым қабатын аршығаннан кейін екі қатар етіліп қаланған жоспарда төрт бұрышты келген СШ–ОБ бағытымен созыла орналасқан қоршау анықталды. Өлшемдері С–О бағыты бойынша 5,3×5,5 м, Б–Ш бағыты бойынша 7 м, күндізгі жер қабатынан биіктігі 60 см құрады. Қоршаудың іші қиыршық тастармен толтырылған. Қоршаудың ішін тазалау нәтижесінде біреуі тас жәшікте, ал екіншісі топырақта жерленген екі адамның сүйегі анықталды. Адамдар бастарымен СШ қарата шалқасынан жатқызылып жерленген [Самашев и др., 2018, с. 147–165]. Антрополог маман Е.П. Китовтың зерттеулері бойынша обадағы адамдардың денесі 25–35 жас аралығындағы ер адамға тиесілі [Самашев и др., 2018, с. 237–238]. Жерлеу инвентарларынан темірден жасалған аяқ киімнің бөлшегіне ұқсайтын темір пластина, сырға, өрнектелген жілік және т. б. бүлінген темір заттар табылды. Радиокөміртектік анализ үшін тас жәшікте жерленген адамның тісі (FTMC-YL10-5 үлгісі) алынды. Зерттеу нәтижесі ескерткішті III ғ. орта тұсымен мерзімдеуге мүмкіндік берді (кесте 1).

Елекесазы қорымы

Елекесазы қорымы Көкжыра ауылдық округіне қарасты Елекесазы жайлауында орналасқан (Шығыс Қазақстан обл., Тарбағатай ауд.).

Елекесазы қорымындағы 2019 ж. жүргізілген далалық зерттеу жұмыстары барысында топырақтан үйілген оба зерттелінді. Оба шартты түрде 6 топ деп аталатын Қарғыба өзенінен батысқа қарай 5 шақырым жерде орналасқан. Обаның диаметрі 77,25 м, сақталған биіктігі 2,5 м. Оба бірнеше рет тонауға ұшыраған. Заманауи тонаушылар обаның ортасында ені 5 м траншея қазып обаны толықтай тонап кеткен [Самашев и др., 2019, с. 8, 16].

Обаның жер үсті құрылысын зерттеу барысында Ш–Б бағытымен қалдырылған негізгі жалдың маңынан төртбұрышты шұңқырда жерленген адамның мүрдесі анықталды. Адам сол иығымен, беті ОШ қаратыла, басымен СШ жатқызылып жерленген. Қолдары шынтағына қарай бүктетілген. Адамның қасына жіліктен жасалған сүйек бұйымдар, кішкентай темір айылбасы және сүйектен жасалған садақтың жапсырмасы қойылған. Садақ жапсырмасының ұшында

Кесте 1 – Сяньби кезеңі бойынша жасалынған радиокөміртектік анализдар нәтижесі

Table 1 – Radiocarbon analysis results

Lab code	Monument	¹⁴ C BP	Sample	Calibrating date (1σ)	Calibrating date (2σ)
FTMC-YL10-5	Berel burial 68	1779±27	Bone (Human)	68,3% probability 241 (17,2%) 256 calAD 285 (51,0%) 326calAD	95,4% probability 215 (29,9%) 265calAD 272 (65,5%) 350calAD
FTMC-YL10-6	Elekesazy Patsha Burial 1	1682±28	Bone (Human)	68,3% probability 267(3,6%) 271calAD 285 (64,7%) 415calAD	95,4% probability 257(13,4%) 282calAD 330(82,1%) 425calAD
Ескертпе: калиблеу үшін OxCal v4.4.2 Ramsey [2020] бағдарламасы және Reimer [2020] атмосфералық датасы қолданылды					

кірісті байлауға арналған кесігі бар. Пішіні сәл имек формалы [Самашев и др., 2019, с. 29–30]. Осыған ұқсас сүйектен жасалған садақ жапсырмалары Берел қорымындағы № 41А, 69А, 81 қоршауларының [Самашев, 2018, рис. 14, 21, 23] және В.В. Радловтың 1865 ж. қазба материалдары бойынша белгілі [Худяков, 2005, рис. XII, 1–7]. Алғашқы зерттеу мақалаларымызда біз бұл жерлеуді «шартты» түрде көне түркі уақытымен мерзімдеген болатынбыз [Самашев и др., 2019, с. 29]. Жерлеуден шыққан адамның тісіне жасалған радиокөміртектік анализ қортындылары (*FTMC-YL10-6 үлгісі*) жерлеуді шамамен б.д. V ғ. мерзімдеп алғашқы салыстырмалы анализ негізінде жасалынған мерзімді өзгертуге мүмкіндік берді (кесте 1).

Қорытынды

Шығыс Қазақстан облысының Қатонқарағай және Тарбағатай аудандарында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары нәтижесінде алынған мәліметтер Сяньби кезеңі

бойынша соны тұжырымдар жасауға мүмкіндіктер ашып отыр. Біріншіден археологиялық материалдар, тарихи деректер, генетикалық және радиокөміртектік зерттеулер Шығыс Қазақстан аумағына Сяньбилердің келіп қоныстануын б.д. III ғ. мерзімдеп отыр. Бұл тайпалардың алғашқы қоныстанған аймағы Бұқтырма өзенінің жоғарғы ағысы болғанға ұқсайды. Екіншіден Тарбағатай ауданы территориясындағы Елекесазы қорымындағы Үлкен обаның үстіне кейіннен жерленген адамнан алынған үлгіге жасалған радиокөміртектік анализ нәтижесі б.д. V ғ. Сяньбилердің үстемдік ету аймағы Қазақ Алтайымен ғана шектеліп қалмай Тарбағатайға дейін созылып жатқандығын көрсетеді.

Сяньби полиэтникалық қауымдастығының саяси және мәдени тарихының ақтаңдандақ беттерін ары қарай ашу үшін радиокөміртектік сараптамаларды ұлғайтудың маңыздылығы зор.

ӘДЕБИЕТ

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.–Л.: Наука, 1965. 144 с.
2. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. 592 с.: ил.
3. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
4. Самашев З., Онгар А., Кариев Е., Чотбаев А. и др. Отчет о полевых исследованиях Государственного историко-культурного заповедника-музея «Берел»: «Памятники саков и сяньбийцев Казахского Алтая». Катонкарагай, 2018. 276 с. (*рукопись*).
5. Самашев З. Оружейный комплекс сяньбэй в контексте культуры (по материалам некрополя Берел в Казахском Алтае) // Великая степь: военное наследие. М-лы. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. П.А. Утепова (22 декабря 2018 г.). Астана: Военно-исторический музей, 2018. С. 56–72.

6. Самашев З., Онгар А., Чотбаев А., Нускабай А., Каирмагамбетов А., Киясбек Г., Кызырханов М. Культурное наследие саков и великих тюрков в Восточном Казахстане: вопросы комплексного изучения, сохранения и музеефикации // Алтай – Түркі әлемінің алтын бесігі: м-лы. междунар. науч.-практ. конф. / гл.ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск: Акимат Восточно-Казахстанской области, 2019. С. 8-33.

7. Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Сб. науч. тр. / под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. С. 7-18.

8. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Сб. науч. тр. / под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. С. 19-55.

9. Gneccchi-Ruscione G.A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., ..., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians // Science Advances. 2021; 7 (13):eabe4414. doi: <https://doi.org/10.1017/RDC.2015.18>

10. Ramsey C.B. OxCal 4.4 Manual. 2020. URL: https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcalhelp/hlp_contents.html

11. Reimer P., Austin W., Bard E., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). Radiocarbon. 2020. 62. P. 1-33. DOI: 10.1017/RDC.2020.41

12. Sozdikqor. URL: <https://sozdikqor.kz/>

REFERENCES

1. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemyon (Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow–Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. Gumilyov, L. N. 1998. Kurkchi, A. I. (compl., ed.). *Tysyacheletiyе vokrug Kaspiya (Millennium around the Caspian Sea)*. Moscow: Institut DI-DIK (in Russian).

3. Kryukov, M. V., Malyavin, V. V., Sofronov, M. V. 1979. *Kitayskiy etnos na poroge srednikhvekov (Chinese Ethnos on the Threshold of the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

4. Samashev, Z., Ongar, A., Kariev, E., Chotbaev, A. et al. 2018. *Otchet: “Pamyatniki sakov i syanbiytsev Kazakhskogo Altaya” (Report: “Sites of the Sakas and Syanbi people of the Kazakh of Altai”)/manuscript* (in Russian).

5. Samashev, Z. 2018. In: Utepova, P. A. (ed.). *Velikaya step: voyennoye naslediye (The Great Steppe: Military Heritage)*. Astana: Voenno-istoricheskiy muzey, 56-72 (in Russian).

6. Samashev, Z., Ongar, A., Chotbayev, A., Nuskabay, A., Kairmagambetov, A., Kiyasbek, G., Kyzyrkanov, M. 2019. In: Akhmetov, D. (ed.). *Altay – Turki aleminin altyn besigi (Altai – the golden cradle of the Turkic world)*. Ust-Kamenogorsk, 8-33 (in Russian).

7. Khudyakov, Yu. S., Yuy Su-Khua. 2005. In: Khudyakov, Yu. S., Skobelev, S. G. (eds.). *Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu (Military affairs of the nomads of Central Asia in the Xianbei era)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 7-18 (in Russian).

8. Khudyakov, Yu. S. 2005. In: Khudyakov, Yu. S., Skobelev, S. G. (eds.). *Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu (Military affairs of the nomads of Central Asia in the Xianbei era)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 19-55 (in Russian).

9. Gneccchi-Ruscione, G. A., Khussainova, E., Kahbatkyzy, N., ..., Krause, J. 2021. In: *Science Advances*, 7 (13):eabe4414. doi: <https://doi.org/10.1017/RDC.2015.18>
10. Ramsey C.B. 2020 OxCal 4.4 Manual. URL: https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcalhelp/hlp_contents.html
11. Reimer, P., Austin, W., Bard, E., ..., Talamo, S. 2020. In: *Radiocarbon*, 62, 1-33. DOI: 10.1017/RDC.2020.41
12. Sozdikqor. URL: <https://sozdikqor.kz/>

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.09.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.09.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.09.2021.

ҒАЛЫМ, АРХЕОЛОГ, ӘРІШТЕС, ДОС ӘРІ ҰСТАЗҒА...

© 2021 ж. Төлегенов Абылай Көпбергенұлы¹¹кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: abylai_24_12_94@mail.ru

Аннотация. Мақалада Қазақстан және Орталық Азия археологиясына баға жетпес үлес қосқан археолог Нұржанов Арнабай Әбішұлының ғылыми мұрасы; Ұлы Жібек жолындағы Қазақстанның ортағасырлық қалаларының тарихын зерттеуі; Ұлы даладағы урбандалу процестері; археология ескерткіштерін сақтаудағы еңбегі қарастырылады. Арнабай Нұржанов өзіндік эрудициясымен және көзқарастарының кеңдігімен ерекшеленді және белсенді өмірлік ұстанымы бар адам болды. Ол Қазақстандағы және одан тыс жерлердегі ірі экспедициялардың далалық зерттеулерінің жетекшісі болды. А. Нұржановтың ғылыми қызығушылық шеңбері өте кең және алуан түрлі: номадизм, урбандалудың генезисі мен даму мәселелері; Жетісудың ортағасырлық қалалық мәдениетінің ерекше және жалпыға ортақ сипаттамаларының эволюциясы; тарихи география; Еуразия мемлекеттерімен саяси, экономикалық және мәдени байланыстар аспектісінде Ұлы Жібек жолын зерттеу мәселелері, сондай-ақ археологияның басым бағыттары. А. Нұржановтың далалық археологиялық қазба жұмыстарының ішінде ортағасырлық Құлан қаласынан табылған VIII–X ғғ. жататын сарай кешенінің ашылуы үлкен ғылыми жаңалық болды. Археологтың Төменгі Барсханның цитаделі мен қорымын, Меркі, Аспара және Қастек қалаларын қазуы да елеулі табыспен есте қалды. Ғалымның еңбектері болашақ археологиясы үшін үлкен мұра және қомақты ғылыми негіз болып табылады.

Түйін сөздер: археология, А.Ә. Нұржанов, зерттеуші, өркениет, Ұлы Жібек жолы, археологиялық экспедиция

УЧЕНОМУ, АРХЕОЛОГУ, КОЛЛЕГЕ, ДРУГУ, УЧИТЕЛЮ...

Төлегенов Абылай Көпбергенұлы¹¹младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, г. Алматы,
Казахстан. E-mail: abylai_24_12_94@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается научное наследие археолога Нуржанова Арнабая Абишевича, который внес неоценимый вклад в развитие археологии Казахстана и Центральной Азии; изучение истории средневековых городов Казахстана на Великом Шелковом пути; урбанизационных процессов в Великой степи; сохранение памятников археологии. Арнабай Абишевич Нуржанов отличался эрудированностью и широтой взглядов, был человеком с твердым характером и активной жизненной позицией. Он являлся руководителем полевых исследований крупных экспедиций в Казахстане и за его пределами. Круг научных интересов А.А. Нуржанова широк и разнообразен: вопросы генезиса и развития номадизма и урбанизации; эволюция специфических и всеобщих характеристик средневековой городской культуры Жетысу; исторической географии; проблемы изучения Великого Шелкового пути в аспекте политических, экономических и культурных связей с государствами Евразии, а также приоритетные направления археологии. Большим достижением в археологии А.А. Нуржанов считал открытие дворцового комплекса на городище Кулан с уникальными терракотами и рез-

ными сырцовыми кирпичами VIII–X вв. Значительным успехом также ознаменовались раскопки цитадели и некрополя Нижнего Барсхана, городищ Мерки, Аспара и Кастек. Труды ученого представляют собой большое наследие и солидный научный задел для археологии будущего.

Ключевые слова: археология, А.А. Нуржанов, исследователь, цивилизация, Великий Шелковый путь, археологическая экспедиция

TO A SCIENTIST, AN ARCHAEOLOGIST, A COLLEAGUE, A FRIEND, A TEACHER...

Abylay Tolegenov¹

¹Junior researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: abylai_24_12_94@mail.ru

Abstract. The article examines the scientific heritage of the archaeologist Nurzhanov Arnabai, who made an invaluable contribution to the development of archaeology of Kazakhstan and Central Asia; the study of the history of medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road; urbanization processes in the Great Steppe; the preservation of archaeological monuments. Arnabai Nurzhanov was distinguished by erudition and breadth of views, was a man with a firm character and an active life position. He was the head of field research of large expeditions in Kazakhstan and abroad. The circle of scientific interests of A. Nurzhanov is very broad and diverse: issues of the genesis and development of nomadism and urbanization; the evolution of specific and universal characteristics of the medieval urban culture of Jetysu; historical geography; problems of studying the Great Silk Road in the aspect of political, economic and cultural ties with the states of Eurasia, as well as priority areas of archaeology. A. Nurzhanov considered the opening of the palace complex on the Kulan settlement with unique terracotta and carved mud bricks of the VIII–X centuries to be a great achievement in archaeology. The excavations of the citadel and necropolis of Lower Barskhan, the settlements of Merki, Aspara and Kastek were also marked by significant success. The scientist's works represent a great heritage and a solid scientific foundation for the archaeology of the future.

Keywords: archaeology, A. Nurzhanov, researcher, civilization, the Great Silk Road, archaeological expedition

Нұржанов Арнабай Әбішұлы – Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының кандидаты, археолог. 1957 жылы 12-маусымда Жамбыл облысы Луговой ауданы Подгорное (қазіргі Тұрар Рысқұлов ауданы Алғабас ауылы) ауылында дүниеге келген.

1978 жылы ҚазПИ-дің (қазіргі Абай атындағы ҚазҰПУ) тарих факультетін бітіріп, 1978–1980 жылдары Кеңес армиясы қатарында Ауғанстанда әскери борышын өтеді. Елге оралған соң қоғамдық-

ұйымдастырушылық қызметке араласып, 1980–1984 жылдары Алматы қаласындағы Алатау аудандық комсомол комитетінің хатшысы, 1984–1988 жылдары Алматы қалалық № 7 арнайы мектептің директоры қызметінде абыройлы еңбек етті.

А. Нұржанов қоғамдық-ұйымдастырушылық қызметтен бөлек, ғылыми, ғылыми-ұйымдастырушылық және педагогикалық қызметтерді де қатар алып жүрді. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтындағы ғылыми қызметін 1988 жылы қатардағы

*А.А. Нұржанов, 2006 ж.
Фото О.В. Беляловтікі*

*A. Nurzhanov, 2006.
Photo by O.V. Belyalov*

ғылыми қызметкерден бастады, одан кейін жетекші ғылыми қызметкер және бас ғылыми қызметкер дәрежесіне дейін көтерілді. 2020 ж. «Ортағасырлық урбанизация» бөлімі меңгерушісі болды.

Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының мүшесі ретінде археологиялық барлау және қазба жұмыстарын жүргізіп, зерттеу нәтижелерін ғылыми айналымға енгізуде үлкен еңбек етті.

1989–1991 жылдары – Қазақстан-Америка, 1991–1993 жылдары Қазақстан-француз халықаралық археологиялық экспедицияларының топ жетекшісі, 1989–1991 жылдары «Оңтүстік Қазақстан» кешкенді археологиялық экспедициясының отряд бастығы, 2007 жылдан ба-

стап «Жетісу» археологиялық экспедициясының басшысы болды.

1992 жылы К.М. Байпақовпен бірге «Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан» атты монографиясы жарық көрді. Еңбекте Ұлы Жібек жолының Қазақстанның дамуына қосқан үлесі талданған [Байпақов, Нұржанов, 1992].

Арнабай Әбішұлы ғылыми жұмыспен қатар Абай атындағы ҚазҰПУ, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінде, Т.Қ. Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық Өнер академиясында арнайы пәндерден дәріс оқыды. Сонымен қатар студенттерді далалық археологиялық тәжірибеден өткізу барысында ортағасырлық Қастек, Талғар, Құлан, Тараз, Меркі қалалық мәдениетін зерттеді.

Археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде жинақталған жәдігерлерді еліміздегі музейлерге тапсырып, олармен тығыз байланыста ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізді. 2017 ж. Алматы музейінде «Ортағасырлық Қастек қаласы» бөлімін ашып, қазба жұмыстары барысында табылған жәдігерлерді музей қорына өткізді.

Археолог А. Нұржанов Қазақстан мен Орталық Азияның урбанизациясы, Ұлы Жібек жолы бойындағы ортағасырлық қалаларды зерттеу бағытында табысты жұмыстар жүргізді. Далалық археологиялық қазба жұмыстарының ішінде ортағасырлық Құлан қаласынан табылған VIII–X ғғ. жататын сарай кешенінің ашылуы үлкен ғылыми жаңалық болды [Нуржанов, 2011]. Бұл ашылу туралы Арнабай Әбішұлы: «Алты жүз жылдық тарихы бар бұл сарай менің өмірімдегі басты

жаңалықтың бірі болды. Оның жалпы ауданы 200 шаршы метрден асады, 54 бөлме, үш кіреберіс, екі аула және бассейн. Сарайдан біз терракоталық адам фигураларын таптық, олар арқылы біз сол кездегі бас киімдер мен киімдер туралы түсінік алдық және сол арқылы біз үйлердің қалай безендірілгенін білеміз» деп жазды* (*аудармасы автордыкі – ред.) [Нуржанов, 2003, с. 115].

2007–2009 жылдары Жамбыл облысындағы ортағасырлық Меркі қаласына қазба жұмыстарын жүргізді. Жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде О. Кузнецовамен бірігіп «Ортағасырлық Меркі (Мирки) қаласы» атты монографиясын 2009 жылы жарыққа шығарды. [Кузнецова, Нуржанов, 2009].

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының, кейіннен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қоғамдық өміріне белсене қатысты: бірнеше рет жергілікті Комитетке сайланды, Ғылыми кеңестің мүшесі болды. Ғылыми деңгейін көтеріп, аспирантураны аяқтады.

2010 жылы «Тараздан Аспараға дейінгі Жібек жолы бойындағы ортағасырлық қалалар» тақырыбында кандидаттық диссертациясын қорғады [Нуржанов, 2010]. Осы жұмысында Ұлы Жібек жолының 14 тармағын тауып, зерттеп, ғылыми айналымға енгізді.

Арнабай Әбішұлының жетекшілігімен Жетісу археологиялық экспедициясы 2011–2020 жылдары ортағасырлық Қастек қаласына кешенді түрде археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. Қазба барысында қалалық материалдық мәдениеттің

үлкен бір бөлігі анықталып, суландыру жүйесі, қолөнер кәсіпшілігі, оның ішінде құмыра жасау, шыны өндірісі, метал өндеудің осы қалада болғандығын дәлелдеді. Қазба жұмыстары кезінде қыш құмыралар, тіс щеткасы, шыны бұйымдары және темірден жасалған еңбек және қару-жарақ заттары, ат әбзелдері, әшекейлер жинақталды [Нуржанов, 2015, с. 99]. «Ата-бабамыз 365 күн бойы көшіп жүрсе “Алтын адам” бұйымдары мен металдан жасалған медициналық құралдар қалай жасалар еді? Сондықтан, “Көшпенділер мемлекетіміз”, “көшпенділер еліміз” деген ұғымнан арылуымыз керек, бізде дамыған қалалық мәдениет болған»* (*аудармасы автордыкі – ред.) [Нуржанов, 2020, с. 225],- деп жазған ғалым өз мақаласында қазақ даласында дамыған отырықшы өркениеттің болғандығын дәлелдеп берді. Археологиялық қазба жұмыстары мен жазбаша деректер негізінде жасалған талдаулар нәтижесінде ортағасырлық қалалардың ұсақ тауар өндірісінің орталығы болғанын анықтады.

А. Нұржанов – Оңтүстік-Шығыс Қазақстан аумағындағы өркениеттің өзара әрекеттестігі, Қазақстан, Орталық Азиядағы қалалық мәдениеттің даму тарихын зерттеу барысында көп еңбек етті. Отырар, Меркі, Тараз, Құлан, Аспара, Талғар, Қаялық, Төменгі Барсхан, Ақыртас, Өрнек, Қостөбе, Қастек қалаларына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізіп, ортағасырлық Құлан, Өрнек, Қостөбе, Ақыртас, Ақтөбе, Баласағұн қалаларын ЮНЕСКО-ның әлемдік мұралар тізіміне енгізуде көп еңбек етті. Ол барлық археологтар сияқты 2014 ж. ортасында Қазақстанның сегіз ескерткішін ЮНЕСКО-ның

Дүниежүзілік Мәдени мұра тізіміне бірден енгізілгеніне қуанды.

Ғалымның ғылыми қызығушылықтары өте кең және алуан түрлі еді. Олар: номадизм, урбанизация генезисі мен дамуы, оңтүстік және Оңтүстік-Шығыс Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетінің, Іле Алатауы ескерткіштерінің ерекше және жалпыға ортақ сипаттамаларының эволюциясы, тарихи география мәселелері, Еуразия мемлекеттерімен саяси, экономикалық және мәдени байланыстар аспектісінде Ұлы Жібек жолының мәселелері, сондай-ақ археологияның басым бағыттары болатын.

2020 ж. Алматы қаласында орналасқан «Таугүл-3» қорғанында археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. Қазба жұмыстары барысында шырақтар, құрбандық қыштары, сақ-ерте үйсін кезеңіне жататын қыш ыдыстар табылды. А. Нұржанов қорғанға тек археологиялық тұрғыдан қазба жұмыстарын жүргізумен қатар, қорғанды сақтап, ашық аспан астындағы музей ашуды мақсат етті.

2021–2023 жылдарға арналған гранттық қаржыландыру бағдарламасы бойынша «Алтын Орда дәуіріндегі кейінгі ортағасырлық қалалық мәдениет. Шаруашылық (Кинчат) және Аспара (XIII–XVI ғғ.) қалаларындағы археологиялық зерттеулер мен ізденістер» атты жобаны жеңіп алып, осы жоба шеңберінде Шаруашылық (Кинчат) және Аспара сияқты кейінгі орта ғасырлық қалалардың урбанистік ландшафтының және Алтын Орданың көшпелі мәдениетінің өзара әрекеттесуі бойынша ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізуді баптап кеткен еді.

А. Нұржанов археологиялық-тарихи ескерткіштерге шыннайы жанашырлықпен қарады. Қазақстанның барлық телеарналарында, әсіресе, «Qazaqstan», «Первый канал Евразия», «Almaty TV», «Хабар TANYM», «Хабар 24», «31 арна», «Kazakh TV», «Таң» телеарналарымен үнемі байланыста болып, еліміздегі археологиялық-тарихи ескерткіштерді сақтау, қорғау мәселерін шешу барысында батыл қадамдар жасады. Еліміздегі археологиялық ескерткіштерді қорғау мен сақтау мәселелерін бұқаралық ақпарат құралдарында, әсіресе «Заң», «Egemen Qazaqstan», «Ана тілі», «Айқын», «Руханият», «Казахстанская правда», «Пульс Карасая», «Караван» газеттеріне берген сұхбаттарында, басылым беттеріндегі мақалаларында тарихи-археологиялық ескерткіштерді бұзылудан сақтау, қорғау және қалпына келтіру мәселесін көтеріп, оның толық шешімін табу жолында күресті. 2010 жылы ЮНЕСКО қорғауындағы ескерткіш – ежелгі Талғар қалашығы аумағында заңсыз су құбырын салу жұмыстарын жүргізу барысында, ғалым өз әріптестерімен бірге экскаватор шөмішінің астына тұрып, өз өмірін қатерге тігіп жұмысты тоқтатты және қаланы қираудан аман алып қалды.

Арнабай Нұржановтың ғылыми зерттеу саласы Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың ортағасырлық қалалары (фортификациялау, топография, оқшаулау және хронология), Қазақстанның оңтүстігі мен оңтүстік-шығысында отырықшы және қалалық мәдениеттің генезисі мен дамуы, сондай-ақ Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетінің ерекше және жалпыға ортақ

сипаттамаларының эволюциясы болды.

Арнабай Нұржановтың зерттеген ескерткіштер тізімінде Луговое қалашығы – Құлан қаласы, Қостөбе қалашығы – Жамуқат қаласы, Үрунг-Ардж қаласымен теңестірілген Қастек-1 қалашығы бар – барлық ескерткіштер Жамбыл облысында орналасқан және Ұлы Жібек жолы бойында орналасқан. А. Нұржанов 10 жылдан астам уақыттың Қастек-1 қалашығын зерттеуге арнады [Савельева, 2021]. Қазақстанда, сондай-ақ бірнеше рет шетелде өткен: Ресей (Мәскеу, Қазан, Санкт-Петербург), Испания (Барселона), Түркменстан (Ашхабад), Украина (Киев), Түркия (Измир) халықаралық конференциялар мен кеңестерде ғылыми баяндамалар жасады. 170-тен астам ғылыми мақала мен бірнеше ғылыми монографияның авторы.

А. Нұржановтың отандық археология ғылымын дамытуға сіңірген еңбегі жоғары бағаланып, ғылым мен білім саласының дамуына елеулі үлес қосып, педагогикалық

қызметте жеткен табыстары үшін Ә.Х. Марғұлан атындағы «Жас ғалымдар сыйлығының» лауреаты (1993 ж.); «Әл-Фараби» медалі (2017 ж.); «Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетіне 90 жыл» мерекелік медалі; «Қазақстан Республикасының ғылымын дамытуға сіңірген еңбегі үшін» төсбелгісімен (2019 ж.) марапатталған.

Халқымыздың ардақты ұлы, отыз жылдан астам уақыт бойы археология ғылымы аясында еңбек еткен Қазақстанның көрнекті ғалым-археологы Нұржанов Арнабай Әбішұлы 2021 жылдың 27 мамырында дүниеден өтті.

Арнабай Әбішұлы жас ғалымдарға білім беруде, тәрбиелеуде, ғылыми-зерттеу жұмыстарына баулу да аянбай қызмет етті. Ол ғылымда адалдығымен, кәсібилігімен, зерттеушілік талантымен және жеке харизмасымен ерекшеленді. Ғалымның қалдырған ғылыми мұрасы болашақта археология ғылымын дамытуда қолмақты із қалдыратыны сөзсіз.

ӘДЕБИЕТ

1. Байпақов К.М., Нұржанов А.Ә. Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан. Алматы: «Қазақстан», 1992. 208 б.
2. Кузнецова О.В., Нұржанов А.А. Средневековый город Мерке (Мирки). Алматы: Мектеп, 2009. 128 с.
3. Нұржанов А.А. Терракотовые персонажи из городища Кулан // Вестник КазНУ: Сер. историч. 2003. № 2 (29). С. 115-118.
4. Нұржанов А.А. Средневековые города на участке Великого Шелкового пути от Тараза до Аспары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 26 с.
5. Нұржанов А.А. Архитектурный декор дворцового комплекса городище Кулан // III Оразбаевские чтения: м-лы междунар. науч.-практ. конф. Алматы: «Қазақ университеті», 2011. С. 136-140.
6. Нұржанов А.А. Исследования средневекового городища Кастека // Известия НАН РК. Серия. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (298). С. 99-109.

7. Нуржанов А.А. Средневековые города Казахстана: урбанистический ландшафт степной цивилизации // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): м-лы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (г. Омск, 30 сентября 2020 г.). Омск: Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 225-238.

8. Савельева Т. Наследие ученого Арнабай Нуржанова // Официальный сайт газеты «Огни Алатау». 07.07.2021. URL: <https://ognialatau.kz/news/cat-6/14457/>

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Nurzhanov, A. A. 1992. *Uly Jibek joly jane ortagasyrlyk Kazakhstan ((The Great Silk Road and medieval Kazakhstan)*. Almaty: Kazakhstan (in Kazakh).

2. Kuznetsova, O. V., Nurzhanov, A. A. 2009. *Srednevekovyi gorod Merke (Mirki) (The medieval town of Merke (Mirki))*. Almaty: “Mektep” Publ. (in Russian).

3. Nurzhanov, A. A. 2003. In: *Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series*, 2 (29), 115-118 (in Russian).

4. Nurzhanov, A. A. 2010. *Srednevekovye goroda na uchastke Velikogo Shelkovogo puti ot Taraza do Aspary (Medieval cities on the section of the Great Silk Road from Taraz to Aspara)*: thesis of the dis. ... Cand. historical sciences. Almaty (in Russian).

5. Nurzhanov, A. A. 2011. In: *Orazbayev reading III*. Almaty: “Kazakh University”, 136-140 (in Russian).

6. Nurzhanov, A. A. 2015. In *Izvestiya NAN RK: seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series. social sciences and humanities)*, 6 (298), 99-109 (in Russian).

7. Nurzhanov, A. A. 2020. In *Kulturnye landshafty gorodov Sibiri (aksiologiya, istoriya, praktiki) (Cultural landscapes of Siberian cities (axiology, history, practices))*. Омск: F.M. Dostoyevsky Omsk State University, 225-238 (in Russian).

8. Savelyeva, T. 2021. In: *Ogni Alatau*. URL: <https://ognialatau.kz/news/cat-6/14457/> (in Russian).

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.07.2021.

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ: ПАМЯТИ АРНАБАЯ НУРЖАНОВА

© 2021 г. Крупко Игорь¹

¹научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка описания научных исследований известного казахстанского археолога Арнабая Абишевича Нуржанова. Его научную деятельность можно охарактеризовать как междисциплинарное исследование ушедших эпох, воплощенных в материальной культуре, артефактах, ритуальных комплексах и сакральных памятниках. В своих исследованиях он создавал верифицируемую эмпирическую базу энциклопедического типа, систематизируя исторические факты об археологических культурах средневековья – важнейшей эпохи для истории Казахстана. Именно в этот период сформировался культурный ландшафт и багаж, с которым Казахстан вышел в Новое время. Под руководством Арнабая Абишевича отдел средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана выполнял следующие задачи: исследование жилых кварталов, некрополей, сакральных памятников и артефактов, ритуальных комплексов на территории средневековых городов Казахстана как пространств знаковых систем экономических, религиозных и социальных отношений; изучение процессов возникновения и становления городской культуры Казахстана в ее взаимодействии с кочевой цивилизацией средневековых тюрков. Настоящая статья является и некрологом, мемуаром о совместной работе и попыткой прощания с учителем.

Ключевые слова: археология, средневековая история Казахстана, степная цивилизация, культура, историческая память

КӨНЕНІҢ САҚТАУШЫСЫ: АРНАБАЙ НУРЖАНОВТЫ ЕСКЕ АЛУ

Крупко Игорь¹

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

Аннотация. Мақалада көрнекті қазақ археологы Арнабай Әбішұлы Нұржановтың ғылыми зерттеулерін сипаттауға талпыныс жасалынған. Оның ғылыми қызметін материалдық мәдениетте, артефактілерде, ғұрыптық кешендерде және қасиетті ескерткіштерде өткен дәуірлерді пәнаралық зерттеу ретінде сипаттауға болады. Ол өз зерттеулерінде орта ғасырлардағы археологиялық мәдениеттер туралы – Қазақстан тарихы үшін ең маңызды дәуірдің тарихи фактілерді жүйелеп, энциклопедиялық тұрпаттағы тексерілетін эмпирикалық базасын жасады. Дәл осы кезеңде Қазақстан жаңа уақытқа енген мәдени ландшафт пен қор қалыптасты. Арнабай Әбішұлының жетекшілігімен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ортағасырлық археология бөлімі келесі міндеттерді орындады: экономикалық, діни және әлеуметтік қатынастардың символдық жүйелерінің кеңістігі ретінде тұрғын үй

махаллаларын, қорымдарды, қасиетті ескерткіштер мен артефактілерді, ғұрыптық кешендерді зерттеу; ортағасырлық түріктердің көшпелі өркениеті мен өзара байланыстағы Қазақстанның қалалық мәдениетінің пайда болуы мен қалыптасуы үдерісін зерттеді. Бұл мақала сонымен қатар қазанама, ұжымдық жұмыс туралы естелік және ұстазбенен қоштасуға арналады.

Түйін сөздер: археология, ортағасырлық Қазақстан тарихы, дала өркениеті, мәдениеті, тарихи жады

THE KEEPER OF ANTIQUITY: IN MEMORY OF ARNABAI NURZHANOV

Igor Krupko¹

¹scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

Abstract. The article attempts to describe the scientific research of the outstanding Kazakh archaeologist Arnabai Nurzhanov. His scientific activity can be characterized as an interdisciplinary study of bygone eras, embodied in material culture, artifacts, ritual complexes and sacred monuments. In his research, he created a verifiable empirical base of the encyclopedic type, systematizing historical facts about the archaeological cultures of the Middle Ages – the most important era for the history of Kazakhstan. It was during this period that the cultural landscape and baggage with which Kazakhstan emerged into the New Time was formed. Under the leadership of Arnabai Nurzhanov, the Department of Medieval Archaeology of the A.Kh. Margulan Archeology Institute of performed the following tasks: research of residential quarters, necropolises, sacred monuments and artifacts, ritual complexes on the territory of medieval cities of Kazakhstan as spaces of symbolic systems of economic, religious and social relations; study of the processes of the emergence and formation of the urban culture of Kazakhstan in its interaction with the nomadic civilization of the medieval Turks. This article is also an obituary, a memoir about our work, and an attempt to say goodbye to the teacher.

Keywords: archaeology, medieval history of Kazakhstan, steppe civilization, culture, historical memory

27 мая 2021 года, не дожив всего две недели до своего 64-летия, умер Арнабай Абишевич Нуржанов – главный научный сотрудник Института археологии им А.Х. Маргулана, мой дорогой друг и старший коллега, один из моих учителей. Узнав об этом одним из первых, я вновь и вновь пытался понять оглушительный, несправедливый смысл слов «остановилось сердце». Это показалось мне невозможным, да и сейчас верится лишь потому, что я был на похоронах - в Жамбылской области, близ села Лу-

говое (в поселке Алгабас), где нашего любимого, всегда неутомимого, чуткого, умного наставника под палящим солнцем завернули в ткань и навсегда положили в землю. На кладбище его несли на руках, несколько десятков человек шли следом, провожая. В тот день я понял, как важна была традиция, когда в дом приходили люди, скорее всего, не так хорошо знавшие покойного лично и едва ли представлявшие его вклад в археологическую науку Казахстана в полной мере, но скорбящие вместе с нами - родствен-

никами и друзьями Арнабая Абишевича. Традиция регламентирует эти этические тонкости, в чем я убедился тогда – люди заходили с плачем, от которого нам становилось легче: не нужно было сдерживаться. Церемонией руководил его брат, чье сходство с покойным было столь велико, что порой кололо жестокой надеждой.

Казалось бы, прошло уже много дней, но начиная каждый день, я врезаюсь как в стену в мысль о том, что его с нами нет. Впереди – пропасть его отсутствия.

Важно то, какие эмоции вызывает в нас человек, что пробуждает, на какие поступки вдохновляет. Арнабай Абишевич вызывал нас на подвиг, служение науке, пробуждая в нас уверенность в исторической правде. Далее я хотел бы обозначить контуры его исследовательской мысли и вклада в археологическую науку Казахстана, а также кратко поделиться опытом научной работы под его руководством.

Краткая биографическая справка: Арнабай Абишевич Нуржанов –

*В пути. Последняя экспедиция А.А. Нуржанова. 25 мая 2021 г.
Слева направо: Г. Жарылкасынұлы (водитель), Р. Буранбаев, А.А. Нуржанов,
Е. Казизов, И. Камалдинов. Автор фото Н. Мәлік*

*The way. The last expedition of A. Nurzhanov. May 25, 2021. From the left to right:
G. Zharylkasynuly (driver), R. Buranbayev, A. Nurzhanov, E. Kazizov, I. Kamaldinov.
Photo by N. Malik*

кандидат исторических наук. Родился 12.06.1957 г. в с. Подгорное Луговского района Джамбулской области. В 1978 г. завершил обучение в КазПИ имени Абая (совр. КазНПУ) по специальности «История». С 1980 по 1984 гг. работал секретарем Алатауского РК ЛКСМ Казахстана г. Алматы. В 1988-1991 годы – МНС Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. В 1994 г. стал лауреатом премии молодых ученых им. А.Х. Маргулана Казахстана. С 1988 г. – начальник отряда ЮККАЭ, с 2010 г. – начальник Жетысуской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана. Будучи высококвалифицированным специалистом в области археологии, цивилизационного взаимодействия культур на территории Юго-Восточного Казахстана, изучения происхождения и развития городской цивилизации в Казахстане, Центральной Азии, в 2010 г. защитил диссертацию на тему «Средневековые города на участке Шелкового пути от Тараза до Аспары». За свою жизнь опубликовал более 170 научных работ.

Областью научных исследований Арнабая Абишевича были средневековые города Юго-Восточного Казахстана (фортификация городищ, топография, вопросы локализации и хронологии), генезис и развитие оседлой и городской культуры, а также эволюция специфических и всеобщих характеристик средневековой городской культуры Казахстана. О международном признании трудов А.А. Нуржанова свидетельствуют его неоднократные выступления с научными докладами на конференциях и совещаниях как в Казахстане, так и за рубежом: в Ашхабаде, Барселоне, Из-

мире, Казани, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге.

Мы познакомились 9 лет назад на его лекции в КазНПУ им. Абая, где Арнабай Абишевич много лет преподавал археологию, организуя каждый год археологическую практику для студентов (незабываемый опыт интеллектуального, физического и нравственного очищения). Его педагогический стиль по сей день остается для меня образцом высокой игры смыслами, в ходе которой знание становится для тебя способом жизни. Его владение темой было настолько глубоким, что достаточно было нескольких точных, искрометных реплик, чтобы ты (студент) проникся энергией познания и ждал следующего урока как праздника в радостной подготовке к нему.

На его лекциях мы впервые узнали, что территория Казахстана являлась уникальной зоной сосуществования гетерогенных культурообразующих сред: как кочевых, так и оседло-земледельческих, с древности до этнографической современности. Тогда же студенты погружались в диалектику истории кочевой и городской культур, временами перетекавшую в диалог.

Позже я узнал Арнабая Абишевича как ученого. В своих исследованиях он создавал верифицируемую эмпирическую базу энциклопедического типа, систематизируя исторические факты об археологических культурах средневековья – важнейшей эпохи для истории Казахстана. Именно в этот период сформировался культурный ландшафт и багаж, с которым Казахстан вышел в Новое время. В этот период на территории Казахстана происходят такие базо-

вые исторические процессы, как урбанизация, формирование кочевых и оседлых государств, функционирует Великий Шелковый путь и т. д. [Нуржанов, Крупко, 2018].

Его научную деятельность можно охарактеризовать как междисциплинарное исследование ушедших эпох, воплощенных в материальной культуре, артефактах, ритуальных комплексах и сакральных памятниках. Он понимал, что интерпретация материальной культуры исключительно как знаковой системы – не всегда продуктивна. Эпистемологические конфликты такого рода ведут к смене парадигм, в частности, исследования культурогенеза последовательно прошли через антропологический, семиотический, онтологический и другие повороты.

Одним из приоритетных ориентиров в археологических исследованиях Арнабая Нуржанова, было изучение урбанизации в сложении государственности. В его поздних статьях, таких как «Золотая Орда: урбанистический ландшафт степной цивилизации» [Нуржанов, 2020], исследуется то, как материальная культура населения позднесредневековых городов Золотой Орды развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как кочевых, так и оседлых в процессе урбанизации в новых городах, что говорит о мощи и организованности государства, а также о налаженном аппарате влияния на гетерогенный социум. В этом, по мнению Арнабая Абишевича, заключался один из секретов успеха Золотой Орды как государства – ее социальная гетерогенность. Не замыкаясь в национальной оптике, он всегда имел перед глазами

мировой контекст, ведь территории Степной Евразии были своеобразным мостом и ретранслятором диалога культур. В средневековых городах Казахстана встречались различные этносы, культурные традиции, религии, которыми была создана одна из ярких, самобытных городских цивилизаций [Нуржанов, 2017а; 2017б].

Говоря о концептуальном осмыслении феномена кочевой государственности и культуры в трудах Арнабая Абишевича (не признававшего абсолютность терминов «кочевники» или «номады»), нельзя не отметить позитивные сдвиги в науке (в т. ч. и мировой), долгое время интерпретировавшей мобильные этнокультурные группы кочевников как стихийных «варваров», органически неспособных к созиданию. Однако за последние десятилетия отношение к этим вопросам изменилось, не в последнюю очередь благодаря археологам. Процесс нациестроительства, утверждения идентичности и обретения исторической субъектности сопровождается идеологической актуализацией археологических исследований. Схожие по своим эпистемологиям идеология нациестроительства, репрезентирующая нацию как единое коллективное тело в истории, и археологическая наука, рассматривающая определяемые ей археологические культуры как материальные воплощения нации, одновременно являющиеся ее истоками и культурным наследием, возникают в Новое время. В случае Казахстана, на эту ситуацию накладывается дополнительное измерение – колониальная модернизация исторической памяти, начавшаяся с включением территорий Казахской степи в юридическую и социокуль-

турную систему Российской империи и СССР, когда начался процесс ревитализации и конструирования историко-культурного наследия, позволивший в советский период продолжить его освоение на качественно ином методологическом уровне, а затем в период после 1991 г. закрепить за ним статус этноисторического богатства, легитимирующего автохтонность, древность и мобилизующий дискурс нациестроительства [Krupko et al., 2020; Nurzhanov et al., 2020].

На основании накопленных знаний об имеющихся, преимущественно на юге молодой республики, археологических памятниках советские исследователи развивали идею о том, что кочевая культура не может рассматриваться в качестве определяющей характеристики истории Казахстана. Предпочтение, отдававшееся именно городам в конструировании исторической памяти, связано с представлениями о государствогенезе как о процессе, в большей степени характерном для оседло-земледельческой цивилизации, и городе как гетерогенном пространстве: в маргинальных зонах, ставших ареалами развития средневековых городов Юго-Восточного Казахстана встречались разнонаправленные интересы гетерогенных социальных групп, порождая конфликты и необходимость в их разрешении нейтральным арбитром, что, в свою очередь, создавало административные институты, могущие разрешать эти противоречия, впоследствии эволюционирующие в государство.

Интересным и важным для меня было участие в составлении фундаментального свода памятников «Сакральная география Казахстана» под руководством Арнабая Абишевича. В

культуре каждого народа нашей планеты существуют сакральные объекты и пространства, обретающие этот статус веками и известные каждому представителю этой культуры. На онтологическом уровне знаковые явления истории, сакральные памятники существуют как символы национальной идентичности, места, где происходит «встреча людей в веках». Не менее важна их значимость для науки: памятники – источник важнейшей информации о жизни социума, в котором он возник. Являясь одновременно памятниками и искусства, и строительной техникой, они дают яркое представление о культурогенезе, идеях, развитии научно-производственного потенциала, эстетических критериях эпохи, кросс-культурных контактах народов и уровне организации социальной организации. Здесь и возникает взаимодействие и диалог культур – когда хозяйственно и экономически гетерогенные этнические группы, существуя в едином степном пространстве, объединяются культурной памятью и местами сакральной географии. Научные тексты Арнабая Абишевича направлены на объединение людей культурной памятью общей исторической судьбы.

Он был энциклопедически образованным ученым. Важное место в его исследованиях культуры занимало изучение религии – реконструкция маршрутов знания и веры людей, артефакты жизни которых он находил в земле, доказывая, что утилитарные предметы и действия в традиционной культуре пронизаны символами и существуют в равной степени как предмет быта и сакральное произведение искусства городской культуры. Достаточно вспомнить его замеча-

тельные статьи «Истоки праздника Навруз» [Нуржанов, 2016], «Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.)» [Нуржанов, Муратова, 2015] или «Культовый сосуд карлуков-несторианцев из городища Кастек» [Нуржанов, 2017в]. В статье «К вопросу о семиотике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов» он вписал Кастек в мировую историю религии: «К отличительным признакам оформления двухступенчатого алтаря из помещения 1 архитектурного комплекса Кастек-1 относятся шишковидные выступы, расположенные с двух сторон от углубления-чаши. Выступы на разных жертвенниках имеют значение рогов. Одни исследователи усматривают в этом попытки придать жертвеннику форму быка, другие предполагают, что выступы-рога заменили с течением времени рога действительных жертвенных животных, которые в предшествующее время привешивались к алтарю. Рога были одной из самых священных частей алтаря. В обрядовой практике использовались разные типы жертвенников. Focus (очаг) относится к подземным богам, ага – к земным, altare – к небесным. Алтарь (лат. altaara) имеет значение высокий жертвенник. В глиняном ступенчатом алтаре из помещения 1 архитектурного комплекса городища Кастек-1 представлены три ступени мироздания, воплощенные в структуре Мирового древа. С «нижним миром» соотносится напольный очаг, со «средним» и «верхним» мирами – две ступени жертвенника. Лестница в мифологической традиции являлась аналогом пути на Небо – Оси Мира,

Мирового Столпа, Древа Жизни» [Нуржанов, 2018, с. 196–198].

Под руководством Арнабая Абишевича отдел средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана выполнял следующие задачи: исследование жилых кварталов, некрополей, сакральных памятников и артефактов, ритуальных комплексов на территории средневековых городов Казахстана как пространств знаковых систем экономических, религиозных и социальных отношений; изучение процессов возникновения и становления городской культуры Казахстана в ее взаимодействии с кочевой цивилизацией средневековых тюрков; выявление функциональных элементов городской культуры раннего и развитого средневековья Центральной Азии по имеющимся археологическим, историческим, литературным, религиозным и другим источникам, отражающим ценности и нормы культурной жизни урбанизированного населения; исследование и концептуализация ментальных структур, зафиксированных в материальной культуре оседлого и кочевого населения региона с древности до этнографической современности на материалах археологических исследований [Нуржанов, 2020], нарративных, фольклорных и других исторических источников; выявление соответствующих институтов и конкретные субкультуры, отражающих определенные эталоны, нормы и правила повседневной жизни городского общества; исследование трансформации и институционализации религиозных систем на территории Казахстана в парадигме истории повседневности. С 2012 г.

Арнабай Абишевич исследовал средневековое городище Кастек [Нуржанов, 2017г], куда и возил студентов на археологическую практику – райское место, судьба которого теперь, после его ухода, неизвестна. Все, сколько-нибудь знакомые с Арнабаем Абишевичем, знают: он был одним из самых отважных хранителей культурного наследия страны – воином исторической истины с открытым забралом. Достаточно вспомнить его активное участие в спасении г. Талхиз, многочисленных курганов на территории Алматы [Нуржанов и др., 2020], того же Кастека и мн. др.

Он был начальником гарнизона осажденного города, внушающим всем надежду, даже когда ее не было. И благодаря этому дару, город всегда выживал и побеждал. *Человек с большим сердцем*, способным вместить печали и радости любого, понять и поддержать каждого. С ним навсегда ушла эпоха классически образованных археологов-медиевистов Казахстана. И что-то очень важное в наших жизнях умерло вместе с ним. Светлая память, благодарность и любовь к этому благородному человеку останется в нас навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нуржанов А.А.* Истоки праздника Навруз // Народы и религии Евразии. 2016. № 9 (9). С. 170-181. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2121>
2. *Нуржанов А.А.* Городская цивилизация тюркских государств Жетысу // Вестник КазНПУ. Сер. истор. и соц.-полит. науки. 2017а. № 2 (53). С. 286-295.
3. *Нуржанов А.А.* Денежные отношения Тюркских государств в эпоху средневековья // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): м-лы Междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 22-24 мая 2017 г.) / отв. ред. Ф.И. Куликов, ред. А.В. Эбель. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский госуниверситет, 2017б. С. 224-228.
4. *Нуржанов А.А.* Культурный сосуд карлуков-несторианцев из городища Кастек // Народы и религии Евразии. 2017в. Вып. 1-2 (10-11). С. 14-22.
5. *Нуржанов А.А.* Зубная щетка из городища Кастек // Археология евразийских степей. 2017г. № 1. С. 267-271.
6. *Нуржанов А.А.* К вопросу о семиотике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов // Археология Казахстана. 2018. № 1-2. С. 190-200.
7. *Нуржанов А.А.* Золотая орда: урбанистический ландшафт степной цивилизации // «Ұлы даланың тарих-мәдени кеңістігіндегі Жошы ұлысының (Алтын Орданың) маңыздылығы мен ролі» тақырыбындағы халықар. ғыл.-теор. конф. (Алматы қ., 26-27.08.2020) / жауапты ред. М.Х. Абусейтова. Алматы: изд-во «Шығыс пен Батыс», 2020. 83-88 бб.
8. *Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 70-95.
9. *Нуржанов А.А., Крупко И.В.* Тюркская культура как уникальная среда и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 22-30.
10. *Нуржанов А., Муратова С.* Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI-XIII вв.) // Народы и религии Евразии. 2015. № 8 (8). С. 79-93. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2263>

11. Нуржанов А.А., Терновская Г.А. К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII вв. (по материалам археологии) // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 99-112. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.99.112>

12. Krupko I.V., Nurzhanov A.A., Sydykov A.Zh. Archaeological Researches in the Territory of Kazakhstan in Russia during the Empire (1733–1917) // Bylye gody. 2020. Vol. 52. Is. 2. P. 474-485.

13. Nurzhanov A.A., Kaldybaeva G.A., Krupko I.V. The Russian Empire's Scientific Heritage. V.V. Bartold and Central Asia // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1317-1326. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1317

REFERERNCES

1. Nurzhanov, A. A. 2016. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 9 (9), 170-181. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2121> (in Russian).

2. Nurzhanov, A. A. 2017a. In: *Vestnik KazNPU. Seriya istor. i soc.-polit. Nauki (Bulletin of Abay University. Series of hist. and socio-political sc.)*, 2 (53), 286-295 (in Russian).

3. Nurzhanov, A. A. 2017б. In: Kulikov, F. I., Ebel, A. V. (eds.). *Istoriya i kultura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredelnyh regionov (Kazahstan, Mongoliya, Kitay) (History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China))*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 224-228 (in Russian).

4. Nurzhanov, A. A. 2017в. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 1-2 (10-11), 14-22 (in Russian).

5. Nurzhanov, A. A. 2017г. In: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the eurasian steppes)*, 1, 267-271 (in Russian).

6. Nurzhanov, A. A. 2018. In: *Kazakhstan archeology*, 1-2, 190-200 (in Russian).

7. Nurzhanov, A. A. 2020. In: Abuseitova, M. K. (ed.). *Uly dalanyň tarihi-madeni kenistigindegi Zhoshy ulysynyn (Altyn Ordanyň) manyzdylygy men roli (The importance and role of the Jochi Ulus (Golden Horde) in the historical and cultural space of the Great Steppe)*. Almaty: “Shygys pen Batys” Publ., 83-88 (in Russian).

8. Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In: *Kazakhstan Archaeology*, 4 (10), 70-95 (in Russian).

9. Nurzhanov, A. A., Krupko, I. V. 2018. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 3 (16), 22-30 (in Russian).

10. Nurzhanov, A., Muratova, S. 2015. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 8(8), 79-93. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2263> (in Russian).

11. Nurzhanov, A. A., Ternovskaya, G. A. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 4 (34), 99-112. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.99.112> (in Russian).

12. Krupko, I. V., Nurzhanov, A. A., Sydykov, A. Zh. 2020. In: *Bylye gody*, vol. 52, Is. 2, 474-485 (in Russian).

13. Nurzhanov, A. A., Kaldybaeva, G. A., Krupko, I. V. 2020. In: *Bylye Gody*, vol. 57, Is. 3, 1317-1326. DOI: 10.13187/bg.2020.3.1317 (in English).

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АИА РАН –	Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Москва
АН СССР –	Академия наук СССР
БФАН СССР –	Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа
ВМУ –	Вестник Московского университета. Москва
ИА РАН –	Институт археологии Российской Академии наук. Москва
КазНПУ –	Казахский национальный педагогический университет им. Абая. Алматы
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
РА –	Российская археология. Москва
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников
ЦКАЭ –	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаяев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садыковым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Компьютерлік беттеу және дизайн – О.В. Кузнецова
Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Computer layout and design – O.V. Kuznetsova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 27.09.2021 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16
Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 27.09.2021 г. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 27.09.2021. Format 70×108 1/16
Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house "Hikari"hikari.kz24.online